МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

И35
I 151

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ КАНУНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ТОМ
I

Ноябрь 1937~1938 г.г.

Из Архива
Министерства Иностранных Дел
Германии

И35 151

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ КАНУНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ТОМ

I

Ноябрь 1937—1938 г.г.

Из Архива Министерства Иностранных Дел Германии

16sw

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
946922

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1948

ПРЕДИСЛОВИЕ

Государственный департамент Соединённых Штатов Америки в начале 1948 г. опубликовал сборник донесений и различных записей гитлеровских дипломатических чиновников под названием «Нацистско-советские отношения 1939—1941 г.г.». Как явствует из предисловия к этому сборнику, между правительствами США и Англии летом 1946 г. была достигнута договорённость о публикации германских дипломатических документов. К этому соглашению в дальнейшем присоединилась и Франция. В 1945 г. Советское правительство обращалось к английскому правительству с предложением о совместной разработке германских документов и настаивало на допущении советских экспертов к участию в этом деле. Предложение Советского правительства было, однако, отклонено. Американское, английское и французское правительства пошли на сепаратное опубликование немецких документов, без участия Советского Союза. Ввиду этого Советское правительство сочло себя в праве в свою очередь предпринять публикацию тех секретных документов из архива германского министерства иностранных дел, которые оказались в числе трофеев, захваченных советскими войсками после победоносного вступления в Берлин.

Документы, включённые в настоящий сборник, представляющий первый том этой публикации, относятся к периоду с ноября 1937 года по декабрь 1938 года. Сборник содержит записи бесед Гитлера, Риббентропа и других представителей германского правительства

с иностранными политическими деятелями, донесения германских дипломатических представителей за границей и другие документы, относящиеся к переговорам германского правительства с правительствами иностранных государств.

Кроме того, в сборник включены отдельные документы других правительств, имеющие непосредственное отношение к помещённым в этом сборнике документам архива германского министерства иностранных дел.

Документы располагаются в хронологическом порядке.

Служебные пометки, носящие стандартный характер, т. е., как правило, повторяющиеся на каждом документе данного рода, в публикуемом тексте русских переводов опущены. Сюда относятся:

1. Штамп для регистрации входящих бумаг. 2. Штамп с разметкой о рассылке копий по отделам министерства и по персональному назначению. 3. Штампы «Geheime Reichssache» и «Geheimvermerk für Geheimreichssache». 4. № данного машинописного экземпляра.

В публикации даются указания на род документа (письмо, телеграмма, записка и т. д.), исходящий №, отметки о секретности. В тех случаях, когда публикуемый текст печатается с копии, воспроизводится имеющаяся на документе пометка: «копия».

Воспроизводятся также резолюции, имеющие принципиальное, а не только техническое значение. В примечаниях оговорены те случаи, когда перевод сделан не с немецкого, а с какого-либо другого языка.

Настоящий сборник подготовлен к печати Архивным Управлением МИД СССР.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

1. Беседа Гитлера с Галифаксом 19 ноября 1937 г. . . 9
2. Письмо германского министра иностранных дел Нейрата германскому посланнику в Праге Эйзенлору от 5 февраля 1938 г. 49
3. Беседа Гитлера с Гендерсоном 3 марта 1938 г. . . 54
4. Донесение чехословацкого посланника в Париже Осуского министру иностранных дел Чехословакии Крофта от 4 марта 1938 г. . . . 76
5. Из телефонного разговора Геринга (Берлин) с Риббентропом (Лондон) 13 марта 1938 г. . . 92
6. Телеграмма германского посланника в Праге Эйзенлора статс-секретарю германского министерства иностранных дел Вейцзекеру от 18 марта 1938 г. 99
7. Нота английского министерства иностранных дел полпредству СССР в Лондоне от 24 марта 1938 г. 102
8. Письмо советника германского министерства иностранных дел Альтенбурга посланнику в Праге Эйзенлору с приложением записи совещания по судето-немецкому вопросу под председательством Риббентропа от 29 марта 1938 г. 107

9. Письмо чехословацкого посланника в Лондоне Масарика министру иностранных дел Чехословакии Крофта от 5 апреля 1938 г. 115
10. Выступление Чемберлена на совещании британских и французских министров 28 апреля 1938 г. 123
11. Донесение польского посла в Париже Лукасевича о беседе с французским министром иностранных дел Боннэ от 27 мая 1938 г. 126
12. Донесение германского посла в Лондоне фон Дирксена министерству иностранных дел от 10 июля 1938 г. 142
13. Памятная записка Черчилля о беседе с руководителем данцигских фашистов Ферстером 14 июля 1938 г. 159
14. Письмо младшего статс-секретаря германского МИД Вермана германским миссиям в Бухаресте и Белграде от 25 июля 1938 г. 164
15. Донесение польского посла в Берлине Липского министру иностранных дел Беку от 11 августа 1938 г. 170
16. Запись беседы советника британского министерства иностранных дел Эштон-Гуэткина с руководителем гитлеровской «судето-немецкой партии» Генлейном от 22 августа 1938 г. . . 183
17. Распоряжение Гитлера о проведении репрессивных мероприятий против Чехословакии от 15 сентября 1938 г. 191
18. Записка референта германского МИД фон Стехова от 15 сентября 1938 г. 193
19. Письмо помощника Гиммлера Беста в министерство иностранных дел от 19 сентября 1938 г. . . 195
20. Письмо младшего статс-секретаря германского МИД Вермана Гиммлеру от 19 сентября 1938 г. . 197

21. Телеграмма чехословацкого министра иностранных дел Крофта посланнику Чехословакии в Париже Осускому 199
22. Предложения Англии и Франции правительству Чехословакии от 19 сентября 1938 г. . . . 202
23. Донесение польского посла в Берлине Липского министру иностранных дел Беку от 20 сентября 1938 г. 206
24. Ответ правительства Чехословакии от 20 сентября 1938 г. на англо-французские предложения. 219
25. Ответная нота британского правительства от 21 сентября 1938 г. на чехословацкую ноту 224
26. Письмо Ренсимена Чемберлену от 21 сентября 1938 г. 226
27. Меморандум чехословацкой миссии в Москве Народному Комиссариату Иностранных Дел СССР от 22 сентября 1938 г. 239
28. Телеграмма младшего статс-секретаря германского МИД Вермана германским дипломатическим представительствам в Риме, Варшаве, Будапеште, Праге и Лондоне от 23 сентября 1938 г. 241
29. Передача английским посланником в Праге Ньютоном требований Гитлера к Чехословакии (Беседа Ньютона со Смутны 23 сентября 1938 г.) 247
30. Передача английским посланником в Праге Ньютоном требований Гитлера к Чехословакии 24 сентября 1938 г. 252
31. Письмо чехословацкого посланника в Лондоне Масарика министру иностранных дел Великобритании Галифаксу от 26 сентября 1938 г. 254
32. Донесение польского посла в Берлине Липского министру иностранных дел Беку от 26 сентября 1938 г. 257

33. Донесение польского посла в Берлине Липского министру иностранных дел Беку от 27 сентября 1938 г. 266
34. Информация о ходе мюнхенской конференции министерству иностранных дел Германии от германской делегации в Мюнхене от 29 сентября 1938 г. 273
35. Текст соглашения, заключённого в Мюнхене 29 сентября 1938 г. 287
36. Записка Кордта о мюнхенском совещании 29 сентября 1938 г. 300
37. Записка чехословацкого министерства иностранных дел о пребывании чехословацкой делегации в Мюнхене от 30 сентября 1938 г. . . . 310
38. Вручение мюнхенских требований германским поверенным в делах в Праге Генке чехословацкому министру иностранных дел Крофта 30 сентября 1938 г. 316
39. Англо-германская декларация от 30 сентября 1938 г. 319
40. Письмо Кейтеля Вейцзекеру от 10 октября 1938 г. 321
41. Телефонограмма статс-секретарю Вейцзекеру из Годесберга от 12 октября 1938 г. 325
42. Франко-германская декларация от 6 декабря 1938 г. 334
43. Запись беседы чехословацкого министра иностранных дел Хвалковского с английским посланником в Праге Ньютоном 10 декабря 1938 г. 336
44. Письмо польского посла в Лондоне Рачинского польскому послу в Берлине Липскому от 19 декабря 1938 г. 343

№ 1

БЕСЕДА ГИТЛЕРА С ГАЛИФАКСОМ[1]

ПРЕЗИДЕНТ РЕЙХСБАНКА
Д-р ЯЛЬМАР ШАХТ[2]

Берлин, 28 января 1938 г.

Получено 28 января 1938 года
Доложено г-ну рейхсминистру[3]

Глубокоуважаемый г-н фон Нейрат!

При сем возвращаю Вам отчёт о визите лорда Галифакса с величайшей благодарностью за предоставленную возможность ознакомиться с ним.

Хейль Гитлер!
Преданный Вам
ЯЛЬМАР ШАХТ.

Г-ну рейхсминистру
иностранных
дел
барону фон Нейрат,
Берлин,
министерство иностранных дел

---

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии. Подлинник.

[2] Печатный бланк.

[3] Штамп.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

МЕЖДУ ФЮРЕРОМ И РЕЙХСКАНЦЛЕРОМ И ЛОРДОМ ГАЛИФАКСОМ В ПРИСУТСТВИИ Г-НА РЕЙХСМИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

в Оберзальцберге, 19.XI 1937 г.[1]

Лорд Галифакс, начиная разговор, подчеркнул, что он приветствует возможность достижения, путём личного объяснения с фюрером, лучшего взаимопонимания между Англией и Германией. Это имело бы величайшее значение не только для обеих

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии. Приложение к письму Шахта от 28 января 1938 г. на имя Нейрата (см. стр. 9). — *Прим. ред.*

REICHSBANKPRÄSIDENT
DR. HJALMAR SCHACHT

BERLIN, DEN 28. Januar 1938.

Sehr verehrter Herr von Neurath !

Anliegend gebe ich Ihnen mit bestem Dank für die Überlassung den Bericht über den Besuch von Lord Halifax zurück.

Heil Hitler !
Ihr ergebener

Hjalmar Schacht

Herrn Reichsminister des Auswärtigen
Freiherr von N e u r a t h,
Berlin
.....
Auswärtiges Amt.

Фотокопия письма Шахта Нейрату от 28 января 1938 г.

Aufzeichnung über die Unterredung

zwischen dem Führer und Reichskanzler und Lord Halifax

in Anwesenheit des Herrn Reichsaußenministers

Am Obersalzberg am 20.11.1937.

Lord Halifax betonte eingangs, daß er die Gelegenheit begrüße, durch eine persönliche Aussprache mit dem Führer ein besseres Verständnis zwischen England und Deutschland herbeiführen zu können. Es wäre dies nicht nur für die beiden Länder, sondern auch für die gesamte europäische Zivilisation von größter Wichtigkeit. Vor seiner Abreise aus England habe er auch mit dem Premierminister und dem Englischen Außenminister über diesen Besuch gesprochen, und sie seien sich in der Zielsetzung absolut einig gewesen. Es handle sich darum, festzustellen, auf welche Weise die Gelegenheit für eine umfassende und freimütige Erörterung aller beide Länder betreffenden Fragen geschaffen werden könne. In England sei man der Auffassung, daß die zur Zeit bestehenden Mißverständnisse durchaus aus dem Wege geräumt werden könnten. Man erkenne die großen Verdienste, die sich der Führer um den Wiederaufbau Deutschlands erworben habe, voll und ganz an, und wenn die englische öffentliche Meinung zu gewissen deutschen Problemen gelegentlich eine kritische Stellung x) [illegible] einnehme -), so liege dies zum Teil daran, daß man in England nicht vollständig über die Beweggründe und Umstände

x) doubt be in part because people in England

....

Фотокопия первой страницы записи беседы Гитлера с Галифаксом от 19 ноября 1937 г.

стран, но и для всей европейской цивилизации. Перед своим отъездом из Англии он разговаривал об этом визите с премьер-министром и английским министром иностранных дел, и они были абсолютно согласны в определении его цели. Дело теперь за выяснением, каким образом можно создать возможность всестороннего и откровенного обсуждения всех вопросов, интересующих обе страны. В Англии придерживаются мнения, что имеющиеся в настоящее время недоразумения могут быть полностью устранены. Целиком и полностью признаются великие заслуги фюрера в деле восстановления Германии, и если английское общественное мнение занимает иногда критическую позицию по отношению к известным германским проблемам, то это отчасти объясняется тем, что в Англии не полностью осведомлены *.

* это, несомненно, может иметь место отчасти потому, что в Англии...[1]

[1] Параллельная запись соответствующих фраз на английском языке. Эта запись в немецком оригинале публикуемого документа вынесена на поля с левой стороны с указанием звёздочками тех мест немецкого текста, к которым относятся английские варианты. — *Прим. ред.*

о мотивах и обстановке известных германских мероприятий. Так, английская церковь с глубокой озабоченностью и беспокойством следит за развитием церковного вопроса в Германии. В кругах рабочей партии также критически относятся к известным вещам в Германии. Несмотря на эти трудности, он (лорд Галифакс) и другие члены английского правительства проникнуты сознанием, что фюрер достиг многого не только в самой Германии, но что, в результате уничтожения коммунизма в своей стране, он преградил путь последнему в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма. Английский премьер-министр придерживается мнения, что имеется полная возможность найти решение путём открытого обмена мнениями *. Решение даже трудных проблем может быть облегчено взаимным доверием. Если бы Германии и Англии удалось достигнуть согласия или хотя бы к нему приблизиться, то, по мнению анг-

* Несмотря на эти трудности, он (лорд Галифакс) признаёт, что канцлер не только оказал большие услуги Германии, но, как он сам, несомненно, сознаёт, воспрепятствовав проникновению коммунизма в собственную страну, сумел преградить путь коммунизму на Запад. Премьер-министр придерживается мнения, что можно найти решение существующих между нами расхождений путём открытого обмена мнениями.

личан, было бы необходимо привлечь к обсуждению * те страны, которые в политическом отношении близко стоят к Германии и Англии. Здесь имеются в виду Италия и Франция, которым с самого начала надо дать понять **, что англо-германское сотрудничество ни в коем случае не означает враждебных махинаций против Италии или Франции. Не должно быть такого впечатления, что «ось Берлин — Рим» или хорошие отношения между Лондоном и Парижем пострадают в результате германо-английского сближения. После того как в результате германо-английского сближения будет подготовлена почва, четыре великих западноевропейских державы должны совместно создать основу, на которой может быть установлен продолжительный мир в Европе. Ни одна из четырёх держав ни в коем случае не должна остаться вне этого сотрудничества, так как в противном случае не будет положен конец теперешнему неустойчивому положению.

* должны быть в подходящий момент привлечены к нашему обсуждению.

** что англо-германское сближение не будет означать попытки разъединить Берлин и Рим, равно как и не будет означать попытки разъединить Францию и Англию.

Фюрер ответил, что соглашение между четырьмя западноевропейскими державами ему кажется очень лёгким, если речь идёт только о доброй воле и о любезном отношении друг к другу.

Дело усложнится, если будут подняты существенные деловые вопросы. Если хотят обеспечить сотрудничество Германии, то следует спросить, как будут рассматривать Германию другие партнёры: как государство в смысле Версальского договора, — тогда вряд ли будет возможно выйти за рамки установления чисто формальных отношений между европейскими странами, — или же Германия будет рассматриваться как государство, не несущее больше на себе морального или материального клейма Версальского договора. В этом случае из изменившейся обстановки следует сделать логический вывод, ибо нельзя требовать активного сотрудничества в европейской политике от государства, за которым не признают законного права великой державы активно действовать.

Трагедия состоит в том, что в Англии и Франции всё ещё не могут примириться с мыслью, что Германия, которая после Вестфальского мира в течение 250 лет была не более как теоретическим понятием, в последние 50 лет стала реальностью.

Задача разумного государственного руководства состоит в том, чтобы примириться с этой действительностью, если даже это, быть может, и имеет некоторые неприятные стороны. То же самое относится к Италии и в известном смысле к Японии. История создаёт часто реальности, которые не всегда приятны, и Германия должна была претерпеть реальность такого рода, ибо Польша не существовала, так сказать, более 150 лет и теперь снова возвращена к жизни. Он (фюрер) считает своей главной задачей воспитать германский народ так, чтобы он научился терпеть неприятные политические реальности. Поэтому зерном обсуждаемой проблемы является вопрос, что может дать в смысле актив-

ного политического сотрудничества страна, за которой в другом отношении не признаются даже самые настоятельные жизненные потребности.

Имеются две возможности оформления отношений между народами.

Игра свободных сил, которая во многих случаях означала бы активное вмешательство в жизнь народов и могла бы вызвать серьёзные потрясения нашей культуры, созданной с таким трудом. Вторая возможность состоит в том, чтобы, вместо игры свободных сил, допустить господство «высшего разума»; при этом нужно, однако, отдать себе отчёт в том, что этот высший разум должен привести примерно к таким же результатам, какие были бы произведены действием свободных сил. Он (фюрер) последние годы часто задавал себе вопрос, достаточно ли разумно современное человечество, чтобы заменить игру свободных сил методом высшего разума.

В 1919 г. была упущена великая возможность применения этого нового метода. Тогда предпочли метод безрассудства. Тем самым Германию толкнули на путь игры свободных сил, так как это, в конце концов, было единственной возможностью обеспечить себе элементарные человеческие права. Будущее зависит от того, который из этих двух методов будет избран.

Оценивая жертвы, которых, несомненно, кое-где может потребовать метод разума, следует представить себе, каковы будут жертвы, если возвратиться к старому методу игры свободных сил. Тогда будет ясно, что первый путь дешевле второго.

Лорд Галифакс согласился с фюрером в том, что чисто формальные отношения представляют небольшую ценность и что далеко идущее сближение может быть достигнуто только тогда, когда все стороны станут исходить из одинаковых предпосылок и будет достигнуто единство взглядов. Он, со своей стороны, также убеждён

в том, что нечто длительное может быть создано только на реальной основе, если даже реальности, о которых идёт речь, для того или иного партнёра будут неприятны. Он подчеркнул, что в Англии все смотрят на Германию, как на великую и суверенную страну, и что переговоры с ней должны вестись только на этой основе. Англичане являются реалистами и, может быть, больше, чем другие, убеждены * в том, что ошибки Версальского диктата должны быть исправлены. Англия и в прошлом всегда оказывала своё влияние в этом реалистическом смысле. Он указал на роль Англии при досрочной эвакуации Рейнской области, при разрешении репарационного вопроса, а также при реоккупации Рейнской области [1]. Следует попытаться разговаривать на одном и том же языке, избегая при этом громко говорить о слишком далёких перспективах, потому что

* что в Версальском договоре были допущены ошибки, которые надлежало исправить.

[1] В оригинале: «ebenso wie bei der Wiederbesetzung des Rheinlandes». — *Прим. ред.*

это приводит только к недоразумениям и не облегчает решение проблемы.

С английской стороны не думают *, что статус кво должен при всех условиях оставаться в силе. Там признают **, что надо приспосабливаться к новым условиям, исправлять старые ошибки, иметь в виду ставшее необходимым изменение существующего положения. При этом Англия будет оказывать своё влияние лишь в том направлении, чтобы эти изменения не происходили путём тех неразумных решений, о которых упоминал фюрер, а именно: путём игры свободных сил, которая, в конечном счёте, означает войну. Он должен ещё раз подчеркнуть от имени английского правительства, что не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения, но что изменения надо производить только на основе разумного урегулирования. Если обе стороны согласны в том, что мир не статичен, то следует попытаться на основе

* нельзя сказать, чтобы думали

** что можно иметь в виду приспособление к новым условиям, исправление прежних ошибок и признание изменившихся обстоятельств, если возникает в этом надобность.

общих идеалов отдать должное этому признанию, направив всю имеющуюся энергию на достижение общей цели в условиях взаимного доверия.

Фюрер ответил, что у него, к сожалению, создалось впечатление, что, хотя и имеется желание действовать в разумном направлении, однако, разумные решения встретят на своём пути большие трудности, главным образом, в демократических странах, где политические партии имеют возможность оказывать решающее влияние на действия правительства. Он сам в 1933—1934 гг. внёс ряд практических предложений об ограничении вооружений, принятие которых дало бы Европе и миру большую экономию средств. Эти предложения отклонялись одно за другим, несмотря на то, что иной государственный деятель и понимал, что Германия не будет долго оставаться в положении, установленном Версальским договором. Но так как политические партии и, прежде всего, безответственная пресса имели решающее

влияние на решения правительства, то такие предложения, как об армии численностью в 200 тыс. и 300 тыс., об ограничении воздушных вооружений, — все были отклонены. Единственным результатом всех его усилий урегулировать эти вопросы осталось морское соглашение.

Аналогичное положение существует и сейчас. Необходимые разумные решения заменены демагогическими установками политических партий. Это, естественно, является большим затруднением. В противоположность этому он указывает на хорошие отношения с Польшей, несмотря на весьма тяжёлое прошлое. Германия, со своей стороны, не может ожидать от других стран ни малейших уступок в удовлетворении её самых естественных жизненных потребностей, потому что в этих странах господствуют партии. Германия знает позицию английских партий по колониальному вопросу и, в частности, абсолютно отрицательную позицию консерваторов. То же самое имеет

место во Франции. Германия может эту позицию принять только к сведению и исходить из того, что при этих условиях разрешение колониальной проблемы невозможно. Следует несколько обождать. Имеются ещё другие случаи, в которых решающее значение имело не политическое искусство отдельных государственных деятелей, а демагогическая позиция партий. Наглядным примером служат захват Мемельской области Литвой в 1923 г. и последующее отношение к германским протестам по этому вопросу. Этим объясняется то, что большинство его предложений отклонено. В демократических странах партии смотрели на него в известной мере, как на белую ворону. Было достаточно одного факта, что то или иное предложение исходило от него, чтобы оно было отклонено. В настоящее время влияние партий проявляется снова в аналогичной форме. Факт, что некоторые народы имеют недостаточное жизненное пространство. Если бы Англии с её

46-миллионным населением пришлось жить только метрополией, то ей, возможно, понять это было бы легче. Всё предубеждение в колониальном вопросе происходит от того, что считают само собой разумеющимся, что Америка и Россия располагают большими территориями, что Англия владеет четвёртой частью мира, что Франция имеет колониальную империю и что Японии, по крайней мере, нельзя воспрепятствовать расширить свою территорию. Вполне понятно также, что у малых государств, как у Бельгии, Испании и Португалии, есть колонии. Одной лишь Германии заявляют, что она ни при каких условиях не может иметь колонии. Это характеризует позицию партий, которые, как, например, консерваторы в Англии, приняли по колониальному вопросу абсолютно отрицательные решения. Какой же смысл приглашать для положительного сотрудничества страну, если у неё в некоторых вопросах отняты самые примитивные права? Критиковали пове-

дение немцев в Восточной Азии: оно, мол, было изменой белой расе. Однако Германия дольше всех поддерживала солидарность белых в отношении других рас, а её критиковали по поводу её расовой политики как раз демократические страны. Теперь она не преследует никаких интересов в Восточной Азии. Она может поддерживать с той или другой страной деловые отношения. Но так как германский флаг исчез из Восточной Азии, а торговля следует за флагом, то деловые возможности так или иначе слишком невелики.

Возможности разрешения международных проблем будет трудно найти до тех пор, пока либо не поумнеют политические партии, либо не будут введены такие правительственные формы, которые не позволят партиям оказывать столь значительное влияние на правительства.

Фюрер в этой связи указал ещё и на помехи со стороны прессы в связи с поездкой лорда Галифакса в Германию. Он не со-

мневается в том, что в некоторых кругах в Англии думают реалистически. Морское соглашение является доказательством этому. Однако определяющие политические факторы, как ему кажется, характеризуются иной позицией. Во всяком случае таково его впечатление после пятилетнего пребывания в правительстве. Он знает, что любое его предложение тотчас же было бы встречено в штыки, а, принимая его, каждое правительство поставило бы себя в очень трудное положение перед оппозицией.

Лорд Галифакс ответил, что, если фюрер придерживается мнения, что не может быть достигнуто никакого прогресса на пути к соглашению *, пока Англия является демократической страной, то дальнейшая беседа собственно будет излишней, ибо Англия не изменит так скоро существующую форму своего правления. Неправильно думать, что из-за влияния политических партий упускались возможности и отклонялись предложения. Это опреде-

* Лорд Галифакс ответил, что если канцлер действительно придерживается такого мнения, то ясно, что он потерял время, приехав в Берхтесгаден, а канцлер поте-

рял время, принимая его. Ибо, если предпосылки канцлера правильны, то следует сделать вывод, что нельзя достигнуть никакого прогресса по пути к взаимопониманию и что до тех пор, пока Англия будет демократической страной, дальнейшая беседа не принесёт пользы.

* того, что канцлер рассматривает как демагогические маневры партий. Правительство, которое, по мнению англичан, заслуживает этого названия, это такое правительство, которое находится под влиянием

лённо неверно по отношению к Англии. Предложения отклонялись, потому что известные страны, по праву или без права, не видели в этих предложениях достаточной гарантии безопасности. Непринятие таких предложений является доказательством того принципа, что разоружение должно следовать за безопасностью, а не наоборот. То, что Англия заключила с Германией морское соглашение, несмотря на то, что с партийной точки зрения кое-что вызывало критику, как раз доказывает, что английское правительство действует также независимо от партий. Оно никак не является рабом * демагогических интриг партий. По мнению англичан, никакое правительство, которое достойно этого названия, не должно находиться на поводу у партий. Неправильно также то, что предложения были отклонены, потому что их делал фюрер — «белая ворона». Некоторые страны видели, как Германия нарушала договорные обязательства по соображениям, которые, возмож-

партий, не представленных в правительстве [1].

но, казались Германии убедительными, но которые мало убедительными были для других стран. Вполне естественно поэтому, что эти страны более критически относились к германским предложениям, чем это имело бы место в ином случае.

Английское правительство не придерживается решения ни при каких условиях не обсуждать с Германией колониального вопроса. Оно знает, что это трудная проблема. Однако ясно, что никакое английское правительство не может обсуждать изолированно с Германией колониальный вопрос. Последний может рассматриваться только как часть общего урегулирования, в результате которого будут установлены спокойствие и безопасность в Европе.

К этому обсуждению общего урегулирования должны быть

[1] Английский текст в немецком оригинале страдает грамматической неправильностью конструкции этого предложения; воспроизводим эту часть английского текста по немецкому документу полностью: «In the English view of Government which was worthy of the name was under the dcmination of outside parties». — *Прим. ред.*

конечно, привлечены и другие заинтересованные государства. Фюрер говорил о кругах в Англии, которые враждебно относятся к визиту лорда Галифакса *. И в других странах имеются такие, отрицательно настроенные круги, но, однако, это не должно отпугнуть тех, кто хочет создать лучшую политическую систему в мире.

* уверен ли он, что враждебные круги существуют только в Англии?

Фюрер ответил, что лорд Галифакс неправильно понял его. Лорд Галифакс поставил конечной целью германо-английского сотрудничества соглашение между четырьмя западными державами. Среди них находится Франция, а его замечания о демагогии политических партий относились прежде всего к Франции, где они, пожалуй, на 100% верны. Англию он исключил, упомянув о морском соглашении.

По поводу несоблюдения договорных обязательств он заметил, что другие державы нарушили свои договорные обязательства раньше Германии, а Германия вернула себе свободу дей-

ствий лишь после того, как были отклонены все её предложения. Даже по мнению английских правоведов с мировыми именами, Германия имела право претендовать на разоружение других стран, после того как она сама в этой области выполнила свои обязательства по договору на 100%. Она приняла также предложение покойного премьер-министра Макдональда в отношении 200 000-ной армии. Оно потерпело крах из-за Франции.

В колониальном вопросе другие страны нарушили акт о Конго, который запрещал перенесение войны на африканскую землю. Германия, веря в выполнение договора другими государствами, держала в Африке только незначительные войсковые контингенты.

Между Англией и Германией имеется по существу только одно разногласие: колониальный вопрос. Это — различие в точках зрения. Если его можно устранить, то это будет весьма отрадно; если это невозможно, то он (фюрер) может лишь с прискорбием при-

нять это к сведению. Имеется много вопросов, по которым Германия и Англия придерживаются различных взглядов. Однако при этом речь никогда не идёт о вещах, которые имеют какое-либо прямое отношение к германо-английскому сотрудничеству. В колониальном вопросе с английской стороны заявляются два мнения. Английское правительство заявляет, что этот вопрос подлежит дискуссии. Партии же, и особенно консервативная партия, отклоняют всё огулом. Других же затруднений между Германией и Англией нет.

Лорд Галифакс спросил фюрера, считает ли он возможным, в случае удовлетворительного разрешения спорных вопросов, для более тесного сотрудничества с другими народами вернуть Германию в Лигу наций, и в какой части, по его мнению, должен быть изменён статут Лиги наций раньше, чем Германия могла бы снова в неё вступить. Несомненно, хорошие стороны Лиги наций преувеличены её слишком

восторженными приверженцами. Но всё же надо признать, что Лига наций выступает за мирный метод разрешения международных затруднений. Если бы удалось этот метод осуществить на практике, то это означало бы приближение ко второй альтернативе, которую фюрер назвал выше, в противоположность игре свободных сил, «разумным методом». Если бы использовать в этом смысле Лигу наций * (которая является по существу не чем иным, как международным методом), отдельные стороны которой можно было бы изменить, то этим путём доверие между народами было бы снова восстановлено **. Поэтому он спрашивает фюрера об его отношении к Лиге наций, точно так же, как об отношении к разоружению. Все остальные вопросы можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут ***. К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия

* которая была международным методом

** это имело бы значительное влияние на восстановление доверия между народами.

*** входят в категорию возможных изменений европейского порядка, которым суждено,

быть может, со временем иметь место.

* чтобы всякие изменения происходили путём мирной эволюции.

заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путём мирной эволюции * и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали бы ни фюрер, ни другие страны.

Колониальный вопрос, без сомнения, труден. Английский премьер-министр стоит на той точке зрения, что он может быть разрешён как часть нового курса и генерального разрешения всех трудностей. Он спрашивает фюрера, не может ли он дать ему в общих чертах представление о решении колониальной проблемы, как он его представляет себе.

Фюрер ответил на это, что, по его мнению, невхождение Германии в Лигу наций не представляет англо-германской проблемы, ибо Америка тоже не состоит в Лиге наций, и, несмотря на это, никто не может сказать, что по этой причине между Англией и Америкой имеются глубокие противоречия во взглядах. Кроме того, Лига наций, вследствие отсутствия Японии и бездеятельности

Италии, не является больше действительной Лигой наций. Возвратится ли Германия когда-нибудь снова в Женеву, — в настоящий момент вообще нельзя сказать. Она определённо не возвратится в рудиментарную Лигу наций, а также навряд ли войдёт в такую Лигу наций, которая свою задачу видит в том, чтобы противиться естественному развитию политических событий и выступать за увековечение существующего положения.

Разрешения вопроса о разоружении раньше можно было достигнуть значительно легче, потому что тогда речь шла только об ограничении вооружений. Сейчас Англия сама вооружается в таких размерах, каких ещё никогда не было в истории Англии. Готова ли Англия отказаться от своего вооружения? Он, фюрер, знает, что с английской стороны на этот вопрос ответят объяснением, что английское вооружение является лишь навёрстыванием прошлых упущений. Германия находится в таком же положении. Надо наверстать то, что было

упущено в прошлом в результате слишком большой верности договору. Кроме того, он убедился, что народы оцениваются по мощи своих вооружений и что теперь вес Германии с её вооружениями в международной жизни увеличился. Проблема разоружения стала исключительно сложной в результате союза Франции с Россией, последовавшего в ответ на известные германские мероприятия. В результате этого Россия перенесена в Европу не только как моральный, но и как довольно весомый материальный фактор, особенно в результате союза с Чехословакией. Кто может взяться при этих условиях за вопрос о разоружении и как должно оно произойти? Поэтому он фактически не знает, как должно начаться разрешение проблемы о разоружении. Во всяком случае он является фанатическим противником конференций, безрезультатность которых с самого начала несомненна. Он ни в коем случае не позволит государственным деятелям, которые хотели бы со-

зывать конференции каждый квартал, убедить себя принимать участие в подобных мероприятиях. Если вообще заниматься разоружением, то надо сначала точно установить, что подлежит разоружению. При этом он сослался на своё старое предложение об отказе от бомбардировок. Поскольку колониальные державы смотрят на бомбардировщик, как на хорошее средство для устранения сопротивления строптивых туземцев, они это предложение отклонили как противоречащее их интересам. В результате новейших военных опытов в различных местах мира они теперь склонны даже увеличивать число своих бомбардировщиков.

Германия вооружается и не будет жаловаться. Она будет придерживаться обязательств, вытекающих из морского соглашения, правда, с оговоркой, которая была сделана с германской стороны ещё при его заключении, что Россия не будет неограниченно вооружаться на море. В этом случае необходим был бы пересмотр морского соглашения. Он, однако,

не такого высокого мнения о способности русских, чтобы думать, что такой пересмотр состоится в ближайшее время.

С Чехословакией и Австрией тоже было бы разумно произвести урегулирование. С Австрией был заключён договор от 11 июля, который, надо надеяться, поведёт к устранению всяких трудностей. От Чехословакии зависит убрать с пути имеющиеся трудности. Она должна лишь хорошо обращаться с немцами, проживающими в её границах, и они будут тогда вполне довольны. Для Германии самое важное быть в хороших отношениях со всеми её соседями.

Что касается колониального вопроса, то не дело Германии высказывать свои пожелания. Имеются две возможности: во-первых, игра свободных сил. Что именно Германия в этом случае возьмёт себе из колоний, этого нельзя сказать. Второй возможностью было бы разумное решение. Разумные решения должны строиться на праве, то-есть Германия может иметь притязания на

свои прежние владения. Когда со всех сторон заявляют, что международный порядок следует строить не на силе, а на праве, то он, фюрер, полностью с этим согласен. Он был бы даже рад, если бы срок, с которого этот новый порядок должен начать действовать, начался с 1914 г. При новом порядке вещей Германия оказалась бы в исключительно выгодном положении. Он повторяет, что в колониальном вопросе Германии нет надобности заявлять какие-либо пожелания, — надо только лишь стать на почву права. Англия и Франция должны сами сделать предложения, если им по каким-либо причинам кажется возвращение тех или иных немецких колоний неудобным. Своими колониальными требованиями Германия не преследует великодержавных или честолюбивых военных целей. Она не имеет намерения вклиниться в какие-либо стратегические пути, а хочет колоний только по экономическим причинам для снабжения сельскохозяйственными про-

дуктами и сырьём. Она не стремится к тому, чтобы колонии были на территории, где происходили бы военные действия и где имеется большая опасность международных осложнений. Если Англия не считает возможным возвратить Германии определённые области по стратегическим соображениям, то она может предложить замену в других местах.

Во всяком случае Германия не возьмёт в качестве колонии ни Сахару, ни территории в Средиземном море, так как положение между двумя мировыми империями ей кажется слишком опасным. Также Циндао и Киао-Чао— слишком опасные пункты.

Рейхсминистр иностранных дел барон фон Нейрат указал в связи с вопросом о Лиге наций, что Германия после выхода из Лиги наций никогда не уклонялась от международного сотрудничества, когда в перспективе были не только слова, но и практическая работа. Примером к тому служит участие Германии в вопросе невмешательства в испанские дела.

Фюрер со своей стороны указал ещё на урегулирование германо-польского и германо-австрийского вопросов и выразил надежду на то, что и с Чехословакией может быть найдено разумное решение.

Лорд Галифакс ответил на это, что он по некоторым пунктам не совсем согласен с фюрером, однако он не намеревается останавливаться на этом подробнее, потому что речь идёт о вещах, которые не являются решающими в ходе настоящей беседы.

Чемберлен и английское правительство будут приветствовать, если после подробных и откровенных высказываний сегодня между представителями обоих правительств можно будет продолжать беседу по отдельным вопросам. Очень жаль, что за визитом Саймона и Идена в своё время ничего больше не последовало. И если теперь за этой беседой последуют дальнейшие переговоры, то это произведёт исключительно благоприятное впечатление на общественное мнение.

Фюрер ответил, что для продолжения германо-английского контакта он прежде всего имеет в виду дипломатический путь, ибо если имеется намерение вести переговоры по конкретным вопросам, то они должны быть хорошо подготовлены. Главной причиной неудач многих подобных переговоров была недостаточная подготовка. Конференция может быть лишь последним завершением предшествующих подготовительных переговоров. Ему ясно, что сложным вопросом является колониальная проблема, по которой обе стороны ещё отстоят далеко друг от друга. Англия и Франция должны уяснить себе, хотят ли они вообще и в каком направлении принять германские требования. Германия может лишь заявить о своих требованиях и надеяться на то, что они встретят благоразумный приём.

После обеденного перерыва **лорд Галифакс** ещё раз возвратился к вопросу о продолжении англо-германского контакта и снова предложил прямые пере-

говоры между представителями правительств. Подобные переговоры будут ценны не только по существу, но они произведут большое впечатление на общественное мнение. Вызовет разочарование, если эти прямые переговоры будут намечены на очень поздний срок. В Англии очень многого ожидали от визита г-на рейхсминистра иностранных дел и были весьма разочарованы, когда этот визит не мог состояться вследствие инцидента с «Лейпцигом» и «Дейчланд». Поэтому было бы хорошо, если бы состоялись дальнейшие переговоры между германскими и английскими представителями. При этом можно обсудить колониальный вопрос. Он повторил, что английское правительство вполне готово к обсуждению этого вопроса. Правда, он должен снова добавить, что всякое английское правительство может рассматривать колониальную проблему только как часть общего решения. Следует одновременно широким фронтом взяться за решение всех подлежащих урегулированию вопросов.

Фюрер ответил, что действия широким фронтом как раз требуют хорошей подготовки. По его мнению, лучше вовсе не вести пока переговоров, чем попасть в такое положение, что после придётся признать результат неудовлетворительным. Надо подождать. Два реалистических народа, германский и английский, не должны поддаваться влиянию страха перед катастрофой. Всегда говорят, что если не произойдёт того или другого, то Европа пойдёт навстречу катастрофе. Единственной катастрофой является большевизм. Всё остальное поддаётся урегулированию. Катастрофическое настроение является делом возбуждённой злонамеренной прессы. Было бы неправильно утверждать, что сейчас международное положение точно такое, каким оно было в 1912—1914 гг. Возможно, что оно и оказалось бы таким, если бы в промежутке не было войны с её уроками; то же самое относится к политической нервозности. Через несколько лет сегодняшние проблемы, воз-

можно, будут выглядеть совсем иначе. Если обстановка в Восточной Азии и в Испании будет урегулирована, то многое, возможно, разрешится легче. Поэтому можно спокойно переждать два-три года, если в настоящее время тот или иной вопрос является слишком сложным.

Роковую роль играет только пресса. Девять десятых всего напряжения вызвано исключительно ею. Испанский кризис и мнимая оккупация Марокко германскими войсками являются примерами, которые ярко иллюстрируют опасность безответственного журнализма. Прямой предпосылкой для успокоения международных отношений было бы поэтому сотрудничество всех народов с целью покончить с журналистским флибустьерством.

Лорд Галифакс согласился с мнением фюрера об опасности со стороны прессы. Он также полагает, что англо-германские переговоры должны быть хорошо подготовлены. Чемберлен заявил ему при его отъезде, что он охотно

возьмёт на себя риск неправильной трактовки в прессе визита лорда Галифакса в Германию, если этим визитом будет сделан, по крайней мере, один шаг в правильном направлении. Надо только, чтобы обе стороны имели в виду одну цель, а именно: установление и укрепление мира в Европе.

В связи с этим лорд Галифакс поблагодарил за беседу и заявил, что он представит английскому премьер-министру обо всём точный доклад. Фюрер также выразил удовлетворение тем, что он имел откровенную и подробную беседу с лордом Галифаксом, и заявил, что он полностью может принять для Германии только что названную лордом Галифаксом цель. Тот, кто был, как он, солдатом в мировую войну, не хочет больше войны. В Англии и во всех других странах господствуют одинаковые стремления. Лишь одна страна — Советская Россия — может в случае общего конфликта выиграть. Все другие в глубине души стоят за укрепление мира.

№ 2

ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ НЕЙРАТА ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛАННИКУ В ПРАГЕ ЭЙЗЕНЛОРУ[1]

Строго секретно!

Берлин, 5 февраля 1938 г.
Германской миссии в Праге.
С курьером.

В последнее время здесь размышляют о том, может ли играть какую-либо роль (и какую именно) в предстоящем развитии германо-чехословацких отношений арбитражный договор, заключённый обеими странами в Локарно. Особый повод к таким размышлениям дали Ваши беседы с г-ми Бенешем и Крофта, о которых Вы сообщали 21 декабря прошлого года в письме за № A. III. 1. Общий[2]. Я хотел бы заметить по этому поводу следующее:

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

[2] Пометка на полях синим карандашом: Pol. II, 3431/37. — *Прим. ред.*

Когда мы при реоккупации Рейнской области в марте 1936 года отказались от Рейнского пакта, подписанного в Локарно, возник вопрос, какое значение мы хотим придать этому акту по отношению к остальным частям Локарнского договора, связанным с Рейнским пактом, а именно к арбитражным договорам с Францией, Бельгией, Польшей и Чехословакией. Тогда в узком кругу было принято решение, что германо-французский и германо-бельгийский арбитражные договоры следует рассматривать как утратившие силу одновременно с Рейнским пактом, потому что оба эти арбитражные договоры так тесно связаны с Рейнским пактом, что всякое иное отношение к ним было бы внутренне противоречивым. В отношении же арбитражных договоров с Польшей и Чехословакией, которые не находятся в такой тесной связи с Рейнским пактом, было, напротив, в то время решено рассматривать их как незатрагиваемые акцией на Рейне, т. е. как остающиеся в силе. Основанием для такого решения явилось то соображение, что нецелесообразно расширять излишне круг проблем, возникших в связи с нашей акцией в Рейнской области. Перед заграницей, т. е. Польшей и Чехословакией, эта германская точка зрения была выражена не путём особой нотификации, но в связи с разрешением технических вопросов, связанных с обоими арбитражными договорами. Дело в том, что в апреле 1936 года истекал срок выдаваемого на каждые три года мандата нейтральных членов согласительной комиссии, соз-

данной согласно германо-чехословацкому арбитражному договору. Чехословацкая миссия уже в вербальной ноте от 18 февраля 1936 года предложила продлить эти мандаты ещё на три года. На это мы в вербальной ноте от 31 марта 1936 года, т. е. уже после акций на Рейне, ответили, что мы согласны с предложенным продлением мандата. Точно так же в августе 1937 года мы довели до сведения польского правительства о назначении нового немецкого члена германо-польской согласительной комиссии, а кроме того, во время германо-польских переговоров по вопросу о Верхней Силезии, ещё недавно прямо сослались на Локарнский арбитражный договор.

Но, напротив, когда французское посольство вербальной нотой в мае 1936 года поставило перед нами вопрос о возобновлении мандатов членов германо-французской согласительной комиссии, французскому послу было устно заявлено, что, по нашему мнению, германо-французский, а также германо-бельгийский арбитражные договоры, с расторжением Рейнского пакта, «постигла та же самая участь и что мы поэтому пока не можем согласиться на предложенное возобновление мандатов». Французское посольство опротестовало эту точку зрения в письменной форме; несмотря на это, мы остались при своём мнении. В отношении Бельгии вопрос до сего времени в прямой форме не обсуждался. Поэтому совершенно несомненно, что Чехословакия может ссылаться на то, что мы в своё время при-

знали действующим германо-чехословацкий арбитражный договор, даже после рейнской акции.

Следует принять во внимание, что арбитражные договоры с Чехословакией и Польшей содержат в себе строгое обязательство передавать всякого рода спорные вопросы третейскому суду или согласительному разбирательству. Политическое значение этого обязательства усугубляется тем, что Франция, Чехословакия и Польша в сепаратных договорах, заключённых между ними в Локарно, приняли решение рассматривать нарушение Германией своих обязательств, вытекающих из арбитражных договоров, как casus foederis.

При этих обстоятельствах нельзя упускать из виду, что если отношения между Германией и Чехословакией осложнятся, то арбитражный договор, возможно, станет нежелательной помехой для нашей свободы действий.

Поэтому стоило бы подумать о том, чтобы заново рассмотреть вопрос о дальнейшем действии чехословацкого, а потом, конечно, и германо-польского арбитражных договоров. Известный аргумент в пользу этого можно было бы извлечь из того факта, что эти договоры в отдельных, правда несущественных, пунктах связаны с Лигой наций и что Германия недавно своим заявлением от 12 декабря прошлого года окончательно отклонила своё возвращение в Лигу наций. С Польшей мы, вероятно, могли бы достигнуть соглашения в этом вопросе без особых затруднений. Напротив, совершенно ясно, что

в отношении Чехословакии сообщение о расторжении арбитражного договора при настоящей ситуации явилось бы международной сенсацией и было бы расценено как подготовка активных планов против Чехословакии, особенно, если мы при этом сообщении о расторжении договора дали бы понять, что мы не намерены заключать с Чехословакией новый арбитражный договор, очищенный от всякой связи с пунктами устава Лиги наций. По этой причине подобный шаг в настоящее время не предусматривается.

Однако я считаю желательным, чтобы Вы, если в Ваших беседах будет затрагиваться с чехословацкой стороны тема об арбитражном договоре, избегали вновь признавать, что этот договор остаётся в силе, и чтобы Вы вообще не расценивали его как существенный фактор в отношениях между обеими странами. Не вредно было бы невзначай заметить при удобном случае, что, по Вашему личному мнению, договоры, подобные, например, германо-чехословацкому арбитражному договору, вследствие крушения Локарнской системы и окончательного ухода Германии из Лиги наций потеряли свою политическую основу.

Я намерен обсудить с Вами устно дальнейшую нашу позицию в этом вопросе во время Вашего следующего визита в Берлин.

Подп. *НЕЙРАТ*

№ 3

БЕСЕДА ГИТЛЕРА С ГЕНДЕРСОНОМ [1]

ЗАПИСКА
О БЕСЕДЕ МЕЖДУ ФЮРЕРОМ И РЕЙХСКАНЦЛЕРОМ И КОРОЛЕВСКИМ БРИТАНСКИМ ПОСЛОМ, КОТОРАЯ СОСТОЯЛАСЬ В ПРИСУТСТВИИ Г-НА РЕЙХСМИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФОН РИББЕНТРОПА

3 марта 1938 года в Берлине.

Начиная беседу, британский посол подчеркнул доверительный характер разговора. О содержании беседы не будет сообщено ни французам, ни тем более бельгийцам, португальцам или итальянцам. Им будет только сказано, что эта беседа состоялась как продолжение переговоров между лордом Галифаксом и фюрером и посвящена вопросам, касающимся Германии и Англии.

Он, Гендерсон, хочет, с одной стороны, в общих чертах доложить о попытке английского правительства разрешить проблемы и, если возможно,

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии. Копия.

выслушать со стороны фюрера германскую точку зрения, причём он указывает на то, что он говорит только от имени британского правительства, которое хочет уяснить себе положение, прежде чем оно для осуществления своих предложений вступит в контакт с другими державами. Поэтому по отношению к третьим державам эта беседа должна быть сохранена в тайне.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что дело идёт не о торговой сделке, а о попытке установить основу для истинной и сердечной дружбы с Германией, начиная с улучшения обстановки и кончая созданием нового духа дружественного понимания. Не недооценивая тех трудностей, которые придётся преодолеть, английское правительство, однако, считает, что настоящий момент является благоприятным для подобной попытки улучшить обоюдные отношения. Такая попытка должна, однако, потерпеть крах, если обе стороны не внесут своего вклада в дело примирения, т. е. если такое согласие осуществится, то это может произойти только на основе взаимности. Необходимо положительное участие Германии для установления в Европе спокойствия и безопасности. Необходимо, как это уже выяснилось во время беседы с Галифаксом, вместо свободной игры сил найти решение, продиктованное высшим разумом. Лорд Галифакс уже согласился с тем, что перемены в Европе вполне возможны, но только эти изменения должны происходить в духе вышеназванного высшего разума. Целью англий-

ского предложения является участие в таком разумном урегулировании.

После того как британский посол сделал эти личные замечания, он перешёл к изложению полученных им указаний. Он упомянул, что по указанию своего правительства в Лондоне он рассмотрел в беседах с премьер-министром Чемберленом и с другими заинтересованными членами кабинета все вопросы, которые возникли в связи с визитом Галифакса в Германию. Он подчеркнул в связи с этим важность германского сотрудничества для успокоения Европы, на что он уже указывал в прежних беседах с г-ном фон Нейратом и с г-ном фон Риббентропом. Подобному успокоению может содействовать ограничение вооружений и умиротворение в Чехословакии и Австрии. В связи с этим британский посол зачитал дословно следующие указания, которые он потом передал в письменном виде:

«Общее умиротворение зависело бы, по мнению британского правительства, между прочим от мер, проводимых с целью создать доверие в Австрии и Чехословакии. Британское правительство ещё не в состоянии правильно оценить последствия соглашения, достигнутого недавно между Австрией и Германской империей, и эти последствия должны будут безусловно зависеть от того, как обе стороны начнут осуществлять различные обязательства и постановления. Британское правительство, таким образом, всё ещё сомневается насчёт того, какое влияние

A u f z e i c h n u n g

über die Unterredung zwischen dem F ü h r e r und Reichskanzler und dem Königlich B r i t i s c h e n Botschafter in Anwesenheit des Herrn Reichsministers des Auswärtigen von R i b b e n t r o p am 3.März 1938 in Berlin.

Einleitend unterstrich der Britische Botschafter den vertraulichen Charakter des Gesprächs. Den Franzosen und noch viel weniger den Belgiern, Portugiesen oder Italienern würde irgend etwas über den Inhalt der Aussprache mitgeteilt werden. Es würde ihnen nur gesagt, daß dieses Gespräch sich im Verfolg der Besprechungen zwischen Lord Halifax und dem Führer mit den Deutschland und England angehenden Fragen befaßt habe.

Er, Henderson, wolle einerseits in großen Linien einen Lösungsversuch der Englischen Regierung vortragen und, wenn möglich, die deutsche Ansicht vom Führer dazu entgegennehmen, wobei er darauf hinweise, daß er nur für die Englische Regierung spreche, die bevor sie mit anderen Mächten über die Durchführung ihrer Vorschläge in Fühlung trete, zunächst einmal für sich selbst die Lage klären wolle. Daher müsse das Gespräch auch dritten Mächten gegenüber vertraulich behandelt werden.

Außerdem sei zu betonen, daß es sich um kein Handelsgeschäft handle, sondern um einen Versuch, die Grundlage für eine wahrhafte und herzliche Freundschaft zu Deutschland her-

Фотокопия первой страницы документа № 3.

окажут эти соглашения на положение в Центральной Европе, и оно не может обойти тот факт, что последние события вызвали во многих кругах опасения, которые неизбежно усложнят достижение всеобщего решения».

Касаясь ограничения вооружений, Гендерсон заметил, что британскому правительству, конечно, известны трудности, и он напомнил о предложении фюрера о запрещении воздушных бомбардировок. Английское правительство очень приветствовало бы подобное предложение. Ещё важнее ему кажется, однако, вообще ограничение количества бомбардировщиков. Принимая во внимание сделанные два года тому назад германские предложения, английское правительство ещё раз изучает этот комплекс вопросов и надеется притти к приемлемым предложениям. Было бы интересно выслушать германскую точку зрения по этому вопросу.

Что касается колоний, то английский посол заявил о серьёзной готовности английского правительства не только рассмотреть колониальный вопрос, но и продвинуться на пути к его разрешению. Премьер-министр Чемберлен лично посвятил этому вопросу всё своё внимание. И здесь трудности, конечно, велики, так как после последнего передела колониальных владений прошло 20 лет. Кроме того, общественное мнение Англии как раз к этому вопросу относится особенно чувствительно. Затем английский посол зачитал следующее пред-

ложение по колониальному вопросу, которое он по окончании беседы передал в письменном виде:

«Решение, которое, по мнению британского правительства, предоставляло бы много преимуществ, заключалось бы в разработке плана на основе нового режима колониального управления в какой-либо определённой области Африки: этот план распространялся бы на территорию, приблизительно равную бассейну Конго, и был бы принят и применён всеми заинтересованными державами. Каждая из этих держав, хотя и отвечала бы сама за управление принадлежащими ей территориями, но от неё требовали бы, чтобы она руководствовалась известными принципами, которые имели бы своей целью способствовать всеобщему благу.

Здесь, например, возник бы вопрос о демилитаризации как для блага туземцев, так и для свободы торговли и передвижения. Возможно также, что была бы создана комиссия из представителей всех тех держав, которым принадлежат части данной территории».

При зачитывании он упомянул о том, что данная территория будет ограничена с севера примерно 5° широты, а с юга примерно рекой Замбези, и добавил, что, возможно, будет создана комиссия из тех держав, колониальные владения которых находятся в рамках этого пространства. В заключение он поставил фюреру вопросы:

1) готова ли Германия в принципе принимать участие в новом колониальном режиме, как он предусмотрен в английском предложении, и

2) какой вклад она готова внести для обеспечения в Европе всеобщего спокойствия и безопасности.

Фюрер возразил, что самым главным вкладом для установления в Европе спокойствия и безопасности будет запрещение международной прессы, занимающейся натравливанием, так как ничто так не угрожает безопасности, как интриги этой прессы, которая, к сожалению, очень широко представлена и в Англии. Он указал на то, что он лично известен как один из самых искренних друзей Англии, но что за эту дружбу ему отплатили злом. Никому, вероятно, не доставалось так часто и так крепко от Англии, как ему. Следует поэтому понять, что он теперь придерживается некоторой изоляции, которую он всё же считает достойнее, чем предлагать себя тому, кто его знать не хочет и кто ему постоянно отказывает.

На возражение британского посла, что этот отказ исходил в Англии только от некоторых кругов, фюрер возразил, что британское правительство уже, наверно, было бы в состоянии воздействовать на прессу в ином духе. В Германии имеются сведения, полученные от друзей из Англии, из которых вытекает, что в известном направлении на прессу воздействовали самые влиятельные английские круги, поэтому в первую очередь должна прекратиться травля.

В отношении Центральной Европы следует заметить, что в урегулирование своих отношений с родственными странами или со странами с большим количеством немецкого населения Германия не позволит вмешиваться третьим державам, так же как Германии не пришло бы в голову вмешиваться в урегулирование отношений между Англией и Ирландией. Дело идёт о том, чтобы воспрепятствовать продолжению или возобновлению несправедливости, совершаемой по отношению к миллионам немцев. При этой попытке урегулирования Германия должна будет самым серьёзным образом заявить, что она не согласна допустить, чтобы на урегулирование каким-либо образом оказывалось влияние со стороны. Невозможно, чтобы одна сторона всё время выставляла свободу наций и демократические права как элементы европейского порядка и чтобы утверждалось как раз обратное, когда дело идёт о том, чтобы улучшить судьбу немцев в Австрии, где правительство, которое образовалось не так, как немецкое правительство, возникшее легальным путём, и которое поддерживается лишь 15% населения, угнетает остальных немцев. Такое положение не может долго продолжаться, и если Англия и в дальнейшем будет противодействовать германским попыткам произвести здесь справедливое и разумное урегулирование, то тогда наступит момент, когда придётся воевать. Если он, фюрер, стремится, как он это делал в Берхтесгадене, провести мирным путём облегчения для угнетённых

немцев, а Париж и Лондон не только скептически следят за его усилиями, но и дают своим дипломатам указание препятствовать проведению этой мирной попытки (британский посол здесь заметил, что Англия этого никогда не делала), то этим они оказывают делу мира очень плохую услугу. В конце концов для того, чтобы притти к удовлетворительному решению, в Австрии должен быть опрошен сам народ, а в Чехословакии немцам должна быть предоставлена соответствующая автономия как в культурном, так и в других отношениях. Это является простейшим применением того права самоопределения народов, которое играло такую большую роль в 14 пунктах Вильсона. Теперешнее состояние во всяком случае долго продолжаться не может, оно привело бы к взрыву, и во избежание этого были заключены соглашения в Берхтесгадене, причём можно сказать, что трудности можно считать устранёнными, если австрийское правительство выполнит свои обещания. Кто же в противоположность этому применяет силу против разума и права, тот вызывает силу на арену борьбы, о чём он (фюрер) говорил также и в своей речи в рейхстаге.

На вопрос британского посла, требует ли Германия плебисцита в Австрии, фюрер ответил, что требуется путём эволюции обеспечить обоснованные интересы немецких австрийцев и положить конец угнетению.

Британский посол указал на то, что теперешнее английское правительство обладает развитым чув-

ством реальности. Чемберлен сам взял на себя руководство народом, вместо того чтобы итти на поводу у народа. Он выказал большое мужество, когда, не обращая внимания ни на что, сорвал маску с таких интернациональных фраз, как коллективная безопасность и т. п. В истории иногда самое трудное найти двух людей, которые не только хотели бы одного и того же, но и прежде всего намеревались бы это осуществить в один и тот же момент. Поэтому Англия заявляет о своей готовности устранить все трудности и спрашивает Германию, готова ли она со своей стороны сделать то же самое.

Фюрер указал на свои предложения, сделанные несколько лет тому назад. Ответом явился франко-русский пакт, который после присоединения Чехословакии сделался для Германии особенно опасным, так как тем самым оказались под угрозой промышленные районы, размещённые на границах рейха, в Рурской области и в Саксонии, и враг всегда был в состоянии поразить Германию в самое сердце. Поэтому с германской стороны необходимо было основательно защитить себя от этого окружения. Ограничение вооружений ввиду этого в значительной степени обусловлено Советской Россией. Чего здесь следует ожидать, об этом было недавно снова ясно сказано в речи Ворошилова, в которой оповещалось, что Советские вооружённые силы, невзирая ни на что, будут применять отравляющие газы. Против этого Германия должна быть вооружена. Особенно сложной эта проблема сделалась благодаря тому

факту, что положиться на верность договорам такой варварской формации, как Советский Союз, можно приблизительно так же, как на понимание дикарём математических формул. Поэтому соглашения с этой страной, собственно говоря, не имели бы никакой цены. Не надо было впускать Советскую Россию в Европу. Он, фюрер, в своё время в своих предложениях имел в виду объединение Европы без России.

На вопрос британского посла, готова ли Германия присоединиться к запрещению воздушных бомбардировок, фюрер возразил, что он уже давно опубликовал свою точку зрения по этому вопросу, и сейчас может только добавить, что Германия не даст себя больше обмануть пустыми обещаниями, как это было в своё время с 14 пунктами Вильсона. Если бы даже Советский Союз сегодня заявил, что он больше не имеет намерения сбрасывать бомбы с отравляющими газами, то такому заявлению нельзя было бы поверить.

На возражение британского посла, что в данный момент речь идёт исключительно об отношениях между Англией и Германией, фюрер возразил, что с германской стороны Англии не следует опасаться каких-либо помех. Германия не вмешивается в дела империи. Но она вынуждена была убедиться в том, что Англия отрицательно реагирует на все попытки Германии разрешить свои затруднения. При попытке решения вопроса на Востоке раздаётся со стороны англичан такое же «нет», как и при требовании

колоний, и на пути Германии всюду становится английская пресса и ведёт против неё клеветническую кампанию.

Британский посол возразил, что вина за возникновение ложных известий в прессе лежит не только на английской стороне, германская цензура печати вызывает своими действиями много ложных известий, а кроме того и в германской прессе, в особенности во время его вступления в должность, были в ходу сильные нападки на Англию.

Возражая на это, фюрер указал на то, что в течение трёх лет, с 1933 г. до 1936 г., в Германии хранили абсолютное молчание в ответ на все английские нападки. Но, в то время как Германия никогда не вмешивалась во внутренние английские дела, как отношения с Ирландией и т. п., с английской стороны беспрестанно повторялись попытки вмешательства — со стороны епископов, некоторых членов парламента и других кругов.

В связи с этим британский посол упомянул доверительно о том, что сегодня лорд Галифакс созвал пресс-конференцию ответственных газетных издателей и что он имел также беседу с президентом объединения газетных издателей и руководящих сотрудников английского радио, в ходе которой он ещё раз подчеркнул ответственность этих органов за мир. При английской свободе печати ничего бо́льшего сделать нельзя. Следует, однако, отметить, что новый британский министр иностранных дел, который, основываясь на своих переговорах в

Германии, полностью осведомлён о германской точке зрения, в значительной степени здесь, как и в других вопросах, уже оказал своё влияние посредством личного контакта, который является наиболее подходящим путём для Англии. В качестве примера того, что и с германской стороны встречались заблуждения относительно обстановки в Англии, британский посол привёл ошибочное германское мнение, что за волной антигерманской пропаганды стоит комитет Ванситтарта. Он может заверить честным словом, что этот комитет ничего общего не имеет с этими ложными сообщениями. Он вообще не является орудием пропаганды против каких-либо других стран, а должен скорее служить делу привлечения симпатий к Англии и Британской мировой империи.

Рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп указал в связи с этим на 14-дневную клеветническую кампанию, проводимую агентством Рейтер. Никто из ответственных лиц не был уволен и даже не получил выговора. Так что за всем этим, повидимому, скрывается система.

Фюрер принял к сведению повторное заверение британского посла (последний заявил, что комитет ещё не приступил к выполнению своих основных работ) относительно комитета Ванситтарта и, подводя итоги, заявил, что для разрежения атмосферы решающим будет лучшее инструктирование прессы и прекращение клеветнических сообщений, а также переход к большей объективности.

На вопрос фюрера о новом колониальном режиме британский посол заявил, указывая на карту, что английское правительство имеет в виду систему с принципами, подобными Берлинскому соглашению 1885 года (повидимому, имеется в виду соглашение о Конго). В указанном выше районе Африки колонии были бы заново распределены. При этом распределении Германия также учитывалась бы и имела бы в этом случае под своей верховной властью колониальную территорию. Все державы, владеющие колониями на этой территории Центральной Африки, должны были бы, однако, принять на себя известные обязательства в отношении демилитаризации, свободы торговли и обращения с туземцами.

Фюрер возразил, что Германию, естественно, прежде всего интересует вопрос, что произойдёт с её бывшими колониями. Почему вместо создания сложной новой системы не хотят разрешить колониальный вопрос наиболее простым и естественным образом, а именно, возвратить бывшие германские колонии? Он, фюрер, должен здесь, правда, открыто признать, что он не считает колониальный вопрос уже созревшим для разрешения, так как в Париже и в Лондоне слишком далеко зашли в своих возражениях против возвращения колоний. Поэтому он и не хочет настаивать. Можно спокойно подождать 4, 6, 8 или 10 лет. Возможно, что к тому времени в Париже и в Лондоне изменится точка зрения и там поймут, что лучшее решение заключается в том, чтобы отдать Германии то, что является её закон-

ной собственностью, приобретённой посредством покупки и договора. Предпосылкой для участия Германии в новом колониальном режиме является поэтому возвращение её бывших колоний, приобретённых законным путём и отнятых по договору. Германия не хочет обременять решением колониального вопроса другие страны, которые в этом не участвовали. Возможно, что и Бельгия и Португалия совершенно не были бы согласны, и, возможно, они подумали бы, что Германия требует от них чего-то, что ей не полагается.

Британский посол ещё раз, указывая на глобус, разъяснил английский колониальный план, причём на вопрос фюрера сэр Невиль Гендерсон заявил, что он считает, что в разрешении вопроса примут участие Португалия и Бельгия и, наконец, вероятно, Франция и Италия.

Беседа перешла затем снова на проблемы Центральной Европы, и на замечание британского посла, что Чемберлен только тогда может чего-нибудь добиться, если и Германия сделает свой вклад в этой области, фюрер возразил, что по этим вопросам его вклад надо видеть в Берхтесгаденском соглашении с Австрией, но что он должен со всей твёрдостью заявить, что если когда-либо в Австрии или Чехословакии будут стрелять в немцев, то Германская империя немедленно вступится [1]. Он, фюрер,

---

[1] В оригинале: «das Deutsche Reich dann zur Stelle sein würde». — *Прим. ред.*

должен был много говорить в течение своей политической деятельности и поэтому в некоторых кругах, может быть, полагают, что его слова не следует принимать слишком всерьёз. Но это будет жестокой ошибкой, если его высказывания по вопросам Центральной Европы примут за чистую риторику. Если в Австрии или Чехословакии произойдут взрывы изнутри, то Германия не останется нейтральной, а будет действовать молниеносно. Поэтому неверно, когда со стороны некоторых дипломатов и некоторых кругов венского правительства говорится, что им нечего бояться и нет надобности точно выполнять свои обязательства.

Рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп указал здесь на драматическую беседу между английским посланником в Вене и г-ном фон Папеном, в течение которой посланник горячо жаловался на то давление, которое Германия якобы оказывает на Австрию. Всё давление в Берхтесгадене состояло в том, чтобы обратить внимание Австрии на некоторые опасности и предусмотреть возможность их устранения. Если британский посланник заявил в такой драматической форме свой протест г-ну фон Папену, то как же разговаривал он тогда с австрийским министром иностранных дел Шмидтом.

Британский посол указал на то, что совсем не обязательно, что эти высказывания посланника представляют мнение британского правительства, и заявил о том, как часто он сам, сэр Невиль Гендерсон, высказывался за аншлюсс.

Фюрер ответил на это, что некоторые факты являются просто нестерпимыми для великой державы. Англия заявляет, что она не стерпела бы нападения на Бельгию или Голландию. На это он, фюрер, заявляет также убедительно, что если немцев в Центральной Европе будут и в дальнейшем угнетать тем же образом или другими методами, то Германия должна вмешаться, и она вмешается.

Британский посол повторил германскую точку зрения в отношении Австрии и Чехословакии в том смысле, что при дальнейшем угнетении местных немцев произошёл бы взрыв, а что, напротив, при предоставлении полного равноправия не приходится ожидать никакого конфликта.

По вопросу ограничения военно-воздушных вооружений фюрер заметил, что здесь, конечно, нельзя проводить разоружение в определённых областях земного шара, так как воздушные силы чрезвычайно подвижны. Военно-воздушные силы Дальнего Востока могут быть, например, с лёгкостью использованы в Европе. Поэтому здесь нельзя исходить из каких-либо территориальных ограничений. Он, фюрер, высказал в своё время свои предложения, исходя из той мысли, что Женевской конвенцией была запрещена война против некомбатантов. К сожалению, его предложения не были приняты. Британский посол возразил, что английское правительство, хотя раньше, правда, и слышать не хотело о запрещении воздушных бомбардировок, но

сейчас оно стоит на другой точке зрения, и в заключение он добавил, что настоящий момент является по многим причинам благоприятным для переговоров о вооружениях. Германия сильна, но и Англия снова стала сильной. Германия пробудила Англию из дремоты, так что ни один из партнёров, ведущих переговоры, не может предположить, что эти переговоры происходят в результате страха или слабости. Он, посол, придерживается вместе с генерал-фельдмаршалом Герингом того мнения, что многообещающими бывают только переговоры между сильными. С другой стороны, на вооружение тратилось бы много денег, так что и в этом отношении имеется заинтересованность в их ограничении.

Фюрер возразил, что вооружение Германии обусловлено Россией. Для Германии защита её позиций в Центральной Европе является жизненно важным вопросом, и она должна вооружаться на случай нападения со стороны Советской России, которое, конечно, никогда не может быть задержано ни лимитрофами, ни Польшей. Ведя разговор о вооружениях, англичане должны были бы поэтому прежде всего начать с России.

На повторный вопрос британского посла о германском отношении к английскому предложению по колониальному вопросу фюрер, учитывая важность этого вопроса, обещал дать письменный ответ.

На вопрос рейхсминистра иностранных дел фон Риббентропа, может ли быть английским правитель-

Deutschland habe England aus seinem Schlummer gerecht,sodass keiner der beiden Verhandlungspartner annehmen könne,die Verhandlungen fänden aus Furcht oder Schwäche statt. Er,der Botschafter, sei mit Generalfeldmarschall Göring der Ansicht,dass nur Verhandlungen zwischen Starken aussichtsreich seien. Andererseits würde viel Geld für Rüstungen ausgegeben,sodass auch in dieser Hinsicht ein Interesse an der Begrenzung bestünde.

Der Führer erwiderte,dass die deutsche Rüstung durch Russland bedingt sei. Für Deutschland sei es eine Lebensfrage,seine Position in Mitteleuropa zu verteidigen, und es müsse sich für einen Angriff von Sowjetrussland,der durch die Randstaaten und Polen niemals natürlich aufgehalten werden könne,wappnen. Bei einem Rüstungsgespräch müssten die Engländer daher zunächst bei Russland beginnen.

Auf eine erneute Frage des britischen Botschafters nach der deutschen Stellungnahme zum englischen Kolonialvorschlag stellte der Führer wegen der Wichtigkeit der Frage eine schriftliche Antwort in Aussicht.

Auf die Frage des Reichsaussenministers von Ribbentrop,ob die Rückgabe aller ehemaligen Kolonien,auch derjenigen,die im Besitze britischer Dominien seien,von der englischen Regierung in Auge gefasst werden könne,erwiderte der Britische Botschafter, dass er nur für Grossbritannien sprechen könne und seine Ausführungen sich nicht auf die Dominien bezögen.

gez.Dr.Schmidt
Legationsrat.

Hiermit dem Reichsaussenminister
von Ribbentrop
weisungsgemass vorgelegt.
Berlin,den 3.März 1938.

Фотокопия последней страницы документа № 3.

ством предусмотрено возвращение *всех*[1] бывших колоний, включая и те, которые находятся сейчас во владении британских доминионов, британский посол возразил, что он может говорить только от имени Великобритании и что его высказывания не касаются доминионов.

Подп. *д-р* ***ШМИДТ***
легационный советник[2]

---

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

[2] В конце документа в оригинале имеется пометка: «Согласно указанию представлено рейхсминистру фон Риббентропу. Берлин, 3 марта 1938 года». — *Прим. ред.*

№ 4

ДОНЕСЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПОСЛАННИКА В ПАРИЖЕ ОСУСКОГО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЧЕХОСЛОВАКИИ КРОФТА[1]

Министерство иностранных дел
кабинет г-на министра,
№ 1095/38.

Секретно
Политическому архиву[2].

Перевод письма чехословацкой миссии в Париже

Миссия Чехословацкой республики
в Париже. № 229/38.—Конфиденциально

Париж, 4 марта 1938 года
Конфиденциально[3]

Г-ну д-ру философии Камилу Крофта, министру иностранных дел, Прага

Содержание: Французский парламент и внешняя политика.

Г-н министр!

Борьба двух политических течений.

Я выжидал, пока состоится заседание сенатской комиссии по иностранным делам, которое было на-

[1] Документ был захвачен немцами в архиве министерства иностранных дел Чехословакии и переведён ими на немецкий язык. В распоряжении Архивного управления МИД СССР имеется немецкий перевод, находящийся в делах бывш. МИД Германии. — *Прим. ред.*

[2] Штамп.

[3] Эта пометка зачёркнута красным карандашом и исправлена на «секретно» (пояснение, сделанное в германском МИД к немецкому переводу этого документа. — *Прим. ред.).*

значено на среду 2-го марта, для того чтобы дать Вам общую оценку выступлений во французской палате депутатов по вопросам внешней политики. Я хотел выждать, будут ли выступления в сенатской комиссии по иностранным делам дополнять или уточнять заявления, сделанные 26 февраля в палате депутатов, и если будут, то в каком духе.

После событий в Австрии в связи со свиданием в Берхтесгадене чехословацкий вопрос[1] выдвинулся на первый план. Я не хочу скрывать от Вас, что в Париже люди различных профессий и различного общественного положения, не исключая журналистов и членов парламента, начали облекать в определённую форму своё противодействие мысли о том, что Франция ради Чехословакии должна вести войну с Германией. Под влиянием отставки Идена как сторонники соглашения с Германией, так и сторонники соглашения с Италией и, наконец, противники политики Франции в Центральной Европе и её политики по отношению к России хотели попытаться произвести переориентацию французской политики. Нужно осознать, что отставка Идена вызвала в Париже такое впечатление, что и общественное мнение и само правительство были потрясены. Бывший премьер-министр и министр иностранных дел Пьер Этьен Фланден поднял знамя за переориентацию французской политики. С другой стороны, коммунисты, приверженцы военного союза

[1] Слово «вопрос» (Frage) в немецком тексте вставлено от руки над строкой. — *Прим. ред.*

с Советской Россией, и все лица, убеждённые в том, что война неизбежна и что надо организовать все силы нации, — все они хотели использовать удобный случай и окончательно уничтожить возможность договориться с Берлином и Римом. Наряду с коммунистами эту политику проводил и Поль Рейно. Он отстаивал перед общественностью всеобъемлющий военный союз[1] с Россией; поэтому он требовал участия коммунистов в правительстве. Эффективность своей политики он значительно ослабил следующими двумя моментами:

1. Он исходил из предпосылки и утверждения, что война неизбежна и

2. Он говорил, что нужно заключить военный союз с Советской Россией.

Французский народ едва ли мог увлечься политикой, исходящей из предпосылки, что война неизбежна; кроме того, правые, центр, а также значительная часть радикалов считают вступление коммунистов в правительство неприемлемым. При таких обстоятельствах сторонники Фландена и сам Фландeн полагали, что для политической переориентации Франции настал психологически благоприятный момент. Фланден проехал по своей области и своему избирательному округу, беседовал на базарах с крестьянами, причём он настойчиво задавал им вопрос, готовы ли они воевать за Чехословакию. На вопрос, поставленный в такой форме, он, конечно, получал

[1] В оригинале: «absolutes wie militärisches Bündnis». — *Прим. ред.*

Ministerium für Auswärtige Angelegenheiten
Kabinett des Herrn Ministers , Nr. 1095/38.

Geheim
Pol. Arch.

Übersetzung eines Schreibens der Tschecho-slowakischen Gesandtschaft in Paris.

Gesandtschaft der Tschechoslowakischen Republik in Paris.

Nr. 279/38 - Vertraulich.

Paris, den 4. März 1938.

Betr.: Das französische Parlament und die Außenpolitik.

Vertraulich.

Dieser Vermerk ist mit Rotstift gestrichen und in : Geheim geändert .

Herr Minister !

Das Ringen zweier politischer Strömungen.

Ich habe die für Mittwoch, den 2. März, einberufene Versammlung des Senatsausschusses für Auswärtige Angelegenheiten abgewartet, um Ihnen ein Gesamturteil über die Aussprache über die Außenpolitik im französischen Abgeordnetenhause geben zu können. Ich wollte abwarten, ob und in welchem Sinne die Aussprache im Auslandsausschuß des Senats die Erklärung im Abgeordnetenhaus vom 26. Februar ergänzen oder korrigieren würde..

Nach den Ereignissen in Österreich im Anschluß an die Zusammenkunft von Berchtesgaden tritt die tschechoslowakische Frage in den Vordergrund. Ich will Sie nicht im unklaren lassen, daß in Paris Leute aus verschiedenen Berufen und aus verschiedenem Milieu - von Journalisten und Parlamentarier nicht ausgenommen- begonnen haben, lauten Widerstand gegen den Gedanken, Frankreich müsse wegen der Tschecho-Slowakei mit Deutschland Krieg führen, Form und Ausdruck zu verleihen. Unter dem Einfluß der Demission Edens wollten sowohl die Anhänger einer Abkommens mit Deutschland, als auch die Anhänger eines Abkommens mit Italien und schließlich die Gegner der Politik Frank-

Herrn Dr. Pavel K r o f t a,
Minister des Auswärtigen,
P r a g .

Фотокопия первой страницы документа № 4.

отрицательный ответ. Это подкрепило его убеждение, что ситуация созрела. Поль Рейно, с другой стороны, не думал о крестьянах и оценивал положение по настроению рабочих. Поэтому он и заблуждался, выступая так рьяно за участие коммунистов в правительстве.

Душевное состояние министра Дельбоса.

Министр Дельбос ужасно устал и крайне боязлив. Он охотнее всего не только ушёл бы со своего поста, но просто сбежал бы, если бы знал, как это сделать. Он боится каждой мысли, имеющей определённую окраску; любая окраска режет ему глаза и оскорбляет его чувства. Свою речь он подготовил собственноручно, но приготовленное было совершенно бесцветно. Его душевное настроение старались приподнять его сотрудники Леже, Массигли и Роша: они заставили его говорить несколько ярче. Что касается Чехословакии, то наиболее существенное я сообщил Вам в шифровке № 13 в ответ на Вашу шифровку № 8. К этому я замечу ещё, что для самой Франции и для заграницы было бы важно, чтобы Чехословакия в сфере деятельности французской политики рассматривалась как самостоятельная величина. Если бы французское правительство сделало заявление касательно всей Центральной Европы, т. е. Австрии и Малой Антанты, гласящее, что она будет сражаться ради Центральной Европы, то за границей создалось бы впечатление, что Франция вообще воевать всерьёз не собирается и что, следо-

вательно, она не будет драться и за Чехословакию, ибо ясно, что Франция не станет воевать ради любого государства Центральной Европы. В самой Франции такое заявление в общих тонах лишь оживило бы политику, пропагандируемую Фланденом и ему подобными. Если бы после Берхтесгадена и после кризиса в Англии Дельбос сделал бы только заявление совсем общего характера, — это создало бы впечатление, будто Франция отказывается от своей нынешней политики. Поэтому я полностью сознавал, что твёрдое заявление относительно одной только Чехословакии в противоположность чисто теоретическому и данному в общей форме заявлению о французской политике в Центральной Европе не принесло бы особой пользы Австрии [1]. Для меня важнее всего было то, чтобы в вопросе относительно Чехословакии не было никаких неясностей, тем более что с самого начала мы натолкнулись на нежелание французов воевать ради Чехословакии. Я упомяну здесь лишь в нескольких словах о крайне важном и в то же время секретном деле. 17 февраля Дельбос обратился к английскому правительству с просьбой определить свою позицию по отношению к дальнейшим мерам нажима Германии на Австрию, к чехословацкой проблеме и к переговорам с Италией и Германией. Дельбос хотел получить ответ до своей речи в палате депутатов. Англия мол-

---

[1] Так в немецком оригинале. — *Прим. ред.*

чала. Вечером 25 февраля она сообщила свой ответ, который поступил в Париж утром 26 февраля, но не попал в руки министра Дельбоса до его речи, произнесённой в палате депутатов в 11 часов. Не подлежит никакому сомнению, что этот ответ — если иметь в виду подавленное душевное состояние Дельбоса — оказал бы на него очень дурное влияние. Это влияние было бы весьма вредным, ибо в вопросе о Чехословакии Дельбос и до того уже много раз изменял текст своего заявления и не раз возвращался к бесцветному заявлению общего характера, пока не остановился на том заявлении, о котором я уже Вам сообщал. Вам наверняка будет интересно узнать, что заявление Дельбоса о Чехословакии вся палата депутатов встретила одобрением. Аплодировали все, за исключением одного депутата — Пьера Этьена Фландена, который продолжал сидеть и не пошевелился. По моей просьбе, поддержанной нашими друзьями из Кэ д'Орсей, премьер-министр Шотан определённо солидаризировался с заявлением Дельбоса, сделанным им по поводу Чехословакии.

Сенатская комиссия по иностранным делам и Чехословакия.

23 февраля состоялось пленарное заседание сенатской комиссии по делам национальной обороны (армия, флот, авиация) под председательством Жозефа Кайо — председателя финансовой комиссии и в присутствии Анри Беранже — председателя

комиссии по иностранным делам. 25 февраля (в пятницу) состоялось заседание комиссии по иностранным делам, на котором председатель Беранже сделал свой отчёт. По этому поводу он сообщил также и о своих беседах с министром Дельбосом о результатах совещания в Берхтесгадене и о французском демарше в Лондоне по поводу Австрии и Чехословакии. Беранже сообщил своим коллегам, что министр Дельбос и правительство энергично потребовали, чтобы Англия высказалась, как она будет вести себя в том случае, если Берхтесгаден повторится, и в том случае, если он будет распространён на Чехословакию. Председатель Беранже заявил, что Англия до пятницы ещё не высказалась. В субботу я обедал вместе с сенатором Беранже, который сказал мне совершенно откровенно, что как в сенатской комиссии по иностранным делам, так и на объединённом заседании комиссии по делам обороны были поставлены два вопроса о Чехословакии: имеет ли Франция твёрдое юридическое обязательство в отношении Чехословакии и 2) [1] имеет ли Франция возможность притти Чехословакии на помощь. Что касается вопроса о твёрдом юридическом обязательстве в отношении Чехословакии, то сенатор Беранже заявил, что в его комиссии был выставлен тезис, что франко-чехословацкий договор о дружбе являлся составной частью Локарнского пакта, и так

[1] Цифра «1» пропущена в немецком оригинале. — *Прим. ред.*

как последний перестал действовать, то как следствие этого франко-чехословацкий договор более не имеет обязательной силы. На это я возразил, сказав, что это более чем странный аргумент. Когда в первое время после заключения Локарнского договора Чехословакия добивалась участия в локарнских совещаниях великих держав и Бельгии, нам был дан ответ, что чехословацкий договор не является составной частью Локарнского соглашения и вследствие этого Чехословакия не имеет права участвовать в совещаниях. Теперь же нам начинают заявлять, что франко-чехословацкий договор как составная часть прекратившего своё действие Локарнского соглашения тоже потерял свою силу. Ведь прямо-таки невозможно говорить прямо противоположное тому, что нам говорили в течение нескольких лет после подписания Локарнского соглашения. Кроме того, франко-чехословацкий договор о дружбе существует самостоятельно, ибо он был заключён в 1924 г., и если даже Локарно уже не существовало бы, что является сомнительным утверждением, то франко-чехословацкий договор о дружбе продолжал бы всё-таки существовать как самостоятельный договор. Сенатор Беранже выразил мне большую благодарность за такое изложение вопроса, ибо это дело было представлено у них совершенно иначе. Что касается второго вопроса, т. е. обязана ли Франция и имеет ли она возможность оказать Чехословакии военную помощь, то сенатор Беранже мне сказал, что в их

комиссии развивали теорию о том, что Франция вообще не может притти на помощь Чехословакии ввиду наличия линии Мажино и, чтобы иметь возможность оказать помощь, Франция должна иметь возможность пройти через Италию. Я ответил, что в такой формулировке вопрос поставлен неправильно. Речь идёт вовсе не о том, чтобы заниматься техническими изысканиями, каким именно образом Франция придёт на помощь Чехословакии, а о том, готова ли Франция объявить войну Германии в случае нападения на Чехословакию. Чехословакия делает приготовления, чтобы иметь возможность выполнить свой долг, и она готова его выполнить. Если Франция не захочет защищаться в Европе [1] в случае нападения на Чехословакию, то ни сама Чехословакия, ни Центральная Европа не смогут, конечно, защититься от Германии. Взаимная помощь, которую Франция и Чехословакия обещали друг другу, основана на том, что если одна договаривающаяся сторона подвергнется нападению, то другая будет вести войну против агрессора. Какая, кроме этого, будет технически оказана помощь — это дело солдат и будущего, ибо сейчас никто не может сказать, где и каким образом будет вестись война. Сенатор Беранже мне возразил, что эта точка зрения является для него новой и он усматривает в ней возможность достигнуть единодушия среди членов своей комиссии. Тем не менее он считает своей обязанностью обратить

[1] Так в немецком оригинале. — *Прим. ред.*

моё внимание на то, что в обоих названных и нами обсуждаемых вопросах члены французской комиссии по иностранным делам придерживаются того убеждения, что Франция без Англии ничего не могла бы сделать в Центральной Европе. Я ответил: я знаю, что в вопросах самообороны Франция и Англия зависят друг от друга. Однако если мне известно, что Франция нуждается в Англии, то я знаю также, что и Англия нуждается во Франции. Я также знаю, например, что если бы речь зашла о самостоятельности Египта, то Англия не скажет, что она не может и не будет ничего делать для Египта без помощи Франции; Англия просто займёт нужную ей позицию и будет действовать в убеждении, что Франция должна ей помочь. Подобно этому на европейском континенте, где жизненные интересы имеются не у Англии, а у Франции, руководство и решение принадлежат Франции, а ни в коем случае не Англии. Если Франция заявит, что прямое или замаскированное нападение на Чехословакию означает войну с Францией, то Англия поддержит Францию как дипломатически, так и политически, ибо она заинтересована в том, чтобы Франция не была ввергнута в войну с Германией. Одного этого было бы достаточно, чтобы избежать войны. Беранже не скрыл, что мои соображения с политической и дипломатической точки зрения являются совершенно правильными.

Второго марта (в среду) Дельбос сделал доклад в комиссии сената по иностранным делам. Снова

имело место обсуждение франко-чехословацкого договора о дружбе. Бывший премьер-министр Лаваль задал вопрос: обязана ли Франция в случае нападения на Чехословакию притти к ней на помощь. Председатель Беранже повторил при этом тот тезис, который он мне изложил 26 февраля. Что касается вопроса о помощи Чехословакии, сказал председательствующий Беранже, то он для Чехословакии и Франции заключается в том, хотят ли они защищать свою самостоятельность или нет. Если — да, то тогда, поскольку они взаимно связаны, они объявят войну тому агрессору, который напал бы на одну из них.

Интересно, что Дельбос не хотел, чтобы в коммюнике комиссии снова шла речь о верности Франции своим обязательствам; он хотел в коммюнике ограничиться указанием, что Франция в союзе с Англией будет проводить политику национальной безопасности и европейского мира. По настоянию председателя Беранже в коммюнике ясно разграничены 2 вопроса: продолжение тесного сотрудничества с Англией в проведении политики национальной безопасности и европейского мира и указание на то, что французское правительство останется верным подписанным им обязательствам.

Я хотел бы упомянуть, что бывший президент республики и член сенатской комиссии по иностранным делам Мильеран весьма сердечно и решительно выступил за безоговорочную защиту Чехословакии. Он сказал, что Франция ещё никогда не

der direkt oder indirekt angedeutet hätte, Frankreich solle seiner Verpflichtung gegenüber der Tschecho-Slowakei nicht treu bleiben.

Es grüßt Sie herzlich

Ihr gez. Osusky .

F.d.R. gez.: Kink

Фотокопия последней страницы документа № 4.

нарушала данного ею слова и что кроме того для Франции является жизненным интересом, чтобы никто не сомневался в том, что Франция будет защищать самостоятельность Чехословакии с оружием в руках. В течение всей продолжительной дискуссии ни один сенатор ни прямо, ни косвенно не намекнул на то, что Франция не должна оставаться верной своим обязательствам в отношении Чехословакии.

С сердечным приветом Ваш
ОСУСКИЙ.

№ 5

ИЗ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА ГЕРИНГА (БЕРЛИН) С РИББЕНТРОПОМ (ЛОНДОН)

13 марта 1938 г., 9 ч. 15 м. утра[1].

Геринг: Вы уже знаете, что фюрер поручил мне ведение текущих правительственных дел, и поэтому я решил дать вам информацию. Восторг в Австрии неописуем. Вы можете услышать это по радио.

Риббентроп: Это прямо фантастично, не правда ли?

Геринг: Конечно. Это событие полностью затмило наш последний поход в Рейнскую область.

[1] Опублик. в американском издании материалов Нюрнбергского процесса «Nazi conspiracy and aggression», Office of United States Chief of Counsil for Prosecution of Axis Criminality. Washington 1946, vol. V, p. 642—654 («Нацистский заговор и агрессия». Бюро главного обвинителя по делу военных преступников держав оси. Вашингтон 1946, т. V, стр. 642—654). — *Прим. ред.*

Фюрер был глубоко взволнован, когда он говорил со мною прошлой ночью. Вы должны вспомнить, что он впервые увидел вновь свою родину. Но сейчас я хочу поговорить с вами о политических делах. Разумеется, история о том, что мы предъявили ультиматум, — чепуха. С самого начала ультиматум был предъявлен от имени национал-социалистских министров и народных представителей (Volksreferenten). Позднее всё большее число выдающихся деятелей партии движения приняло в этом участие, и в результате австрийские национал-социалистские министры, естественно, просили нас о том, чтобы мы их поддержали так, чтобы они ещё раз не были разбиты и подвергнуты террору и гражданской войне. Мы заявили им на это, что ни при каких условиях не позволим Шушнигу спровоцировать гражданскую войну. По прямому ли приказу Шушнига или с его согласия, коммунисты и красные были вооружены и уже проводили сфотографированные нами демонстрации, во время которых раздавались возгласы: «Да здравствует Москва» и т. п. Это был, разумеется, источник серьёзной опасности для Винер-Нейштадта. Кроме того, не забудьте, что Шушниг выступал с речами, заявляя, что Отечественный фронт будет сражаться до последнего человека, и никто не мог знать заранее, что они так легко капитулируют. Вот почему Зейсс-Инкварт, который к тому времени уже возглавил правительство, просил нас немедленно начать вторжение. Мы уже до этого подтянули

войска к границе, так как не могли знать заранее, будет ли гражданская война или нет. Таковы действительные факты, которые могут быть подтверждены документами...[1]

Геринг: Однако фюрер полагает, что, поскольку вы уже находитесь там, вы могли бы рассказать людям, что в действительности происходит. Помимо всего прочего, абсолютно неверно считать, что Германия предъявила Австрии ультиматум.

Риббентроп: Я уже откровенно беседовал с Галифаксом и Чемберленом. В этом нет сомнения. Дело лишь в том, что газетчики начинают задавать вопросы, и мне, видимо, не следует оставаться здесь долее; это выглядело бы как-то странно.

Геринг: Да, да, я это тоже думаю. Я лишь не знал, говорили ли вы уже с этими людьми. Я хочу, чтобы вы ещё раз, да нет, ещё не раз, но, вообще говоря, сказали Галифаксу и Чемберлену следующее:

Неверно, что Германия предъявила какой-то ультиматум. Всё это ложь Шушнига. Дело в том, что ультиматум был вручён Зейсс-Инквартом, Глейз-Хорстенау и Юри. Во-вторых, неверно, будто мы предъявили ультиматум президенту Австрии. Это также было сделано другими; военный атташе сопровождал их по требованию Зейсса

---

[1] Опускаются заверения Геринга о всеобщем энтузиазме, царящем в Австрии. Опущенный текст см. «Nazi conspiracy and aggression», vol. V, p. 643—646. — *Прим. ред.*

для помощи в техническом вопросе; повидимому, он выяснял вопрос, удовлетворит ли Германия просьбу Зейсс-Инкварта, если Зейсс-Инкварт попросит поддержки войсками со стороны Германии. Далее, я хочу отметить, что Зейсс-Инкварт настойчиво просил нас — по телефону и по телеграфу — послать войска, потому что он не знал истинного положения дел в Вене, в Винер-Нейштадте, а также в других местах, где было распределено оружие; он также не мог знать, как будет реагировать на это Отечественный фронт, который всё время вопил во всю глотку... [1]

Риббентроп: Я имел продолжительную беседу с Галифаксом, во время которой изложил ему также нашу основную концепцию относительно германо-английского соглашения.

Геринг: Я хотел бы сказать, вы знаете это сами, Риббентроп, что я всегда благоприятно относился к германо-английскому соглашению. Никто не радовался бы больше, чем я, если бы англичане действительно серьёзно хотели бы этого и если бы они также признали, что мы тоже гордая и свободная нация. В конце концов мы ведь представляем собой две братские нации.

Риббентроп: Я хочу сообщить вам нечто, г-н Геринг. На-днях, после завтрака, у меня был

---

[1] Опускается часть разговора, касающаяся внутреннего положения в Австрии. Опущенный текст см. «Nazi conspiracy and aggression», vol. V, p. 646—647. — *Прим. ред.*

разговор с Чемберленом. Он произвёл на меня очень хорошее впечатление; он дал мне письмо, — кое-что новое для фюрера, — что я передам лично фюреру... [1]

Риббентроп: ...Мои переговоры здесь закончены. Если я буду сидеть здесь ещё, это может показаться странным. Но от Чемберлена осталось у меня наилучшее впечатление.

Геринг: Рад слышать это.

Риббентроп: Я имел с ним на следующий день длинную беседу. Я не хочу повторять её по телефону, но у меня сложилось впечатление, что Чемберлен тоже серьёзно стремится к соглашению с нами. Я сказал ему, что согласие между Англией и Германией окажется гораздо более лёгким после того, как разрешён австрийский вопрос. Я полагаю, что он того же мнения.

Геринг: Поскольку вся эта проблема разрешена и ликвидирована всякая опасность волнений или потрясений — ведь это и был источник реальной опасности, — все должны быть благодарны нам за уничтожение этого источника кризиса.

Риббентроп: Я это тоже говорил им и объяснил им, что мы ликвидировали положение, порождавшее всегда тревогу. Если эта перемена и повлечёт за собой некоторое возбуждение в данный момент, то в

---

[1] Опускается часть разговора, относящаяся к поездке Риббентропа в Берлин. Опущенный текст см. «Nazi conspiracy and aggression», vol. V, p. 648. — *Прим. ред.*

основном это пойдёт лишь на пользу англо-германскому взаимопониманию. Под конец нашей беседы я сказал Галифаксу, что мы честно стремимся к соглашению. На это он ответил мне, что единственно, что его смущает, это — Чехословакия.

Геринг: Нет, нет. Об этом не может быть и речи.

Риббентроп: Я ответил ему, что у нас нет ни интереса, ни намерений предпринимать что-либо в этом направлении. Наоборот, если с нашими братьями-немцами там будут прилично обращаться, то мы, безусловно, придём к соглашению.

Геринг: Да, я тоже уверен, что Галифакс вполне разумный человек.

Риббентроп: Мои впечатления от обоих — Галифакса и Чемберлена — превосходны. Галифакс полагал, что в данный момент здесь могут возникнуть некоторые затруднения в связи с тем, что в глазах общественного мнения всё происшедшее покажется решением, навязанным силой и проч. Но у меня сложилось такое впечатление, что каждый нормальный англичанин, обыватель, спросит себя: какое дело Англии до Австрии?..[1]

Геринг: Разумеется. Это совершенно ясно. (Продолжение непонятно.)[2] Есть дела, которые касаются народа, и другие, которые его не касаются.

---

[1] Последующая часть записи опущена ввиду её бессвязности. Опущенный текст см. «Nazi conspiracy and aggression», vol. V, p. 649. — *Прим. ред.*

[2] Так в американском издании. — *Прим. ред.*

Риббентроп: Когда я последний раз беседовал с Галифаксом, он прямо не реагировал на мои аргументы. Но в конце беседы он заявил мне, что я могу верить его сочувствию англо-германскому согласию.

Геринг: Всё более или менее обстоит превосходно, царит мир. Две нации нашли друг друга, подали друг другу руки, возрадовались и ликуют [1]...

---

[1] Опускается заключительная часть разговора — о технике голосования в Австрии, об австрийских дипломатах, об экономическом положении Австрии и пр. Опущенный текст см. «Nazi conspiracy and aggression», vol. V, p. 649—654. — *Прим. ред.*

№ 6

ТЕЛЕГРАММА ГЕРМАНСКОГО ПОСЛАННИКА В ПРАГЕ ЭЙЗЕНЛОРА СТАТС-СЕКРЕТАРЮ ГЕРМАНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЙЦЗЕКЕРУ [1]

Совершенно секретно.

ТЕЛЕГРАММА

Прага, 18 марта 1938 г. 16.55.
Получено 18 марта 1938 г. 18.45.
№ 60 от 18.3.

На телеграмму от 17 № 40 *). [2]

*) [2] Отдел по вопросам культуры.

Для г-на статс-секретаря.

Согласие Генлейна и Франка от 15 марта передано телеграммой № 37 от 16 марта. Оба они поодиночке заявили о полном и безоговорочном согласии. На следующей неделе по желанию Франка назначена встреча с тремя представителями судетской партии для того, чтобы согласовать детали тактических действий.

Я ни в коем случае не требовал, чтобы партия судетских немцев вышла из оппозиции и заняла бы

[1] Документ из архива министерства иностранных де... Германии.

[2] Так в оригинале. — *Прим. ред.*

активно дружественную позицию по отношению к государству и правительству. Напротив, я прямо подчеркнул, что партия до вступления в правительство после выборов должна оставаться оппозиционной, не должна в речах выражать доверия обещаниям *правительства*[1], но должна несколько обнадёжить население указанием на защиту со стороны Германии, чтобы уменьшить опасность инцидентов.

В качестве ближайшей цели я назвал осуществление известных заверений Годжи, а именно возможно более широкую амнистию, перевод немецких чиновников и семей немецких чиновников на территорию Судето-немецкой области, развитие самоуправления такого рода, чтобы *впоследствии*[2] там были заняты только немецкие чиновники — государственные и органов самоуправления; кроме того, прекращение строительства школ, распространяющих чешское влияние[3], проведение государственных или муниципальных выборов или же и тех и других и, далее, *участие судето-германской партии в правительстве*[4] в целях приобретения больших прав и постепенный отход Чехословакии от системы пактов. В качестве других важнейших целей упоминались упразднение государственной полиции в пограничной области и создание возможности свободно при-

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

[2] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

[3] В оригинале: «Tschechisierungsschulen». — *Прим. ред.*

[4] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

держиваться национал-социалистского мировоззрения. Условия участия в правительстве не обсуждались, так как это на ближайшие месяцы не актуально.

Напротив, я выразил моё недовольство по поводу того, что партийная организация хотела отклонить постоянный контакт с Гоффом, который находился под моим воздействием, а также по поводу того, что делаются попытки сыграть на якобы имеющих место в Германии расхождениях в мнениях и течениях по вопросу внешней политики и подвергнуть сомнению мой авторитет как официального представителя имперской политики. Упрямое настаивание на нынешних агитационных требованиях судето-немецкой партии, а именно на законе о защите народа и «территориальной автономии», которые практически невыполнимы и неприемлемы для любого *чехословацкого правительства* [1], таит в себе опасность, что мы в конце концов или будем вынуждены оставить партию судетских немцев на произвол судьбы или будем вовлечены в вооружённый конфликт.

Имеющиеся в Вашем распоряжении устные и письменные высказывания Франка сделаны им до первой беседы со мной 15 марта; по своему содержанию они в основном соответствуют первой беседе. Следует выждать, сдержит ли он теперь своё слово.

ЭЙЗЕНЛОР.

---

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

№ 7

НОТА АНГЛИЙСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОЛПРЕДСТВУ СССР В ЛОНДОНЕ [1]

№ С 1935/95/62

Копия.
Министерство иностранных дел
24 марта 1938 года.

Ваше Превосходительство,

[2] В дополнение к моей ноте от 22-го марта имею честь поставить Ваше Превосходительство в известность о том, что я уже прочёл и рассмотрел с большим вниманием текст заявления, сделанного М. Литвиновым для представителей печати в Москве, перевод которого Вы столь любезно сообщили мне в Вашей ноте от 17 марта [3].

---

[1] Архив МИД СССР. Перевод с английского. — *Прим. ред.*

[2] Обозначение пункта 1 в оригинале отсутствует. — *Прим. ред.*

[3] В ноте от 22 марта 1938 г. министерство иностранных дел Великобритании подтвердило получение ноты полпреда СССР министерству иностранных дел Великобритании от 17 марта 1938 г., при которой был препровождён текст

2. Отмечаю, что данное заявление может считаться представляющим точку зрения Советского Правительства относительно настоящих международных проблем. Я полагаю, что существо предложения Советского Правительства состоит в том, чтобы безотлагательно принять меры для проведения между заинтересованными правительствами обсуждения в целях определения практических мер, необходимых для того, чтобы приостановить дальнейшее развитие агрессии и противодействовать,

---

заявления Народного Комиссара Иностранных Дел СССР представителям печати. В заявлении говорится:

«Вступив в Лигу наций в целях организованного сотрудничества с другими миролюбивыми государствами, советское правительство не упускало ни одного подходящего случая для рекомендации наиболее эффективных гарантий мира, каковые оно видело в организации системы коллективной безопасности в рамках Лиги наций, а также региональных пактов о взаимной помощи против агрессоров. Советское правительство практически вступило на этот путь, заключив такой пакт с Францией и Чехословакией, пакт, не угрожающий при отсутствии агрессии ни одному государству.

Имевшие место в течение последних четырёх лет нарушения международных обязательств по пакту Лиги и по Парижскому договору Бриана — Келлога, нападения одних государств на другие, давали повод советскому правительству выявлять не только его отрицательное отношение к этим международным преступлениям, но и его готовность принять активное участие во всех мероприятиях, направленных к организации коллективного отпора агрессору, даже пренебрегая неизбежным ухудшением его отношений с агрессором. Советское правительство при этом предостерегало, что международная пассивность и безнаказанность агрессии в одном

насколько это возможно, возрастанию угрозы войны.

3. Правительство Его Величества тепло приветствовало бы созыв международной конференции, на которую, как это можно было бы ожидать, все европейские государства согласились бы послать своих представителей и на которой, следовательно, можно было бы обсудить дружеским образом и, возможно, окончательно урегулировать такие вопросы, которые, как это полагают, могли бы

случае фатально повлекут за собой повторение и умножение таких случаев. События международной жизни, к сожалению, подтверждают правильность этих предостережений. Новое подтверждение они получили в совершённом военном вторжении в Австрию и насильственном лишении австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости.

Если случаи агрессии раньше имели место на более или менее отдалённых от Европы материках, или на окраине Европы, где, наряду с интересами жертвы агрессии, были задеты интересы лишь нескольких ближайших стран, то на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских. Создана угроза пока территориальной неприкосновенности и, во всяком случае, политической, экономической и культурной независимости малых народов, неизбежное порабощение которых создаст, однако, предпосылки для нажима и даже для нападения и на крупные государства.

В первую очередь возникает угроза Чехословакии, а затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты и уже сказывается

более всего представлять угрозу миру. Однако при существующих обстоятельствах такую конференцию, повидимому, не представляется возможным организовать. Конференция, на которой присутствовали бы лишь некоторые из европейских держав и которая имела бы целью не столько обеспечение урегулирования неразрешённых проблем, сколько принятие согласованных действий против агрессии, не обязательно окажет, по мнению Правительства

в создавшемся тревожном положении на польско-литовской границе.

Нынешнее международное положение ставит перед всеми миролюбивыми государствами и в особенности великими державами вопрос об их ответственности за дальнейшие судьбы народов Европы, и не только Европы. В сознании советским правительством его доли этой ответственности, в сознании им также обязательств, вытекающих для него из устава Лиги, из пакта Бриана — Келлога и из договоров о взаимной помощи, заключённых им с Францией и Чехословакией, я могу от его имени заявить, что оно со своей стороны попрежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне её практических мер, диктуемых обстоятельствами. Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого ещё не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твёрдую недзусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира». «Известия» № 65(6532) от 18 марта 1938 г. — *Прим. ред.*

Его Величества, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира.

4. При этих обстоятельствах, будучи искренне признателен Советскому Правительству за сообщение мне его взглядов относительно наилучшего метода обеспечения сохранения мира, я сожалею, что Правительство Его Величества не может согласиться во всём объёме с предложениями, выдвинутыми М. Литвиновым в своём заявлении, о котором идёт речь. Взгляды Правительства Его Величества дополнительно обсуждаются в Парламенте, и Вы сможете заметить из соответствующих заявлений министров Его Величества, что, если и могут существовать различные взгляды на методы, которых надлежит придерживаться, тем не менее Правительство Его Величества не в меньшей степени, чем Советское Правительство, озабочено тем, чтобы отыскать эффективные средства укрепления дела мира.

Имею честь быть с высоким уважением
покорный слуга Вашего Превосходительства
за государственного секретаря
Подпись: *К. У. БАКСТЕР.*

№ 8

ПИСЬМО СОВЕТНИКА ГЕРМАНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ АЛЬТЕНБУРГА ПОСЛАННИКУ В ПРАГЕ ЭЙЗЕНЛОРУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ЗАПИСИ СОВЕЩАНИЯ ПО СУДЕТО-НЕМЕЦКОМУ ВОПРОСУ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ РИББЕНТРОПА [1]

Берлин, 29 марта 1938 г.
Чрезвычайному посланнику
и полномочному министру
г-ну Эйзенлору (лично)

Прага
(с курьером)

1 Полит. отделу. 215 секр.
Секретно[2].
Срочно.

Референт: легационный советник
Альтенбург.

В приложении направляется Вам для строго доверительного и личного ознакомления запись совещания, состоявшегося сегодня в министерстве иностранных дел по судето-немецким вопросам.

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

[2] Рукой Вейцзекера написано карандашом на полях: «один экземпляр приложения сохранить для фюрера». На письме имеется виза Риббентропа. — *Прим. ред.*

Согласно принятым на совещании установкам, я прошу Вас, как и до сих пор, поддерживать по возможности тесный контакт с судето-немецкой партией и, как было условлено, стараться, хотя и неофициально, если представится случай, в беседах с чехословацкими государственными деятелями оказывать ей поддержку в предстоящих переговорах с чехословацким правительством.

ЗАПИСЬ[1]

совещания, состоявшегося в 12 часов дня 29-го марта 1938 г. в министерстве иностранных дел по судето-немецкому вопросу.

В совещании принимали участие лица, перечисленные в прилагаемом списке.

Г-н рейхсминистр во вступительном слове подчеркнул необходимость сохранения в строгой тайне этого совещания; после этого, сославшись на указания, которые фюрер дал лично вчера днём Конраду Генлейну, заявил, что прежде всего имеется два вопроса, представляющих чрезвычайную важность для руководства политикой судето-немецкой партии:

---

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии; запись (с приложением II) опубликована в американском издании материалов Нюрнбергского процесса «Nazi conspiracy and aggression», vol. V, p. 422—424. — *Прим. ред.*

1. Судетские немцы должны знать, что за их спиной стоит 75-миллионный народ, который не потерпит дальнейшего угнетения судетских немцев чехословацким правительством.

2. Делом судето-немецкой партии является предъявление чехословацкому правительству таких требований, выполнение которых она считает необходимым для достижения желаемых привилегий.

Г-н рейхсминистр добавил к этому, что в задачу имперского правительства не входит выработать для Конрада Генлейна, являющегося признанным вождём судетских немцев, что снова подтверждено фюрером, требования, которые должны быть предъявлены чехословацкому правительству. Следовало бы составить программу-максимум, которая в качестве конечной цели гарантировала бы судетским немцам полную свободу. Было бы опасным удовлетвориться преждевременно обещаниями чехословацкого правительства, которое, с одной стороны, в отношении заграницы смогло бы создать впечатление, будто бы найдено решение, а с другой стороны, судетские немцы были бы удовлетворены только частично. Предосторожность уместна прежде всего потому, что, исходя из имевшегося до сего времени опыта, нельзя доверять заверениям Бенеша и Годжи. Конечная цель предстоящих переговоров судето-немецкой партии с чехословацким правительством — это избежать вступления в правительство, увеличивая объём и постепенно конкретизируя предъявляемые требования. При переговорах

должно быть ясно подчёркнуто, что единственным партнёром по переговорам с чехословацким правительством является судето-немецкая партия, а не имперское правительство. Имперское правительство со своей стороны должно отказаться выступать в качестве представителя или защитника судето-немецких требований перед пражским правительством или перед Лондоном и Парижем. Само собой разумеется, предполагается, что судетские немцы при вышеуказанных переговорах с чехословацким правительством должны полностью подчиняться Конраду Генлейну, сохранять спокойствие и дисциплину и избегать неосторожностей. По этому поводу Конрад Генлейн уже дал удовлетворяющие заверения.

Вслед за этими принципиальными указаниями г-на рейхсминистра были обсуждены и в принципе одобрены приведённые в приложении требования, которые должны быть предъявлены судето-немецкой партией чехословацкому правительству.

Для дальнейшей совместной работы Конраду Генлейну было дано указание поддерживать по возможности самый тесный контакт с г-ном рейхсминистром и с руководителем Центрального бюро фольксдейче (Volksdeutsche Mittelstelle), а также с немецким посланником в Праге, являющимся тамошним представителем г-на рейхсминистра. Задача немецкого посланника в Праге будет состоять в том, чтобы не официально, а в частных разговорах с чехословацкими государственными деятелями под-

держивать требования судето-немецкой партии, доказывая их разумность, не оказывая непосредственного влияния на объём требований партии.

В заключение был обсуждён вопрос о целесообразности сотрудничества судето-немецкой партии с остальными нацменьшинствами в Чехословакии и особенно со словаками. Г-н рейхсминистр решил, что партии нужно предоставить свободу входить в контакт с другими национальными группами, параллельные действия которых могут оказаться целесообразными.

Берлин, 29 марта 1938 г.

Р[1].

---

[1] Виза Риббентропа. — *Прим. ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ I

к записи совещания у Риббентропа

от 29 марта 1938 г. [1]

I. Немедленные требования:

Цель: Успокоение судетских немцев.

1. Общинные выборы,
   политические выборы,
   выборы в социальные учреждения (переключение настроения масс на позитивное действие).
2. Широкая амнистия.
3. Правительственное постановление:

«Принадлежность к судето-немецкой партии не должна служить поводом к преследованию и социально-экономическому притеснению».

«Должен быть возмещён ущерб, причинённый в своё время за членство в DNSAP и DNP».

II. Требования, которые должны быть выполнены *прежде,* чем судето-немецкая партия вступит в конкретные переговоры с правительством:

1. Обратный перевод в районы с немецким населением государственных чиновников немецкой национальности из чешской области и из Словакии.

2. Государственные должности в районах с немецким населением впредь занимаются только немцами.

---

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

Новые назначения в ведомствах и официальных учреждениях в областях со смешанным населением и в центральных учреждениях производятся только из немцев до тех пор, пока не будет достигнуто соответствия с национальным составом населения.

3. Упразднение системы государственной полиции и передача местной полицейской власти в компетенцию органов самоуправления (общинам).

III. Требования, которые должны быть удовлетворены в ходе переговоров судето-немецкой партии с правительством:

1. «Законы о защите народа», внесённые уже судето-немецкой партией.

2. Ревизия закона об обороне государства в тех его частях, которые с самого начала были направлены против судетских немцев.

3. Полное восстановление общинного самоуправления.

4. Немецкий язык — равноправный государственный язык.

5. Выяснение будущей внешней политики.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

к записи совещания у Риббентропа
от 29 марта 1938 г.

ЯВОЧНЫЙ ЛИСТ

присутствующих на совещании по судето-немецким вопросам
во вторник, 29 марта 1938 года в 12 часов дня.

Присутствуют:

Г-н рейхсминистр фон Риббентроп, г-н статс-секретарь фон Маккензен, г-н министериальдиректор Вейцзекер, г-н посланник Эйзенлор — Прага, г-н посланник Штиве, г-н легационный советник с правом доклада фон Твардовский, г-н легационный советник Альтенбург, г-н легационный советник Кордт.	Министерство иностранных дел.
Обергруппенфюрер СС Лоренц, г-н проф. Гаусгофер.	Центральное бюро «фольксдейче»[1].
Г-да Конрад Генлейн, Карл Герман Франк, д-р Кюнцель, д-р Крейсль.	Судето-немецкая партия.

[1] В оригинале: «Volksdeutsche Mittelstelle». — *Прим. ред.*

№ 9

ПИСЬМО ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПОСЛАННИКА В ЛОНДОНЕ МАСАРИКА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЧЕХОСЛОВАКИИ КРОФТА[1]

Министерство иностранных дел.
Кабинет № 1506 от 5.4.1938 г.

Секретно[2].
Полит. архив[2].

Перевод:
Чехословацкий посланник.
9 Гросвенор Плес S. W. I.
Лондон, 5 апреля 1938 г.

Господин министр!

Только что я имел продолжительную беседу с Кадоганом. Я в высшей степени подробно и правдиво информировал его о положении, которое я застал во время своего недельного пребывания в Праге. Он проявил живейший интерес ко всевозможным

[1] Документ был захвачен немцами в архиве министерства иностранных дел Чехословакии и переведён ими с чешского на немецкий язык. В распоряжении Архивного управления МИД СССР имеется немецкий перевод, находящийся в делах бывш. МИД Германии. — *Прим. ред.*

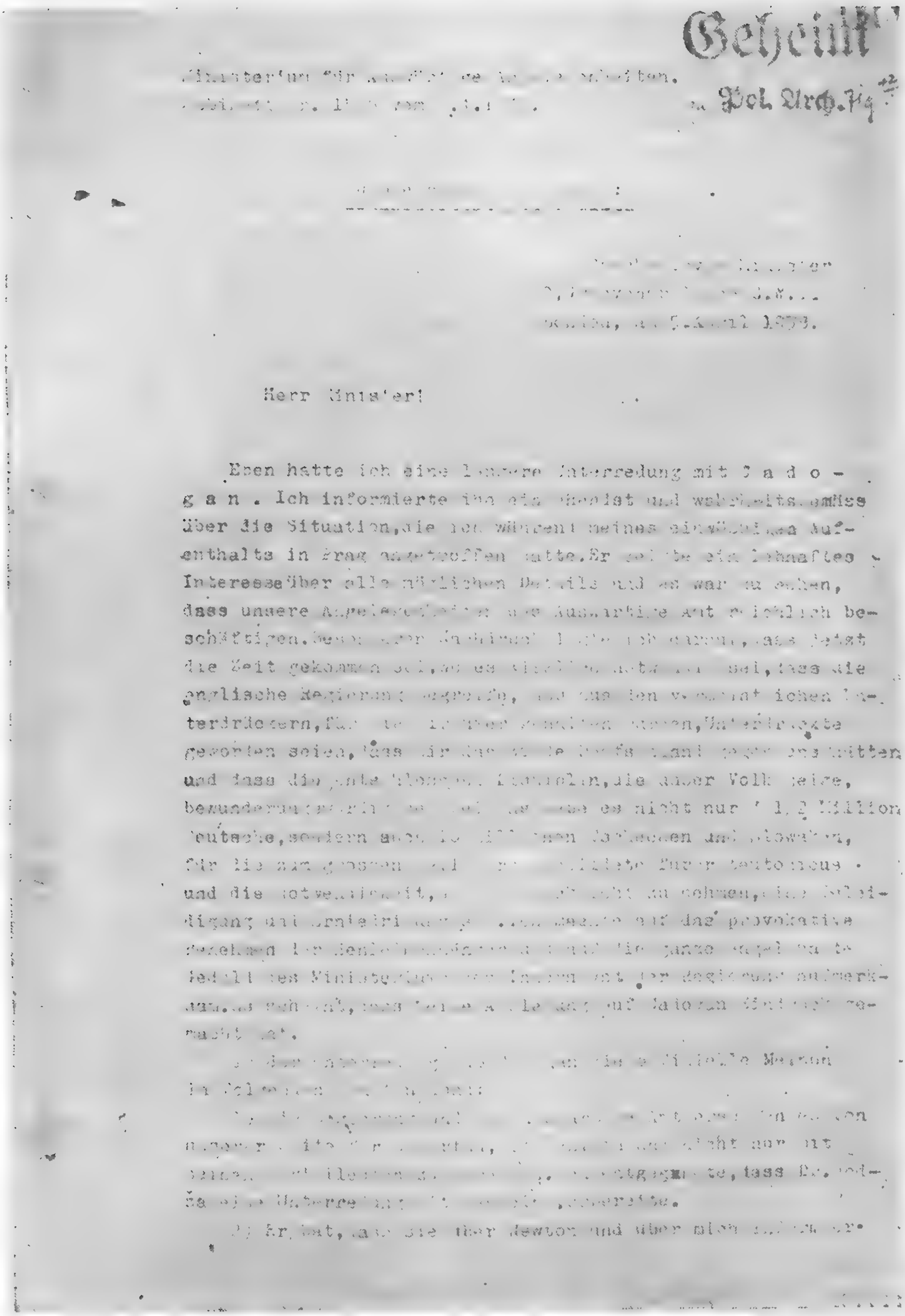
[2] Штамп политического архива министерства иностранных дел Германии. — *Прим. ред.*

деталям, и было видно, что наши дела чрезвычайно занимают министерство иностранных дел. Я в особенности подчеркнул, что пришло время, когда действительно необходимо, чтобы английское правительство поняло, что из мнимых угнетателей, за которых нас здесь принимали, мы превратились в угнетённых, что против нас одичавшая Германия и что твёрдая дисциплина, которую проявляет наш народ, достойна восхищения. У нас имеется не только 3,5 миллиона немцев, но и 10 миллионов чехов и словаков, для которых в большинстве случаев дикий furor teutonicus и необходимость считаться с ним являются оскорблением и унижением. Я обратил внимание на провокационное поведение сторонников Генлейна и на поистине ангельское терпение министерства внутренних дел и правительства. Мои высказывания, кажется, произвели на Кадогана впечатление.

В беседе Кадоган изложил официальную точку зрения в следующих пунктах:

1. Правительство и министерство иностранных дел считают, что для нас было бы своевременно начать переговоры с Генлейном, а не только с членами его партии. Я ответил, что д-р Годжа подготовляет беседу с Генлейном.

2. Он просил меня, чтобы их информировали через Ньютона и через меня о том, что происходит и что готовится, и согласился с тем, что нельзя слишком торопиться, так как речь идёт о таком первостепенно важном деле.



Geheim!

Pol. Arch.

Herr Minister!

Eben hatte ich eine [illegible] Unterredung mit C a d o - g a n . Ich informierte ihn [illegible] über die Situation, die ich während meines [illegible] Aufenthalts in Prag [illegible] hatte. Er [illegible] Interesse über alle [illegible] Details und es war zu sehen, dass unsere [illegible] beschäftigen. [illegible] die Zeit gekommen [illegible], dass die englische Regierung [illegible] Unterdrückern, [illegible] geworden seien, [illegible] und dass die [illegible], die [illegible] Volk [illegible], bewunderungswürdig [illegible] es nicht nur [illegible] 1,2 Millionen Deutsche, sondern auch [illegible] Tschechen und Slowaken, für die [illegible] furor teutonicus und die Notwendigkeit, [illegible] zu nehmen, [illegible] Beleidigung [illegible] auf das provokative [illegible] des Ministeriums [illegible] aufmerksam [illegible] gemacht hat.

[illegible]

[illegible] ergegnete, dass [illegible] Unterredung [illegible].

[illegible] Er bat, [illegible] über [illegible] und über mich [illegible].

Фотокопия первой страницы документа № 9.

3. Во Франции правительства нет, а Поль Бонкур не такой министр иностранных дел, который бы в столь серьёзный момент мог бы быть достойным партнёром в переговорах о европейском кризисе.

4. Большое недоверие к России и сомнение в том, что она может эффективно вмешаться за пределами своих границ. Это, однако, не значит, что Россией нельзя оперировать в политических целях: наоборот, в интересах Чехословакии указать немцам на опасность русского вмешательства, так как, несмотря на все заверения, Германия боится России.

5. Кадоган обещал, что в Берлине они будут работать в интересах примирения, указывая на то, что переговоры не следует прерывать, так как в противном случае успехи не имели бы большого значения.

6. Он располагает достаточно подробными сведениями о том, что тяжёлая промышленность в немецких областях ни за что не хочет присоединения к Германии, что австрийская, т. е. в значительной части и наша, аристократия находится сейчас в положении, сходном с тем, в какое поставлены евреи, и что в отношении нашего государства она настроена положительно.

Я воспользовался удобным случаем и сказал, что как раз аристократия всегда самым позорным образом чернила наше государство и что их посол в Берлине получает все сведения, неблагоприятные для нас, именно из этих источников. Кадоган с улыбкой согласился со мной. (Кадоган — настоящий аристократ, держится скромно, но знает себе цену.

Невиль Гендерсон — влиятельный сноб [1], а наш г-н Ньютон — маленький сноб.)

Кадоган заверил меня, что он имеет наилучшие намерения, и от имени Галифакса определённо заявил, что если мы в отдельных случаях будем нуждаться в их помощи, то, хотя он и не может дать никаких твёрдых обещаний, они сделают всё в пределах возможного.

Остаюсь с глубоким почтением

Подпись: ***ЯН МАСАРИК.***

Г-ну д-ру Камилу Крофта,
министру иностранных дел
Прага

---

[1] В оригинале: «bedeutender Snob». — *Прим. ред.*

würde, was [illegible] und sich vorbereite und er gab zu, dass man sich nicht allzu sehr beeilen könne, da es sich um eine Angelegenheit von so grundlegender Wichtigkeit handle.

3) Frankreich hat keine Regierung und Paul Boncour ist nicht der Aussenminister, der in einer so ernsten Zeit ein würdiger Partner bei einer Verhandlung über die europäische Krise sein würde.

4) Grosses Misstrauen gegenüber Russland und Zweifel darüber, dass es ausserhalb seiner Grenzen tatkräftig eingreifen könne. Das bedeutet aber nicht, dass sich politisch mit Russland nicht operieren lasse, im Gegenteil, liegt es im Interesse der Tschechoslowakei, den Deutschen die Gefahr eines russischen Eingreifens vor Augen zu stellen, weil trotz aller Versicherungen Deutschland vor Russland Angst hat.

5) Cadogan versprach, dass sie in Berlin für eine Versöhnung arbeiten werden, indem sie darauf hinweisen, dass die Verhandlungen nicht abgebrochen werden sollen, da sonst die Erfolge nicht viel wert sein würden.

6) Er hat genügend eingehende Nachrichten, dass die Schwerindustrie in den deutschen Gebieten um keinen Preis zu Deutschland will und dass sich die österreichische, d.i. zu einem grossen Teile unsere Aristokratie, jetzt in einer ähnlichen Situation wie die Juden befindet und dass sie positiv zu unserem Staate steht.

Ich habe die Gelegenheit benützt, um ihm zu sagen, dass es gerade die Aristokratie war, die immer auf die schändlichste Art unseren Staat angeschwärzt hat und dass ihr Botschafter in Berlin alle für uns ungünstigen Informationen aus diesen Quellen hat. Cadogan stimmte lächelnd zu (Cadogan ist ein wirklicher Aristokrat, bescheiden selbstbewusst, Neville Henderson ist ein bedeutender Snob und unser Herr Newton ein kleiner Snob.)

Cadogan versicherte den guten Willen und dass er mir im Namen Halifax's die Versicherung gebe, dass sie, wenn wir von Fall zu Fall ihre Hilfe brauchen würden, obwohl er mir keine bindenden Versprechungen geben könne, alles tun werden, was in den Grenzen der Möglichkeit sein wird.

Es empfiehlt sich Ihnen in Ehrerbietung

gez. Jan M a s a r y k .

Herrn Dr. Kamil K r o f t a
Minister für Auswärtige Angelegenheiten
in P r a g .

Фотокопия второй страницы документа № 9 (окончание).

№ 10

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЧЕМБЕРЛЕНА НА СОВЕЩАНИИ БРИТАНСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ МИНИСТРОВ [1]

ОТВЕТ Г-НА ЧЕМБЕРЛЕНА Г-НУ ДАЛАДЬЕ

28 апреля 1938 г.

«Премьер-министр просит г-на Даладье верить, что он выслушал доклад председателя французского совета министров с должным волнением. Кровь кипит у него, когда он видит, как Германия распространяет своё господство на Европу и реализует непрерывные успехи. Но нужно помнить, о каких интересах здесь идёт речь. Если иметь в виду, что дело идёт о спекуляции, то здесь спекулируют не деньгами, а людьми. Эта мысль, несомненно, на-

[1] Опубл. — *Georges Bonnet,* Défense de la Paix. De Washington au Quai d'Orsay, p. 352—353. *(Жорж Боннэ,* Защита мира. От Вашингтона до Кэ д'Орсей, стр. 352—353.) Боннэ публикует речь Чемберлена по протокольной записи лондонского совещания английских и французских министров. — *Прим. ред.*

ходится в сознании г. Даладье, так же как и Невиля Чемберлена. Невозможно учесть тех ужасов, которые последуют для Франции и Англии в результате конфликта, и сомнительно, чтобы эти две страны были достаточно сильны, чтобы навязать свою волю Германии, хотя бы ценой страданий и ужасных потерь. Премьер-министр не думает со своей стороны, что Франция и Англия в настоящий момент достаточно сильны, чтобы этого достигнуть; он согласен с тем, что г-н Даладье сказал вчера о возрастающей способности к обороне, и может притти время, когда будет возможно сопротивляться в лучших условиях. Но в настоящий момент британское общественное мнение не согласится взять на себя такую ответственность, и было бы неразумно для правительства выходить за пределы того, что может быть принято общественным мнением.

Г-н Невиль Чемберлен задаёт себе также вопрос, является ли европейское положение столь мрачным, как это находит г-н Даладье. Он со своей стороны весьма сомневается в том, что г-н Гитлер желает уничтожения чехословацкого государства или переустроенного чехословацкого государства; он не думает, чтобы фюрер хотел аншлюсса. Несомненно, именно поэтому г-н Генлейн не упомянул об этом, несмотря на настроение своих сторонников. Само собою разумеется, что речь идёт просто о желании, выполнение которого задерживается и к осуществлению которого ещё вернутся; однако Бенеш должен иметь возможность представить предложения,

которые, изменяя характер чехословацкого государства, помешают его уничтожению. Если Германия пожелает этого уничтожения, премьер-министр не видит, говоря со всей откровенностью, как ей можно помешать в этом, но он не думает, чтобы этого желали в Берлине...[1]

...Очевидно нельзя полностью исключать возможность войны, так как вопрос может итти о чём-то более ценном, чем человеческая жизнь или материальные ценности; однако к этой возможности следует прибегать как к крайнему средству, а не легкомысленно. Премьер-министр был свидетелем одной войны, и он убедился, как трудно для кого-либо выйти из неё более сильным и более счастливым. Поэтому лишь под давлением самой настоятельной необходимости можно пойти на это. Г-н Чемберлен заявляет, что он относится определённо враждебно ко всякой мысли о превентивной войне».

---

[1] Многоточие во французском издании. — *Прим. ред.*

№ 11

ДОНЕСЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ПОСЛА В ПАРИЖЕ ЛУКАСЕВИЧА О БЕСЕДЕ С ФРАНЦУЗСКИМ МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ БОННЭ [1]

ПОСОЛЬСТВО ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПАРИЖЕ

Копия.

№ 1/F/18

О беседе с г-ном министром Боннэ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОНЕСЕНИЕ № XVII/2

Совершенно секретно.

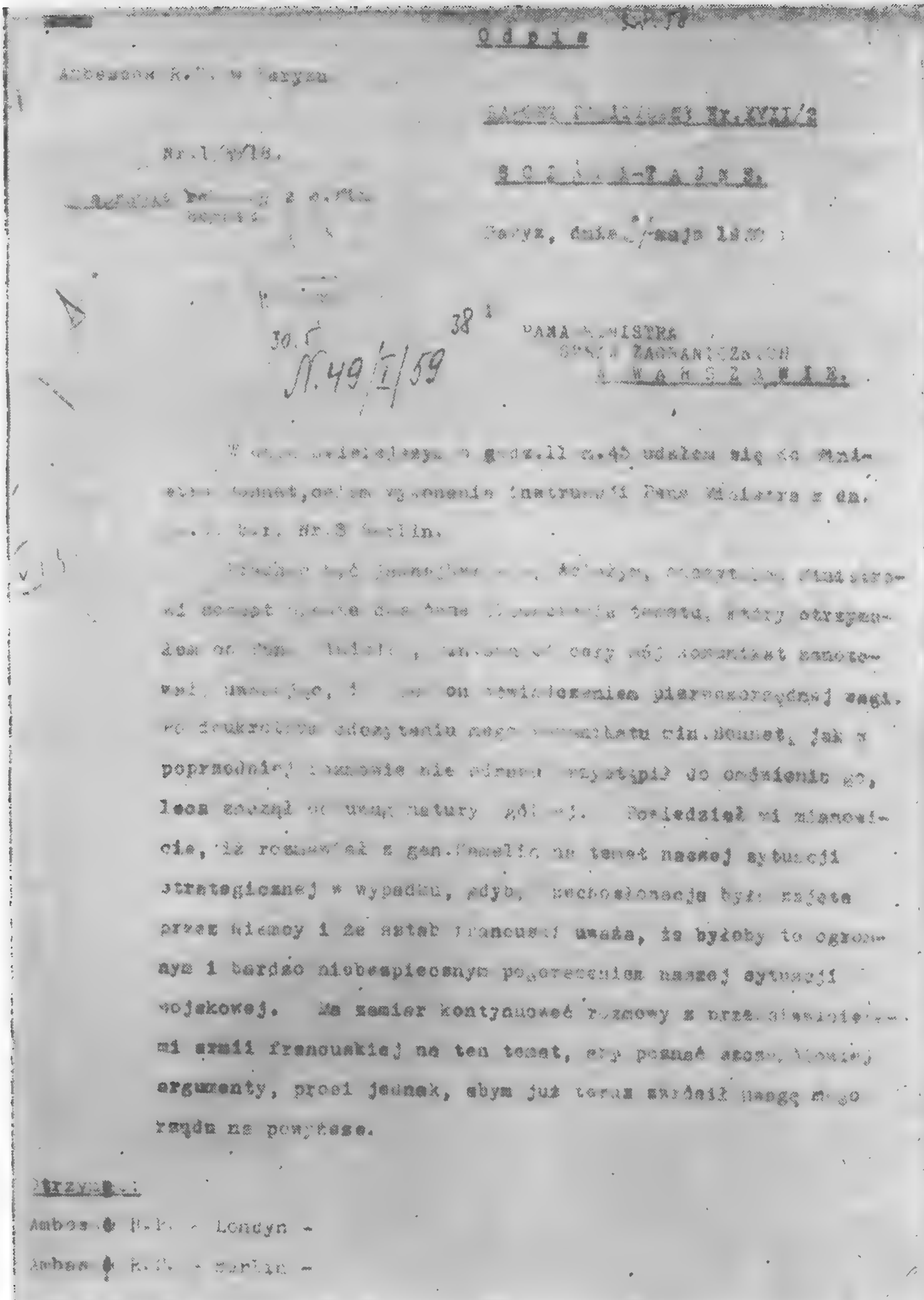
Париж, 27 мая 1938 г.

Г-ну министру иностранных дел.
Варшава

Сегодня, в 11 часов 45 минут, я посетил министра Боннэ, согласно инструкции г-на министра от 24 мая с. г. № 8, Берлин.

Желая быть возможно более точным, я зачитал министру Боннэ почти дословно содержание инструкции, полученной мною от г-на министра. Министр Боннэ записал всё моё сообщение, считая, что оно является заявлением большой важности.

[1] Перевод с польского.



Odpis

Ambasada R.P. w Paryżu

[illegible] Nr. XVII/2

Nr. 1/ [illegible]

[illegible] TAJNE

[illegible]

Paryż, dnia [illegible] maja 1939 [illegible]

30.5 №. 49/I/59 38

PANA MINISTRA SPRAW ZAGRANICZNYCH W WARSZAWIE.

[illegible] o godz. 11 m. 45 udałem się do Ministra Bonnet, celem wykonania instrukcji Pana Ministra z dn. [illegible] Nr. 3 Berlin.

[illegible] wręczyłem [illegible] otrzymałem od Pana Ministra [illegible] komunikat [illegible] on oświadczeniem pierwszorzędnej wagi. [illegible] mego [illegible] min. Bonnet, jak w poprzedniej rozmowie nie [illegible] przystąpił do omówienia go, lecz zaczął od [illegible] natury [illegible]. Powiedział mi mianowicie, iż rozmawiał z gen. Gamelin na temat naszej sytuacji strategicznej w wypadku, gdyby Czechosłowacja była zajęta przez Niemcy i że sztab francuski uważa, iż byłoby to ogromnym i bardzo niebezpiecznym pogorszeniem naszej sytuacji wojskowej. Ma zamiar kontynuować rozmowy z przedstawicielami armii francuskiej na ten temat, aby poznać [illegible] argumenty, prosi jednak, abym już teraz zwrócił uwagę mego rządu na powyższe.

Przypis.: [illegible]

Ambas. R.P. - Londyn -

Ambas. R.P. - Berlin -

Фотокопия первой страницы документа № 11.

После двухкратного прочтения моего сообщения министр Боннэ, как и в первой беседе, не сразу приступил к его обсуждению, а начал с общих замечаний. Он сообщил мне, что имел беседу с генералом Гамеленом на тему о нашем стратегическом положении в случае, если Чехословакия будет занята немцами, и что французский штаб считает такое положение огромной и очень опасной угрозой для нас в военном отношении. Боннэ имеет намерение продолжать свои беседы с представителями французской армии на эту тему для того, чтобы основательно изучить аргументы генштаба. Однако он просит, чтобы я уже сейчас обратил внимание моего правительства на вышеизложенное. Затем министр Боннэ выразил убеждение в том, что хотя немецко-чешский конфликт и вызван вопросом о немецком меньшинстве, однако, анализируя этот конфликт, необходимо смотреть дальше проблемы меньшинства и понять, что здесь дело идёт о сохранении мира и об обуздании опасной немецкой экспансии в средней Европе. «Существует много проблем нацменьшинств, — заметил мой собеседник. — Сегодня мы занимаемся одними, в будущем будем заниматься другими». Это был косвенный, как я полагаю, лишённый злобы намёк на наши проблемы национальных меньшинств.

Затем, переходя к обсуждению моего заявления, министр Боннэ сказал, что французское правительство ничего не требует от Польши в связи с проблемой Чехословакии, однако французское правительство хотело бы рассчитывать на наше сотруд-

ничество в деле сохранения мира, а также в деле сопротивления немецкой экспансии. Если польское правительство считает невозможным для себя представление Берлину декларации, аналогичной заявлению английского правительства, то оно могло бы опубликовать такую декларацию, которая не содержала бы никакого нового обязательства, но провозгласила бы, что польское правительство считает необходимым принять все меры для сохранения мира, что известные события могут вызвать развитие всеобщего конфликта и что, наконец, в такой ситуации Польша не будет оставаться безучастной и ещё не знает, на какую из борющихся сторон она должна была бы стать. Боннэ просит г-на министра рассмотреть вопрос о возможности опубликования нами такой или подобной декларации и ответить ему на это.

Затем министр Боннэ пространно, и явно делая упор на эту проблему, начал говорить об отношении к Советской России в данной обстановке и в известной степени в отрыве от неё. Франко-советский пакт является очень «условным» [1], и французское правительство отнюдь не стремится опираться на него. Он будет играть роль и иметь значение только в связи с тем, как Франция будет воспринимать колебания Польши. Министр Боннэ лично не является приверженцем сотрудничества с коммунизмом. Французское правительство хотело бы целиком опереться на

[1] В оригинале написано по-французски «vague» и взято в кавычки. — *Прим. ред.*

Польшу и сотрудничать с ней. Оно желает усилить, уточнить и расширить наши союзнические отношения. Министр Боннэ был бы особенно доволен, если бы он мог, в результате выяснения вопроса о сотрудничестве с Польшей, заявить Советам, что Франция не нуждается в их помощи.

Не следует, однако, забывать о положительных сторонах франко-советского пакта. В случае войны с Германией пакт будет являться основанием, в силу которого можно будет требовать, чтобы Москва оказывала такую помощь материалами и сырьём, какая может оказаться необходимой. В известной обстановке Польша сможет использовать пакт с выгодой для себя.

В условиях настоящего времени можно утверждать, что франко-советский договор не будет являться необходимым и не будет играть значительной роли, если франко-польский союз сможет стать вполне действенным.

Осветив таким образом проблемы Советской России, министр Боннэ перешёл к вопросу о нашем меньшинстве в Чехословакии. Он проявил при этом не только беспокойство, но также и известное раздражение. То, о чём он говорил, я постараюсь изложить в нижеследующих строках:

Вопрос о польском меньшинстве в Чехословакии не является аналогичным вопросу о немецком меньшинстве как с точки зрения количества населения, которое принимается в расчёт в обоих случаях, так и ввиду того, что польское меньшинство

интересует государство, связанное с Францией союзом. Кроме того, это меньшинство находится на территории дружественного Франции государства. Можно с уверенностью сказать, что по разрешении вопроса о немецком меньшинстве Чехословакия должна будет приступить к разрешению вопроса о польском и других меньшинствах. Однако, по мнению г-на министра, было бы в высшей степени досадно и непонятно, если бы польские требования в вопросе о меньшинстве создали такую ситуацию, которая привела бы к новому обострению положения, чего следует ожидать в момент разрешения вопроса о Судетах. Вопросу о польском меньшинстве французское правительство придаёт большое значение, однако это не должно явиться для польского правительства исходным пунктом к действиям, которые привели бы к ещё большим осложнениям и помешали бы польскому правительству отнестись положительно к франко-английским усилиям, направленным к мирному разрешению конфликта, могущего возникнуть между Германией и Чехословакией. В высшей степени неприятным и опасным является уже одно то, что г-н министр [1] не только отказывается сделать в Берлине демарш, в котором французское правительство так заинтересовано, и отказывается уточнить позицию Польши в случае франко-германского конфликта, а ещё сверх этого выдвигает новое требование, причём в

[1] Имеется в виду Бек. — *Прим. ред.*

такой острой форме, что это чревато новыми трудностями и новыми опасностями.

Видя, что министр Боннэ или не знает вопроса, или же плохо понял сделанное мною от имени г-на министра заявление, или хотел его плохо понять, что менее вероятно, — я прервал его выводы, утверждая, что в данном случае с нашей стороны не выдвигается ни одного нового требования.

Вопрос о нашем меньшинстве в Чехословакии существует давно, и за всё это время пражское правительство ничего, кроме обещаний, не сделало для разрешения его. Никакого результата не дали также многолетнее сочувствие и влияние французского правительства. Ни в коем случае мы не можем допустить даже на один момент того, чтобы проблема польского меньшинства была разрешена после разрешения вопроса о судетских немцах. Эта проблема должна быть разрешена одновременно и в полной аналогии с разрешением вопроса о немцах. Количество населения здесь никакой роли не играет и не имеет никакого значения. Впрочем, если я не ошибаюсь, посланник Чехословакии в Варшаве заявил г-ну министру около двух недель тому назад, что чешское правительство признаёт за нами право на принцип наибольшего благоприятствования в отношении польского нацменьшинства, т. е. заранее согласно на предоставление польскому меньшинству таких же прав, которые будут признаны за немецким меньшинством. Я не понимаю, почему специальное заявление г-на министра по этому вопросу, имеющее

своей целью проинформировать французское правительство о нашей позиции и нашем положении, а также о значении этой проблемы, вызывает такое беспокойство и возбуждение. Ведь не думает же министр Боннэ, чтобы мы могли и хотели ждать разрешения вопроса о нашем меньшинстве до тех пор, пока, как я надеюсь, проблема судетских немцев не будет успешно разрешена. Разрешением проблемы судетских немцев кончится то напряжение, в котором мы живём; влияние держав в Праге станет таким же, каким было до конфликта, а Чехословакия возвратится к своей прежней политике невыполнения обещаний. Это было бы слишком наивно, и общественное мнение Польши не поймёт такой политики и не согласится с ней. Я думаю, что если министр Боннэ остановит своё внимание на этой проблеме и подробно проанализирует её, то он поймёт правильность и необходимость той позиции, которую мы занимаем.

После моей вышеприведённой реплики министр Боннэ значительно снизил тон беседы, а в известной степени изменил и своё отношение к проблеме и уже не возвращался к тезису особого разрешения вопроса о нашем меньшинстве, стараясь объяснить в дальнейшем, что мы не должны придавать этому вопросу большого политического значения, что вопрос этот будет, наконец, разрешён и что французское правительство будет заботиться о его разрешении. Излагая свои аргументы, Боннэ сказал, что он желал бы, чтобы мы конкретно указали,

каких прав мы добиваемся для нашего меньшинства? Я отвечал ему, что, собственно, избегая излишних осложнений и принимая во внимание то, что наше меньшинство является менее значительным по численности по сравнению с другими меньшинствами, мы требуем только того, чтобы наше меньшинство трактовалось как имеющее равные права с другими, бóльшими в количественном отношении меньшинствами. Отразив таким образом аргументы министра Боннэ по вопросу о меньшинстве, я заявил ему, что о всех его замечаниях и вопросах я доложу Вам и буду ждать дальнейших инструкций. Сейчас я хотел бы, сказал я Боннэ, выразить своё личное мнение относительно некоторых своих наблюдений.

Что касается мнения генерала Гамелена о том, что наше стратегическое положение будет значительно ухудшено, если Германия овладеет всей Чехословакией, то, несмотря на то, что я не являюсь военным человеком, я думаю, что он совершенно прав. Я только не понимаю, почему к этому приковывается внимание, так как, по моему мнению, это предположение является чисто теоретическим и безусловно исключается. Я не знаю, стремится ли Гитлер к автономии для судетских немцев или к аннексии территории, ими населённой. Однако я никогда не слышал, чтобы он стремился к присоединению всей Чехословакии. Поэтому я считаю, что рассуждение относительно ситуации, которую генерал Гамелен, вероятно, оценил правильно, является беспредметным. Что же касается нашего возможного

демарша в Берлине в целях смягчения обстановки, о котором говорил министр Боннэ, то я считаю, что в данное время мы уже предприняли именно то, что он хотел. Мы это сделали не в форме демарша в Берлине, а в связи с телеграммой в газете «Ивнинг Стандарт», когда мы заявили публично в нашем опровержении о том, что в случае крупных осложнений мы оставляем за собой право принимать решения. Я подчеркнул, что этот факт следует считать нашим серьёзным вкладом в усилия, направленные к сохранению мира.

Наконец, я добавил, что во избежание недоразумений и неясностей я должен указать, что в переговорах генерала Гамелена с маршалом Рыдз Смиглы вопрос о возможной материальной помощи и о помощи сырьём со стороны Советской России был поднят генералом Гамеленом и что, однако, маршал Рыдз Смиглы решительно отклонил какие-либо переговоры или дискуссию на эту тему. Ввиду этого нельзя ссылаться на переговоры наших военных. По вопросу о Советской России я не сказал ни слова, имея в виду, что содержание инструкций г-на министра сводилось к тому, чтобы эту тему не обсуждать, и понимая, что в теперешней обстановке этот вопрос не является уместным. На эти мои краткие замечания министр Боннэ ответил, что, быть может, предположение о присоединении к Германии всей Чехословакии является слишком гипотетическим, однако план Геринга о разделе Чехословакии между Германией и Венгрией, с передачей Тешин-

ской Силезии Польше, не является тайной. Реализация этого плана равноценна аннексии всей Чехословакии, а аннексия территорий, населённых немецким меньшинством, значительно ухудшила бы положение Польши с военной точки зрения.

Я ответил, что, по моему мнению, является абсолютно неразумным предположение о том, чтобы в XX веке, после великой войны, результатом которой является триумф национального принципа, какое-либо государство, даже более сильное, чем Германия, могло бы присоединить к себе территории, населённые другими народами, вопреки их воле. Я выразил предположение, что если чехи полны решимости сражаться за судетскую землю, то Прагу они будут оборонять до последней капли крови. Я признал правильным суждение о том, что если бы теперешний конфликт кончился присоединением Судетской области к Германии, то это ухудшило бы стратегическое положение Чехословакии. Воспользовавшись моим упоминанием о переговорах между маршалом Рыдз Смиглы и генералом Гамеленом относительно возможной помощи со стороны Советской России, министр Боннэ возвратился к обсуждению вопроса о франко-советском пакте и сказал следующее:

Если возникнет конфликт между Польшей и Германией, то франко-советский пакт сможет сыграть положительную для Польши роль, во-первых, устраняя вероятность борьбы на два фронта, во-вторых, создавая возможность материальной помощи и по-

мощи сырьём. Положение о том, что конфликт между Германией и Польшей является возможным, не вызывает никакого сомнения. Ещё Штреземан в личных беседах с министром Боннэ категорически утверждал, что Германия никогда не согласится на существующую ныне границу с Польшей. Трудно допустить, чтобы эта точка зрения в Германии кардинально изменилась после прихода к власти национал-социалистов. В связи с этим улучшение отношений с Россией, несомненно, полезно для Польши.

Далее министр Боннэ вновь поднял вопрос о меньшинстве, подчёркивая, что мы не должны делать слишком далеко идущие выводы в отношении такой важной проблемы, как сохранение мира в Европе. По его мнению, мы должны обратить своё внимание на общественное мнение Франции. Опровержение, опубликованное после телеграммы, помещённой в «Ивнинг Стандарт», произвело на общественное мнение Франции самое тяжёлое впечатление. Общественное мнение Франции переживает большое разочарование в связи с позицией Польши, и несомненно, что оно было бы в высшей степени потрясено, если бы ему стало известно, что Польша не только отказалась сделать демарш в Берлине и уточнить свою позицию в случае франко-немецкой войны, но и готова ещё более ухудшить обстановку, выдвигая свои требования в очень острой форме. Необходимо соблюдать осторожность. Было бы очень желательным, чтобы польское правительство на-

шло соответствующую форму для подтверждения того, что оно принимает участие в усилиях, направленных к мирному разрешению конфликта, а также высоко ценит их.

Мой ответ примерно был следующим:

Мы удивляемся, что наше опровержение произвело такое тяжёлое впечатление на общественное мнение Франции, допуская, что оно также было принято и в Берлине. Мы считаем, что наше опровержение должно быть оценено как существенный вклад в дело сохранения мира. Я рад, что министр Боннэ поднял вопрос об общественном мнении, так как я желал бы обратить его внимание на необходимость соблюдения осторожности в этом отношении, а также на необходимость проявления заботы со стороны Кэ д'Орсей в отношении поведения французской прессы. Я заметил, что в польском обществе ещё живы досадные воспоминания о недоброжелательном отношении к нам всей французской прессы в момент больших трудностей, которые испытывала Польша во время инцидента с Литвой. Я помню неслыханное поведение французской дипломатии при разрешении столь важной и жизненной для Польши проблемы. У нас хорошо сохранилось в памяти впечатление о том, что в тот важный для Польши момент Франция не только не была рядом с нами, а, наоборот, пренебрегая нашими интересами, она была поглощена вопросом о возможном проходе советских войск через чужие территории в случае войны с Германией. В этих

условиях какие-либо новые атаки французской прессы были бы более чем нежелательны.

В этом месте беседы министр Боннэ попытался меня уверить, что Франция, однако же, советовала Литве примириться с нами, на что я ответил, что я не желал бы начинать дискуссию на эту тему, потому что это было бы слишком тяжело, и я хотел бы иметь возможность забыть об этом деле. Затем в дружеской форме, но категорически я заявил, что в настоящий момент нашей самой важной обязанностью является развить усилия, направленные к взаимному пониманию интересов и положения наших государств. Мы находимся на двух разных концах Европы, и поэтому мы можем иметь различные интересы и различные взгляды, однако, мы являемся союзниками. Польша расположена в той части Европы, где проводится политика без учёта наших интересов, а часто и вопреки им. Эта политика является одной из причин современной обстановки, и это также необходимо принимать во внимание.

Я думаю, что французское правительство оценит должным образом заявление г-на министра о нашей готовности к дискуссии по всем вопросам складывающейся ситуации.

На это моё заявление министр Боннэ реагировал очень живо и даже, я бы сказал, сердечно, заявив, что французское правительство желает установления самого близкого контакта с нами, что оно высоко ценит этот контакт и что он желал бы чаще видеться со мной, чтобы иметь возможность обсу-

дить каждую фазу быстро развивающихся событий. Я ответил, что буду всегда готов служить ему и, как только буду иметь возможность сообщить что-нибудь полезное,—делиться с ним по своей инициативе. На этом мы закончили свою беседу, длившуюся 1 ч. 15 минут и имевшую дружеский характер, несмотря на наличие некоторых щекотливых моментов. Здесь я должен ещё добавить, что во время беседы министр Боннэ вспомнил о поддержке, которую Франция имеет не только со стороны Англии, но и со стороны Соединённых Штатов Америки. Я допускаю, что он имел в виду заявление помощника государственного секретаря Самнера Уэллеса, опубликованное в сегодняшних телеграммах, которые французская пресса оценила как доказательство того, что симпатии американцев находятся на стороне Франции, Англии и Чехословакии.

Я совершенно уверен в том, что до вчерашнего вечера ничего другого из Вашингтона не поступало. Посол Буллит говорил мне, что министр Боннэ в разговоре с ним заявил, что он не допускает мысли о том, что Соединённые Штаты могут поддержать английский и французский демарш в Берлине, и получил от посла Буллита ответ, что это действительно так. Вышеизложенное подтверждает положение о том, как мало требуется министру Боннэ для того, чтобы утверждать, что данное государство стоит на стороне Франции.

ПОСОЛ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

№ 12

ДОНЕСЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ФОН ДИРКСЕНА МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ[1]

Секретно.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОНЕСЕНИЕ[2].

Лондон, 10 июля 1938 г.
МИД, Берлин.

В дополнение к донесению
А № 2589 от 10 июня с. г.

Содержание: Современное состояние германо-английских взаимоотношений.

I. В истории германо-английских отношений, пожалуй, ещё не было примера, чтобы они в течение такого краткого промежутка времени были предметом столь глубокого обсуждения, хотелось бы почти сказать — были так потрясены, как в течение минувших трёх месяцев. Тяжким испытанием для политических отношений послужили

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

[2] На оригинале имеется пометка цветным карандашом: «от посла фон Дирксена. 18. 8». — *Прим. р д.*

London, den [illegible] Juli 1938.

A. [illegible] 8.

A.A.Berlin

Geheim!

Im Anschluss an den Bericht
A.2609 vom 10. Juni d. Js.

Politischer Bericht.

1 Doppel
(1 " f.Pol.Abt.)
(1 " f.d.Hm.Botsch.)

Inhalt. Der gegenwärtige Stand der deutsch-engl. Beziehungen.

Kaum jemals in der Geschichte der deutsch-englischen Beziehungen ist die Gesamtheit dieser Beziehungen innerhalb so kurzer Zeit so grundlegend zur Diskussion gestellt, man möchte fast sagen: erschüttert worden, wie das während der vergangenen drei Monate der Fall gewesen ist. Die politischen Beziehungen wurden durch den Anschluss Österreichs und die tschechoslowakische Krise eine Belastungsprobe unterworfen; die Frage der Übernahme der österreichischen Schulden [illegible] die Wirtschafts- und Finanzbeziehungen beider Länder auf: die Kündigung des Pa[illegible]-Abkommens durch England bedrohte den Reiseverkehr und damit...

Фотокопия первой страницы документа № 12.

аншлюсс Австрии и чехословацкий кризис; проблема австрийских долгов поставила на обсуждение вопрос об экономических и финансовых отношениях обеих стран; денонсация Англией соглашения о паспортах поставила под угрозу пассажирское сообщение и тем самым нормальную возможность сближения; военные и экономические приготовления английского правительства к войне, в особенности организация воздушной обороны, вызвали в воображении населения призрак предстоящей в ближайшем будущем войны; по случаю воссоединения Австрии и «дела Нимеллера» снова всплыли полузабытые агитационные комплексы, как еврейский и церковный вопросы. Основы, на которых зиждились германо-английские отношения, пошатнулись; наносимые извне удары стали угрожать им: впервые со времени окончания мировой войны случилось так, что не германо-французский, а германо-английский конфликт (при само собой разумеющемся участии Франции, Чехословакии и т. д.) был ослепительно освещён прожекторами мировой прессы. Это угрожающее миру развитие событий продолжалось, несмотря на то, что Германия, даже по суждению своих противников, не совершила ни одного действия, которое могло бы поставить мир под угрозу, и несмотря на то, что в Англии у власти находится кабинет Чемберлена — Галифакса, первым и важнейшим пунктом программы которых была и осталась политика соглашения с тоталитарными государствами.

Анализ причин, вызвавших подобное развитие

событий и отыскание средств, могущих устранить это угрожающее положение вещей, становится, таким образом, самой неотложной необходимостью.

II. В качестве наиболее существенных причин подобного развития событий, ведущих к кризису в германо-английских отношениях, могут быть, по моему мнению, названы следующие:

1) За последние месяцы наблюдалась небывалая доныне, лихорадочная, отличающаяся последовательностью деятельность *трёх основных движущих сил*[1] — еврейства, коммунистического интернационала и националистических групп в отдельных странах, — направленная на уничтожение Германии *путём развязывания войны против неё со стороны мировой коалиции*[1] до того, как она сумеет восстановить своё положение в качестве мировой державы; эти силы давно не действовали с такой последовательностью и лихорадочностью, как в последние месяцы. После целого ряда безуспешных попыток вызвать новую мировую войну, как-то: бомбардировка крейсера «Лейпциг», распространение сенсационных сообщений о немецких намерениях в отношении Марокко, попытки 2-го кабинета Блюма в марте этого года использовать кадровые французские дивизии в Испании, — со стороны тех же сил снова была сделана попытка путём инсценировки чешского кризиса натравить на Германию мировую коалицию. Эти действия подготовлялись, сопровож-

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

дались и, после провала заговора, были продолжены кампанией в прессе, материал для которой должны были давать возрождение еврейской проблемы в Австрии и церковный конфликт в Германии.

2) Все эти тёмные махинации нашли тем более благодарную почву в английском общественном мнении, что *аншлюсс Австрии*[1] глубочайшим образом затронул политическое вероисповедание англичан. Снова ожили старые фразы о праве на существование малых народов, о демократии, о Лиге наций, о бронированном кулаке милитаризма, которые взволновали и потрясли рядового англичанина, легко откликающегося на всякую апелляцию к его сентиментальности. Однако гораздо большее значение имел тот факт, что англичане, осуществляющие политическое руководство, вообразили, что их перехитрили в тактическом отношении и что их великодержавным позициям на континенте создалась угроза. Вместе с чисто человеческим стремлением «не дать обмануть себя ещё раз» укрепилось политическое решение воспрепятствовать, даже ценой войны, дальнейшим попыткам изменения соотношения сил на континенте без предварительного соглашения с Англией. Это решение впервые было высказано в период чешского кризиса.

3) К этой общей установке английского общественного мнения прибавилось ещё состояние умов, неразрывно связанное в демократической стране

---

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

с увеличением вооружения. Для устранения оппозиции, для проведения кредитов на вооружения, для обеспечения достаточного количества добровольцев для армии и воздушной обороны нужно было всколыхнуть население. Эта цель могла быть достигнута только в том случае, если бы общественности было не только теоретически доказано наличие угрозы войны, но был бы также показан вполне определённый враг. Все эти соображения и тенденции привели к созданию атмосферы, вызвавшей патологический страх перед возможным нападением возможного врага. И этим возможным врагом могла быть только Германия.

4) Этот ход событий был ускорен тем, что *весь комплекс германо-английских отношений всё более и более втягивался в сутолоку английской внутренней политики*[1]. Вследствие того, что Чемберлен в качестве основной цели своей деятельности поставил достижение соглашения с авторитарными государствами помимо Лиги наций и под этим лозунгом вышвырнул Идена, он тем самым, после того как был заключён договор Англии с Италией, дал возможность своим противникам обратить все свои нападки на германо-английское соглашение, точнее — на его невозможность, сделав из этого важнейшую и ближайшую цель наступления. Ибо отсутствие такого соглашения должно было одновременно свести к абсурду важнейший тезис Чемберлена.

---

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

Поэтому нападки английской прессы на мнимое насилие над Австрией и на намерения Германии аннексировать Чехию одновременно лили воду на мельницу врагов Чемберлена.

Следующие мотивы внутриполитической тактики оказались решающими для того, чтобы враги Чемберлена избрали в качестве предмета прямого и косвенного нападения именно англо-германские отношения: парламентская оппозиция — лейбористская партия и либералы — в силу довольно сложного развития пришла к тому, что в качестве исходной базы для своих нападок выбрала не внутреннюю политику, а внешнюю. Здесь находился готовый объект для их наступления, на который они могли излить свою ненависть к авторитарному государственному руководству Германии. То же самое можно сказать и в отношении врагов Чемберлена внутри его партии: Идена и группы Черчилля, хотя здесь играли роль совершенно иные причины. Иден и его сторонники, исходившие из утверждения, что авторитарные государства можно укротить лишь путём непосредственной угрозы войною, плывут в фарватере парламентской оппозиции. Черчилль со своими сторонниками видит самую лёгкую возможность свалить Чемберлена и самому стать у власти в том, что он изобличает кабинет в нерадивости в деле создания прочной обороны страны против возможных нападений — конечно, со стороны Германии. Само собой разумеется, считают, что это нападение должно произойти с воздуха, т. е. с той стороны,

в отношении которой рядовой англичанин стал особенно чувствителен, — так же как до войны он был чувствительным ко всему, что было связано с «германским Luxus-Flotte». Поэтому Чемберлен для того, чтобы спасаться от атак оппозиции, был вынужден выбросить за борт своих министров авиации Уинтертона и Суинтона; отсюда понятен также и выпад депутата Сандиса против недостаточной подготовки в области зенитной артиллерии. Все эти маневры, по большей части определённые внутренней политикой, в очень значительной мере показали Германию перед сознанием рядового англичанина как вероятного противника, с которым, возможно, вскоре придётся сразиться.

Результатом этого внутреннего и внешнего развития германо-английских отношений является тот факт, что взаимоотношения между обеими странами находятся в полной неопределённости. Попытки компромисса, имевшие место в переговорах с осени 1937 года до 1938 года, были прерваны после заявления, сделанного Чемберленом 23 марта этого года в связи с присоединением Австрии. Из имевшихся двух устоев, на которые даже в критические времена опиралось колеблющееся здание внешнеполитических отношений: экономического соглашения и соглашения об ограничении флотов, — экономическое соглашение было подорвано из-за вопроса об австрийских долгах; новое соглашение было, однако, закреплено, оказав благоприятное общее побочное влияние. Соглашение о флотах подвержено

изменениям благодаря развитию политики морских вооружений, проводимой великими державами; политическое значение этого соглашения было подорвано распространяющимся в последние годы и особенно в последние месяцы в Англии сознанием, что вместо морского флота возможного противника теперь для безопасности Англии самым угрожающим фактором стал воздушный флот. Не требуется пространных доводов для того, чтобы понять необходимость добиться общего урегулирования германо-английских отношений для предотвращения такого развития, которое таит в себе серьёзную опасность войны.

III. Предпосылки, необходимые для возможности общего урегулирования существующих проблем, возникших между обеими странами, можно обозначить следующими вопросами:

1) Уничтожило или уменьшило развитие событий за последние месяцы готовность кабинета Чемберлена искать компромисса с Германией?

2) Обладает ли кабинет Чемберлена достаточной силой для того, чтобы проводить по отношению к Германии политику компромисса?

К первому вопросу: шок, явившийся следствием присоединения Австрии, как известно, вызвал реакцию, однако он был сравнительно быстро преодолён. Ошибки английской внешней политики, сделанные во время чешского кризиса, очень скоро были восприняты как таковые, и были предприняты шаги для того, чтобы преодолеть их признанием доказанной

лойяльности Германии, молчанием в ответ на яростные нападки германской прессы, дружественным по отношению к Германии выступлением Галифакса в палате лордов, выступлением Галифакса в духе германской точки зрения в королевском институте международных отношений, речью Чемберлена в Кеттеринге и выступлением Галифакса перед представителями прессы 11 июля [1].

Из всех этих высказываний ответственных государственных деятелей Англии, которые были подкреплены и разъяснены в беседах со мной, ясно видно неизменное желание соглашения с Германией, правда, с усиливающейся тенденцией передать инициативу возобновления этих переговоров Германии. По времени эта готовность пойти на компромисс совпадает с известным прояснением в чехословацком вопросе.

Этот вопрос в Лондоне желают изъять в качестве очага новой мировой войны из области непосредственной опасности, хотя бы посредством временного и пробного соглашения между судетскими немцами и чехословацким правительством, прежде чем приступить к такому далеко идущему новому политическому начинанию, как попытка соглашения с Германией.

Ко второму вопросу: кабинет Чемберлена в течение последних месяцев подвергался всё усиливавшемуся наступлению своих противников, причём ему не

---

[1] Так в оригинале. — *Прим. ред.*

удалось достигнуть соответственно убедительных успехов. Единственное крупное достижение — соглашение с Ирландией — замалчивается. Англо-итальянский договор до сих пор не вступил в силу, так как условие, касавшееся событий в Испании, не было выполнено. Принятие плана прочёсывания[1] также не могло быть представлено в качестве успеха, так как выполнение его является вообще сомнительным и в лучшем случае потребует срока в несколько месяцев. Отношения с Германией, которая всё больше и больше заподозревается и поносится оппозицией и прессой, были напряжёнными всё это время, и не могло быть и речи о том, что достигнуто какое-то соглашение. Внешнеполитическая программа Чемберлена, целью которой являлось достижение соглашения с тоталитарными государствами, ни в коем случае не имела полного успеха; в лучшем случае появились векселя с сомнительной оплатой кредитору; с другой стороны, кабинет получил несколько болезненных ранений в результате нападок оппозиции: министры авиации Уинтертон и Суинтон должны были быть выведены из состава кабинета для того, чтобы избавить правительство от упрёка в недостаточной активности в деле воздушных вооружений. Конфликт между Сандисом и Хор-Белиша, возникший из-за нарушения военных тайн

---

[1] План удаления иностранных добровольцев из республиканской армии и так называемых «добровольцев» из франкистской армии. — *Прим. ред.*

или парламентских привилегий, в лучшем случае — ремиз. Высказывания Чемберлена относительно аграрных возможностей и ограничений Англии рассердили английских сельских хозяев, т. е. ядро консервативных избирателей. Однако, несмотря на все нападки, представляется невероятным, что правительству будет угрожать серьёзная опасность до летних каникул. Каникулярные месяцы, если они протекут без опасных моментов во внешней политике, принесут успокоение. К имеющемуся в широчайших кругах избирателей доверию к неподкупной личности и к твёрдой руке Чемберлена прибавится сознание того, что среди оппозиции нет ни одного человека, равного ему. В широких массах английского народа имеется и является популярным желание добиться соглашения с Германией.

После нескольких месяцев более спокойного развития Чемберлен вместе с Галифаксом будут иметь как решимость, так и обеспеченность с точки зрения внутренней политики, чтобы взяться за последнюю и наиболее важную задачу английской политики: за достижение соглашения с Германией.

IV. Резюмируя, можно установить, что:

1) Германо-английские отношения в их совокупности находятся в неопределённом положении и крайне напряжены. Они нуждаются в урегулировании—по крайней мере в попытке урегулирования,— если должно избежать того, чтобы у английского правительства (настоящего или будущего) укрепилось убеждение, как это было перед 1914 годом, в

том, что предпосылкой безопасности Британской империи является сокрушение Германии при помощи мировой коалиции.

2) Настоящее английское правительство в качестве первого послевоенного кабинета сделало поиски компромисса с Германией одним из существеннейших пунктов своей программы; поэтому данное правительство по отношению к Германии проявляет такой максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков. Это правительство обладает внутриполитической силой для разрешения этой задачи. Оно приблизилось к пониманию наиболее существенных пунктов основных требований, выставляемых Германией в отношении отстранения Советского Союза от решения судеб Европы, отстранения Лиги наций в этом же смысле, целесообразности двухсторонних переговоров и договоров. Германия встречает со стороны этого правительства возрастающее понимание в отношении своих требований по вопросу о судетских немцах. Оно было бы готово принести большие жертвы во имя удовлетворения других справедливых немецких требований *при одном* [1] только условии, что к этим целям будут стремиться мирными путями. В случае если Германия использует военные средства для достижения этих целей, Англия, без сомнения, решится на войну на стороне Франции. Военные приготовления

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

для этого достаточно продвинулись, приготовления военно-экономического характера также; идеологическая подготовка английского народа на этот случай, как показали последние месяцы, также закончена; пробная политическая мобилизация в период чешского кризиса доказала, что и внешнеполитическое развёртывание сил[1] завершено, по меньшей мере, в масштабе мировой коалиции 1914 г.

3) Поэтому самой безотлагательной задачей нашей внешней политики будет попытка добиться соглашения с Англией, как только в ближайшие месяцы создадутся подходящие для этого предпосылки.

Подп. ***ФОН ДИРКСЕН.***

---

[1] В оригинале: «aussenpolitischer Aufmarsch». — *Прим. ред.*

21

3.) Der Versuch, einen Ausgleich mit England herbeizuführen, wird daher die vordringliche Aufgabe unserer Aussenpolitik sein, sobald die nächsten Monate die stimmungsmäßigen Voraussetzungen dafür geschaffen haben werden.

gez. von Dirksen.

Фотокопия последней страницы документа № 12.

№ 13

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА ЧЕРЧИЛЛЯ О БЕСЕДЕ С РУКОВОДИТЕЛЕМ ДАНЦИГСКИХ ФАШИСТОВ ФЕРСТЕРОМ[1]

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА О БЕСЕДЕ МИСТЕРА ЧЕРЧИЛЛЯ С Г-НОМ ФЕРСТЕРОМ

14 июля 1938 г.[2]

После обычного вступления я[3] заметил, что рад тому, что в Данциге не введены антисемитские законы. Г-н Ферстер сказал, что еврейский вопрос в Данциге не стоит остро, однако он старался разузнать, явится ли этот вид законодательства в Германии препятствием для достижения взаимопонимания с Англией. Я ответил, что это — вредное подстрекательство, но поскольку понятны

[1] Оригинал, с которого печатается данный документ, представляет собой немецкий перевод с английского текста, сделанный в 1943 г. в германском министерстве иностранных дел. На нём имеется пометка: «перевод с английского». — *Прим. ред.*

[2] Заголовок немецкого перевода. — *Прим. ред.*

[3] То-есть Черчилль. — *Прим. ред.*

его причины, это, вероятно, не будет абсолютным препятствием для делового соглашения. Он, по-видимому, придавал большое значение этому пункту и несколько раз возвращался к нему в дальнейшем ходе беседы.

Г-н Ферстер спросил меня, бывал ли я когда-нибудь в его краю, и предложил мне побывать там. Я ответил, что если я поеду в Польшу, то я заверну в Данциг. Затем он стал настаивать на том, чтобы я поехал в Польшу через Германию, чтобы встретиться с Гитлером. Я ответил, что едва ли может быть польза от разговора между всемогущим диктатором и частным лицом, и спросил, не явятся ли август и сентябрь нездоровыми [1] месяцами для посещения Германии. Он ответил, что в Германии никто не думает о войне, что перед ними [2] стоят колоссальные социальные и культурные задачи, которые потребуют многих и многих лет для своего осуществления, что партийный съезд состоится в сентябре и что не может быть речи ни о каких инцидентах или серьёзных осложнениях в это время. Когда мы ещё раз вернулись к этому пункту, г-н Ное, переводчик Ферстера, сказал, что ситуация сходна с 1914 годом, когда никто в Германии не думал о войне, а в Англии все боялись войны. На это я ответил, что, к несчастью, мы оказались правы.

Г-н Ферстер спросил, какие же причины имеются для войны, в ответ на что я указал на положение

[1] В оригинале: «ungesunde». — *Прим. ред.*

[2] Так в оригинале. — *Прим. ред.*

Чехословакии. Здесь должно быть найдено какое-то решение, и я сказал ему, что по впечатлению, вынесенному мною в результате бесед с Генлейном и Масариком, это, пожалуй, окажется возможным даже в рамках чехословацкого государства. Я заверил его, что Англия и Франция приложат все усилия, чтобы уговорить пражское правительство дать своё согласие, однако он заметил на это, что влияние Москвы побудило чехословацкое правительство в последнее время вновь занять более непримиримую и беззастенчивую позицию. Ферстер спросил, что произойдёт, если чехи откажутся последовать советам Англии и Франции? На это я ответил: я уверен в том, что они это сделают [1]. Он заявил несколько колко, что надеется, что это скоро произойдёт.

Я заметил, что я не верю, будто Германия действительно боится России, на что он ответил, что имеются точные сведения о наличии русских аэродромов в Чехословакии, с которых в течение 30 минут может быть произведён налёт на Берлин. Я ответил, что, по моему мнению, было бы вполне возможно включить в общеевропейское соглашение пункт, обязывающий Англию и Францию притти Германии на помощь всеми своими силами в случае, если бы она явилась жертвой неспровоцированного нападения со стороны России через Чехословакию или каким-либо иным образом. Он спросил, кому надлежит определять, кто является агрессором. На это я отве-

[1] Так в оригинале. — *Прим. ред.*

тил, что агрессором будет считаться та нация, которая первой насильственно переступит границы другой нации.

Я сказал, что от г-на Гитлера зависит заслужить неувядаемую славу и принести огромную пользу Германии и всему миру, избавив нас от тяготеющего над нами страха перед войной. Он сказал, что г-н Гитлер не раз предлагал разоружиться при соответствующих мероприятиях других наций; что они сами безуспешно предпринимали попытки одностороннего разоружения и что Германия не может оставаться страной второго разряда при угрозе нападения со стороны вооружённых до зубов соседей. Я сказал, что мы во всяком случае могли бы попытаться достигнуть соглашения в отношении правил ведения воздушной войны, на что он ответил: Гитлер предлагал уничтожить бомбардировщики, но не получил никакого ответа; если надо вновь возбудить этот вопрос, то первый шаг должна была бы сделать Англия.

Я сказал: я не являюсь противником мощи Германии, и большинство англичан желает, чтобы Германия заняла своё место в качестве одной из двух или трёх руководящих держав мира; мы не стали бы препятствовать и мирному, постепенному росту германского торгового влияния в Дунайском бассейне, но всякая насильственная акция почти неизбежно приведёт к мировой войне. Положение всё ухудшается. Все страны растрачивают свои средства на вооружение. Мы построили заводы даже в Ка-

наде, так что на третьем или на четвёртом году войны мы могли бы располагать неограниченным количеством самолётов. От Гитлера зависит рассеять нависшие тучи. Мы поможем ему в этом.

Г-н Ферстер сказал, что он не видит никакого реального основания для конфликта между Англией и Германией; если бы только Англия и Германия договорились друг с другом, они могли бы поделить между собою весь мир. (Переводчик счёл за лучшее это последнее замечание мне не переводить.)

Визит закончился повторением приглашения посетить Гитлера и вопросом, смогу ли я приехать, если получу официальное приглашение; на это я дал уклончивый ответ.

№ 14

ПИСЬМО МЛАДШЕГО СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ГЕРМАНСКОГО МИД ВЕРМАНА ГЕРМАНСКИМ МИССИЯМ В БУХАРЕСТЕ И БЕЛГРАДЕ[1]

Берлин, 25 июля 1938 г.

Секретно![2]

1. Германской миссии в Бухаресте.
2. Германской миссии в Белграде.

Из доверительного источника нам стало известно об имевшем место несколько недель тому назад случае, относящемся к позиции Румынии в вопросе пропуска советских войск через румынскую территорию.

Согласно этому сообщению, французский министр иностранных дел, — стремясь возможно сильнее подчеркнуть трудности политического положения Чехословакии, — сказал чехословацкому посланнику в

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

[2] Пометка красным карандашом: «срочно курьером» и чернилами: «курьер 25/7». — *Прим. ред.*

Berlin, den 25 Juli 1938.

Geheime Reichssache U.St.S.

An

1. die Deutsche Gesandtschaft in Bukarest Kurier 25/7
2. die Deutsche Gesandtschaft in Belgrad "

G e h e i m !

Aus vertraulicher Quelle haben wir von einem einige Wochen zurückliegenden Vorgang Kenntnis erhalten, der sich auf die rumänische Haltung in der Frage des Durchmarsches von Sowjettruppen durch rumänisches Gebiet bezieht.

Danach soll der französische Außenminister - um möglichst stark die Schwierigkeiten der politischen Lage der Tschechoslowakei hervorzuheben - dem tschechoslowakischen Gesandten in Paris gesagt haben, Herr Comnen habe ihm persönlich erklärt, daß Rumänien niemals einen Durchmarsch der Sowjettruppen durch sein Gebiet dulden werde. Herr Bonnet scheint hinzugefügt zu haben, Rumänien habe eine Erklärung dieser Art in Berlin und in Warschau abgegeben. Daraufhin soll der tschechoslowakische Außenminister an Herrn Comnen gedrahtet haben, er verstehe die Haltung Rumäniens in dieser Frage, wundere sich aber,

daß

Фотокопия первой страницы документа № 14.

daß er eine solche Erklärung in Berlin habe abgeben müssen. In seiner Antwort soll Herr Comnen bestritten haben, in Berlin eine derartige Erklärung abgegeben zu haben. Er habe gesagt, niemand könne von Rumänien verlangen, daß es im voraus in einen Durchmarsch der Sowjettruppen einwillige. Rumänien wisse, wo es im Falle eines Krieges stehen würde. Diese Erklärung soll Herrn Krofta befriedigt haben.

Wie wir weiter vertraulich erfahren, soll der jugoslawische Ministerpräsident in Aussicht genommen haben, Herrn Comnen gelegentlich der Tagung des Rates der Kleinen Entente in Bled in der Frage eines etwaigen Durchmarsches von Sowjettruppen durch Rumänien anzuraten, eine Erklärung an Deutschland abzugeben.

Ich bitte diesen Erlaß nach Kenntnisnahme zu vernichten.

Im Auftrag

(U.St.S.)

Фотокопия последней страницы документа № 14.

Париже, что г-н Комнен лично заявил ему, что Румыния никогда не допустит прохода советских войск через свою территорию. Г-н Боннэ будто бы добавил, что Румыния сделала такого рода заявления в Берлине и Варшаве. После этого чехословацкий министр иностранных дел якобы телеграфировал г-ну Комнену, что он понимает позицию Румынии в этом вопросе, но удивлён тем обстоятельством, что Комнен должен был сделать такое заявление в Берлине. В своём ответе г-н Комнен будто бы оспаривал, что им в Берлине было сделано подобное заявление. Он сказал, что никто не может потребовать от Румынии, чтобы она заранее согласилась на пропуск советских войск. Румыния знает, на чьей стороне она будет в случае войны. Это объяснение якобы удовлетворило г-на Крофта.

Как нам стало далее известно из доверительных источников, югославский премьер-министр будто бы имеет в виду, во время сессии совета Малой Антанты в Бледе, посоветовать г-ну Комнену сделать Германии заявление по вопросу о возможном проходе советских войск через Румынию.

Прошу это сообщение по ознакомлении уничтожить.

По поручению (младший статс-секретарь)

В[ЕРМАН] [1]

---

[1] Собственноручная виза Вермана. — *Прим. ред.*

№ 15

ДОНЕСЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ПОСЛА В БЕРЛИНЕ ЛИПСКОГО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ БЕКУ [1]

ПОСОЛЬСТВО ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
№ 1/137/38

Берлин, 11 августа 1938 г.
Совершенно секретно.

Г-ну Юзефу Беку,
министру иностранных дел.

Многоуважаемый г-н министр,

Со времени Вашего проезда через Берлин 5-го сего месяца, когда я имел честь устно изложить Вам ход развития судетского вопроса, как он мне здесь представлялся, я получил ряд сведений, бросающих дополнительный свет на этот вопрос.

Интересным является мнение английского посла, который в своих суждениях проявляет большую независимость. На днях он высказался перед одним из моих коллег в том смысле, что он считает, что премьер Чемберлен принял на себя очень большую ответственность, посылая лорда Ренсимена в

[1] Перевод с польского.

Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej

Berlin, dnia 11 sierpnia 1938 r.

Nr. M/1/137/38

No. Dz.:

Załącznik do No Dz.

Ściśle tajne.

do P.Józefa Becka
Min.Spraw Zagran.

		Data
Refer.:		
Przepisyw.:		11. VIII
Sprawdził:		
Ekspedjow.:		

Wielce Szanowny Panie Ministrze,

Od czasu, kiedy miałem zaszczyt w dniu 5 b.m. przedstawić ustnie Panu Ministrowi w czasie przejazdu Jego przez Berlin rozwój sytuacji sudeckiej, widziany z tutejszego terenu, uzyskałem szereg informacyj, rzucających dalsze światło na sprawę.

Ciekawą jest opinia Ambasadora Angielskiego, który w swych sądach wykazuje dużą niezależność. Wypowiedział on się w tych dniach wobec jednego z moich kolegów w tym sensie, iż uważa, że Premier Chamberlain wziął na siebie bardzo dużą odpowiedzialność, wysyłając Lorda Runcimana do Pragi. Ambasador podkreślił z naciskiem, że misja Runcimana jest traktowana jak najbardziej poważnie ze strony angielskiej i że nie chodzi tu o krótkotrwałą powierzchną solucję, lecz o zasadnicze załatwienie sprawy. Gdyby Lord Runciman mimo swych wysiłków nie doprowadził do porozumienia, to wówczas stałoby się jasnym, jeśli wina niepowodzenia leżałaby po stronie czeskiej, że strona niemiecka ma słuszność, twierdząc, że wobec nieustępliwości Czechów jedynie droga siły jest skuteczna.

Фотокопия первой страницы документа № 15.

Прагу. Посол особенно подчеркнул, что миссия Ренсимена расценивается английской стороной самым серьёзным образом и что здесь речь идёт не о кратковременном и малозначащем соглашении, а о принципиальном решении вопроса. Если бы лорд Ренсимен, несмотря на все свои усилия, не достиг соглашения, то стало бы ясным, что вина за этот неуспех легла бы на чехов и что немцы оказались бы правы, утверждая, что из-за неуступчивости чехов успешным будет единственное средство — применение силы.

Посол дал понять, что в этом случае английское правительство сняло бы с себя дальнейшую ответственность. Мне также известно, что сэр Невиль оказывал влияние на румынского и югославского посланников в смысле оказания давления со стороны их правительств на Прагу. Это он делал, как сам подтвердил, на собственную ответственность, без инструкции своего правительства. По более поздним сведениям стало известно, что как Бухарест, так и Белград должны были сделать представления Праге, склоняя чешское правительство к уступкам.

Далее, я имел возможность беседовать с американским послом Вильсоном после его возвращения из Варшавы и Праги. Так как он знает Бенеша продолжительное время, ещё когда он был посланником в Швейцарии, президент Чешской Республики пригласил его на беседу. Посол Вильсон сказал мне, что в отличие от прошлого времени, когда

Бенеш был весьма уверен в себе, в настоящее время он похож на человека, который ищет выхода, находясь под сильным давлением.

Отрицая утверждение, что якобы от него исходило главное сопротивление удовлетворению требований в отношении Судетов, Бенеш подчёркивал свои мирные намерения. Отмечая, что он готов пойти на предоставление местного самоуправления в рамках национальных курий, Бенеш указал, что он не мог бы согласиться на требования территориального самоуправления Судетов.

На мой вопрос посол Вильсон пояснил также, что Бенеш не согласился бы признать судетских немцев народом, имеющим собственную государственность[1]. Американского посла удивил, далее, тот факт, что, несмотря на то, что авторитетные деятели в Праге отдают себе отчёт в серьёзности положения, широкая масса этой опасности недооценивает.

В конце беседы г-н Вильсон, оговаривая, что это является лишь его личным мнением, отметил, что у него сложилось впечатление, что выбор лорда Ренсимена, принадлежащего к либеральной партии, был сделан Чемберленом исходя из внутриполитического положения в Англии, а может быть и во Франции.

На вчерашнем приёме у итальянского посла в честь маршала Бальбо я имел возможность обме-

---

[1] В оригинале: «Staatsvolk». — *Прим. ред.*

няться мнениями с генерал-фельдмаршалом Герингом. Геринг сказал, что он хотел бы в самое ближайшее время обстоятельно поговорить со мной и обсудить при этом — конечно, как обычно, в конфиденциальном и неофициальном порядке — возможности дальнейшего польско-германского сближения в некоторых вопросах. Он сослался на возможность взаимного прекращения шпионской деятельности и на возможность известного обмена информацией относительно русской и чешской проблем.

Относительно русской проблемы он в общих чертах сказал, что она, после решения чешского вопроса, станет актуальной. Он вернулся к своей мысли, что в случае советско-польского конфликта Германия не могла бы остаться нейтральной, не предоставив помощи Польше. Он опроверг слухи, что якобы Германия хотела итти на Украину, подчёркивая, что заинтересованность рейха сконцентрирована прежде всего на том, чтобы положить конец большевистским действиям.

Тем не менее Польша, по его мнению, может иметь известные интересы непосредственно в России, например на Украине.

В этом месте беседы я информировал Геринга о переговорах вице-министра Шембека с Комненом, во время которых последний категорически высказался против пропуска советских сил через территорию Румынии. Геринг с удовлетворением принял это заявление.

Когда я спросил его о судетском вопросе, Геринг выразился таким образом, что дело идёт к концу. Он считает, что чешское государство прекращает существование, как образование, слепленное из самых различных национальностей: немцев, словаков, венгров, русин и, наконец... некоторого количества чехов. Геринг, между прочим, напомнил, что приближается момент, когда необходимо будет принять решение и притти к соглашению по этой проблеме. По мнению Геринга, западные державы начинают отдавать себе отчёт в сложившейся невыносимой обстановке. Англия осуществляет посредничество, как он выразился, скорее для проформы. Основные расчёты чехов опираются на отношения Праги с Советами.

Делая эти высказывания, Геринг, — и это я считаю очень характерным, — отметил, что *итальянцы не допустят того, чтобы в случае конфликта из-за судетского вопроса рейх был атакован Францией* [1].

При создавшемся положении, в связи с посредничеством лорда Ренсимена, скорым приездом в Германию регента Хорти и вышеприведёнными заявлениями Геринга относительно того, что судетский вопрос подходит к кульминационному пункту, я счёл возможным сделать шаг вперёд, по сравнению с тем, о чём говорилось до сих пор в беседе с Герингом. Я подчеркнул, что уже во время Париж-

---

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

ской конференции чехи в своей политике стремились к получению общей границы с Советами, непомерно растягивая свою территорию вдоль нашей южной границы. Это лишило нас непосредственной границы с Венгрией, что противоречит польско-венгерским интересам, опирающимся на вековые традиции обоих государств. *Геринг ответил, что он понимает необходимость общей польско-венгерской границы* [1].

Дальнейший обмен мнениями с Герингом касался уже только нескольких вопросов о наших непосредственных отношениях, в частности, о наших сезонных рабочих, производительность труда которых генерал-фельдмаршал очень высоко ценит и количество которых он хотел бы ещё увеличить на будущий год. Мы также затронули счастливо закончившиеся польско-германские экономические переговоры и соглашение о социальном страховании.

На этом же приёме я имел короткую беседу со здешним венгерским посланником. Затронув вопрос о визите в рейх регента Хорти, я сказал, согласно указаниям г-на министра, что я был бы очень счастлив, если бы мог выразить своё уважение регенту во время его пребывания в Берлине. Посланник Стояи, приняв это с удовлетворением, подчеркнул, что вероятнее всего Хорти примет меня 24 августа.

В дальнейших высказываниях я подчеркнул, насколько важен настоящий момент для наших

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

взаимоотношений, добавив, что Варшава и Будапешт находятся в постоянном контакте. Отметив, что говорю в частном порядке, я выразил некоторые опасения, как бы при обсуждении судетского вопроса не были бы обойдены венгерские и польские интересы в Чехословакии. Посланник согласился с этим мнением.

Далее я отметил, что рассматриваю миссию Ренсимена с определённым скептицизмом, так как Прага не пожелает принять основные требования относительно Судетов. Я, однако, добавил, что пока не вижу также и ясно выраженной германской линии. Поэтому я полагаю также, что в наших интересах было бы заранее принять необходимые меры. Посланник Стояи согласился с этим. Он усиленно подчёркивал необходимость для Венгрии опоры на Польшу. Тем не менее у него проявлялась нотка неуверенности, например, когда он выразил опасения в отношении позиции Югославии и сопротивления Румынии возможным советским требованиям в отношении пропуска войск.

На основании вышеприведённых высказываний, которые я имел возможность дополнить авторитетными данными, полученными в результате продолжительной беседы с Герингом, вырисовывается следующая картина:

германское правительство не верит в успех миссии Ренсимена, а более радикальные элементы, к которым я отношу также генерал-фельдмаршала Геринга, считают, что без применения силы этот

вопрос решён быть не может. Если Бенеш действительно отклонит требования, касающиеся немцев и территориальной автономии, то достижение соглашения кажется более чем сомнительным, разве что Англия поставит перед Чехословакией альтернативу — либо принять германские требования, либо же Англия устранится и оставит Чехословакию один на один с рейхом. Можно считать, что после этого наступит кризис. Канцлер Гитлер, как я вновь слышал из нескольких надёжных источников, для внешнего мира подчёркивает, что он из-за судетского вопроса войны не развяжет. Такая позиция канцлера, впрочем, отвечает широкому общественному немецкому мнению — кроме фанатической части партии и молодёжи, — которое с беспокойством следит за возможностью международных военных осложнений. Такие сведения поступают ко мне со всей страны.

У старшего поколения, безусловно, играют роль воспоминания о проигранной великой войне, несмотря на отличнейшую подготовку в 1914 г. Однако лихорадочные действия развиваются планомерно для страховки рейха на случай конфликта с западом, что выражается в строительстве укреплений, проводящихся с максимальным напряжением материальных и человеческих ресурсов.

Я желал бы здесь обратить внимание на связи между итальянскими и германскими военными кругами, которые за последнее время стали очень интенсивными, и для примера напомню лишь о

последнем визите начальника итальянского генштаба генерала Париани и нынешнем визите маршала Бальбо. Кроме вышеприведённого высказывания Геринга о возможности нападения Италии на Францию, в случае германо-чешского конфликта из-за Судетов, позволю себе здесь обратить внимание на достаточно характерный отрывок из речи маршала Бальбо, произнесённой им в ответ на выступление Геринга 10-го сего месяца:

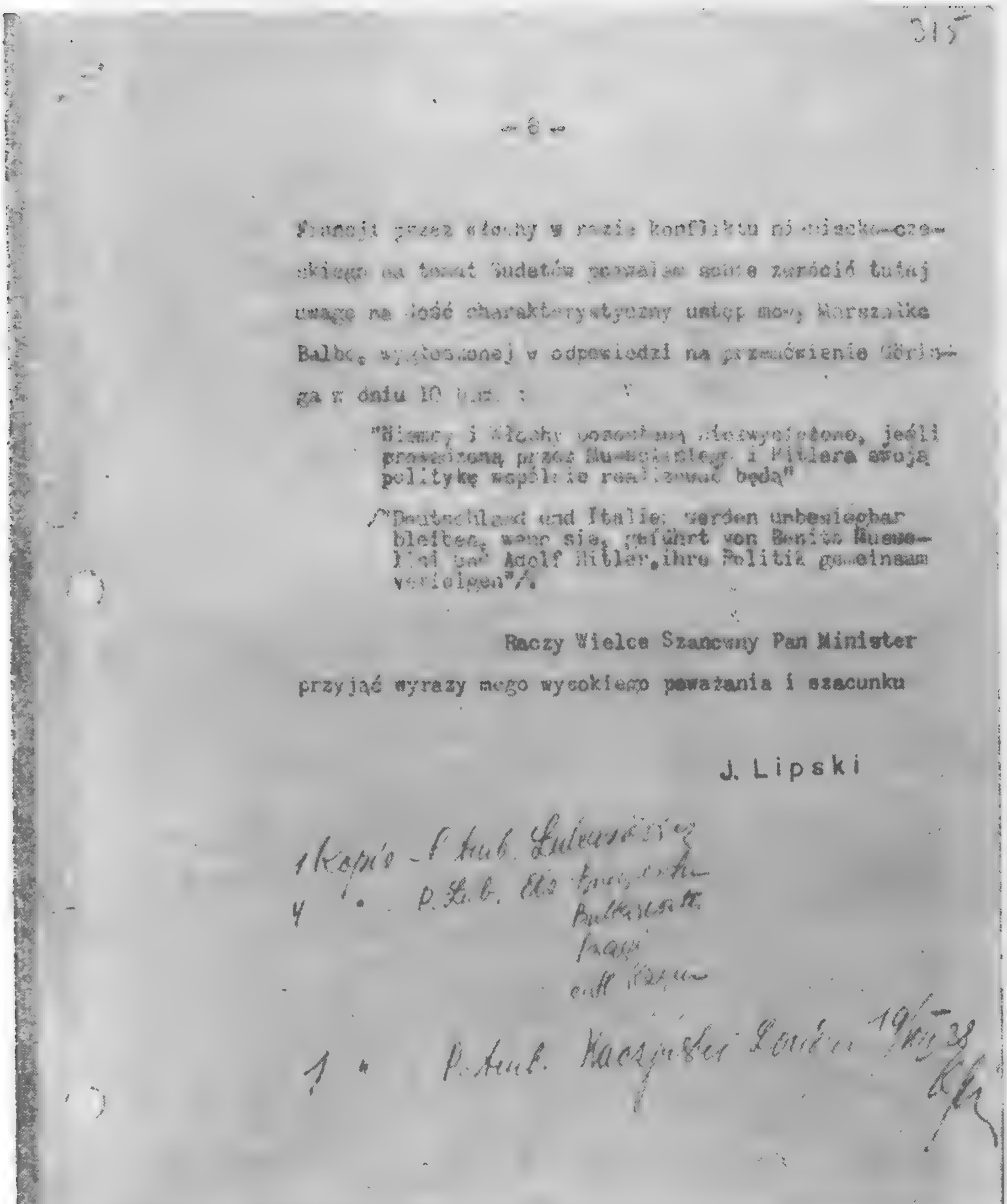
«Германия и Италия останутся непобедимыми, если они, руководимые Бенито Муссолини и Адольфом Гитлером, будут сообща проводить свою политику» [1].

Примите и проч.

Ю. ЛИПСКИЙ.

---

[1] Фраза, взятая в кавычки, в оригинале повторена также по-немецки. — *Прим. ред.*



315

- 6 -

Francji przez Włochy w razie konfliktu niemiecko-czeskiego na temat Sudetów pozwalam sobie zwrócić tutaj uwagę na dość charakterystyczny ustęp mowy Marszałka Balbo, wygłoszonej w odpowiedzi na przemówienie Göringa z dnia 10 b.m.:

> "Niemcy i Włochy pozostaną niezwyciężone, jeśli prowadzoną przez Mussoliniego i Hitlera swoją politykę wspólnie realizować będą"
>
> /"Deutschland und Italien werden unbesiegbar bleiben, wenn sie, geführt von Benito Mussolini und Adolf Hitler, ihre Politik gemeinsam verfolgen"/.

Raczy Wielce Szanowny Pan Minister

przyjąć wyrazy mego wysokiego poważania i szacunku

J. Lipski

Фотокопия последней страницы документа № 15.

№ 16

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ СОВЕТНИКА БРИТАНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭШТОН-ГУЭТКИНА С РУКОВОДИТЕЛЕМ ГИТЛЕРОВСКОЙ «СУДЕТО-НЕМЕЦКОЙ ПАРТИИ» ГЕНЛЕЙНОМ [1]

Копия.
Секретно.

БЕСЕДА К. Г.[2] С ЭШТОН-ГУЭТКИНОМ
В ПРИСУТСТВИИ ПРИНЦА ГОГЕНЛОЭ,
СОСТОЯВШАЯСЯ 22.8.1938 г.
с 14.30 до 16.30 В КАРЛТОН-ОТЕЛЕ В МАРИЕНБАДЕ

Во вступлении Э. сказал К. Г. несколько любезностей. За день до этого он был на райхенбергской ярмарке и в Бад Либверда. Население очень сердечно приветствовало их, и они вновь могли убедиться, как население предано К. Г. С чешской

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

[2] При переводе сохранены сокращённые обозначения фамилий, имеющиеся в оригинале: К. Г. — Конрад Генлейн, Э. — Эштон-Гуэткин, Б. — Бенеш, Р. — Ренсимен. — *Прим. ред.*

стороны уже было заявлено, что г-н Ренсимен находится под слишком сильным влиянием К. Г. На г-на Ренсимена и на его сотрудников судетские немцы произвели наилучшее впечатление.

Вначале разговор вращался вокруг отдельных проблем, причём К. Г. ещё раз изложил свой взгляд на возможности разрешения судето-немецкого вопроса:

1. Решение, к которому до сего времени стремились чехи, а именно уничтожение всего, что есть германского в Судетской области.

2. Предоставление полной автономии.

3. Плебисцит и уступка территории.

Разговор перешёл на тему о необходимости неотложных мероприятий для создания более благоприятной атмосферы. К. Г. видит эту возможность только в том случае, если правительство проведёт примерно следующие распоряжения:

1. Немедленное устранение чешской государственной полиции и введение вновь общинной полиции.

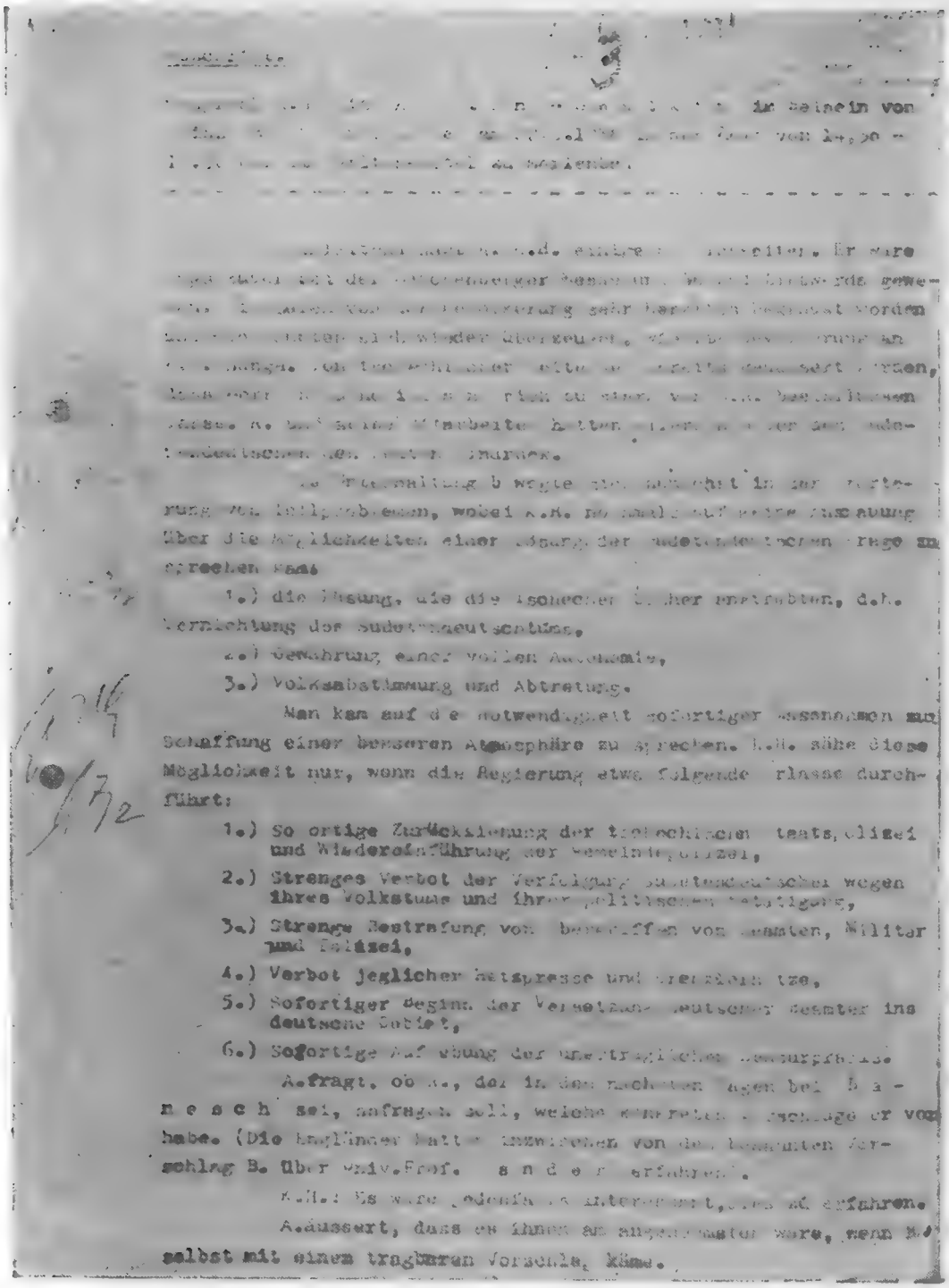
2. Строгое запрещение преследования судетских немцев за их национальную принадлежность и за политическую деятельность.

3. Строгое наказание злоупотреблений чиновников, военных и полиции.

4. Запрещение всякой травли в прессе и травли пограничного населения [1].

---

[1] В оригинале: «Grenzlerhetze». — *Прим. ред.*



Фотокопия первой страницы документа № 16.

5. Немедленное начало перевода немецких чиновников в немецкую область.

6. Немедленное устранение невыносимой цензуры.

Э. спрашивает, должен ли Р., который в ближайшие дни будет у Бенеша, запросить его, каковы его конкретные предложения (англичане в это время уже узнали об известном предложении Б. через профессора Зандера [1]).

К. Г.: было бы во всяком случае очень интересно узнать это.

Э. выразил мнение, что им было бы приятнее всего, если бы Бенеш сам выступил с приемлемым предложением.

К. Г. указывает ещё раз на то, что речь идёт не только о судето-немецкой проблеме, но и о германо-чехословацких отношениях. Он ещё раз обстоятельно проиллюстрировал проявление неискоренимой враждебности к немцам со стороны чехов и давление, которое чехи оказывают на судетских немцев, остающихся верными своей нации. Нет ни малейших признаков того, что чехи одумаются.

Э. спрашивает, если на будущей неделе чехи не проявят намерения пойти навстречу, готов ли тогда К. Г. *позондировать почву у фюрера, желательна ли ещё до партийного съезда встреча* [2] английских представителей с фюрером, во время которой был

---

[1] В оригинале: «über Univ. Prof. Sander erfahren». — *Прим. ред.*

[2] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

бы поставлен на обсуждение не только чехословацкий вопрос?

К. Г. спрашивает, какие возможные пункты для обсуждения, кроме этого, он имеет в виду.

Э.: он не может этого сказать с определённостью, но предполагает *соглашение в области авиации, колониальный вопрос и соглашение по вопросам вооружения*[1].

К. Г.: он будет всю будущую неделю в разъездах и раньше чем через неделю не сможет поехать в Германию. Эту поездку можно намечать только в том случае, если её желает английское правительство.

Э.: об этом он ещё сообщит ему, так как он предполагает в ближайшие дни поехать в Лондон.

23.8 вечером после беседы, которую Ренсимен имел с Бенешем, Э. позвонил Гогенлоэ по телефону и просил его организовать на воскресенье 28 августа встречу между Ренсименом, им и К. Г. в Ротенхаузе.

24. 8 Э. вылетел в Лондон.

На прощанье собеседники обещали вскоре увидеться снова.

---

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

147

Фотокопия последней страницы документа № 16.

№ 17

РАСПОРЯЖЕНИЕ ГИТЛЕРА О ПРОВЕДЕНИИ РЕПРЕССИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРОТИВ ЧЕХОСЛОВАКИИ [1]

РЕЙХСФЮРЕР СС И НАЧАЛЬНИК
ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИЦИИ
В ИМПЕРСКОМ МИНИСТЕРСТВЕ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ [2]

S V 7.241/38—509—34.

Берлин, SW, 11, 15 сентября 1938 г.
Принц-Альбрехт-штр., 8.

Срочное письмо.
Секретно.

Министерству иностранных дел
Берлин.

Содержание: Репрессивные мероприятия против Чехословакии.

Имперский министр и начальник имперской канцелярии доктор Ламмерс сообщил сегодня около 12 часов из Оберзальцберга по телефону, что фюрер одобрил представленное им предложение, а именно:

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

[2] Штамп.

a) Чтобы сейчас же в рейхе было арестовано столько чехословацких подданных чешской национальности (а также чешских евреев), сколько было арестовано в Чехословакии судетских немцев в последние дни, приблизительно со дня речи фюрера, произнесённой 12 сентября 1938 г.;

b) Чтобы через министерство иностранных дел было сообщено чехословацкому правительству, что в случае приведения в исполнение смертных приговоров, вынесенных судетским немцам, в качестве репрессалий, каждый раз будет расстреливаться в рейхе известное количество чехов.

Об этом указании фюрера я сообщаю для принятия дальнейших мер.

Я навёл справки о числе судетских немцев, арестованных в Чехословакии примерно после 12 сентября 1938 года, и подготовил арест соответствующего числа находящихся на территории Германии чехословацких подданных чешской национальности. Я прошу незамедлительно информировать меня, как только чехословацкое правительство будет поставлено в известность об указании фюрера, а также и в том случае, если станет известно о приведении в исполнение смертных приговоров судетским немцам.

По поручению: *д-р* **БЕСТ**[1].

---

[1] Кроме того, на документе имеются заверительная подпись и печать рейхсфюрера СС. — *Прим. ред.*

№ 18

ЗАПИСКА РЕФЕРЕНТА ГЕРМАНСКОГО МИД ФОН СТЕХОВА [1]

Копия.
Берлин, 15-го сентября 1938 г.
Секретно [2].

РЕФЕРЕНТ: ВИЦЕ-КОНСУЛ
ФОН СТЕХОВ.

В центральное бюро «фольксдейче».
Сегодня, со специальным курьером [3].

Венгерский посланник посетил сегодня министерство иностранных дел. После того как г-н младший статс-секретарь поговорил с ним о посещении Чемберленом Оберзальцберга, посланник сказал, что кроме того указания его правительства, которое он вчера передал по телефону г-ну младшему статс-секретарю, он получил ещё дальнейшее указание такого же рода; оно заключается в просьбе, чтобы

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

[2] Штамп.

[3] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

судето-немецкая партия как таковая не прекращала бы тесного контакта с венгерской национальной группой, а постоянно информировала бы её и действовала вместе с нею.

О пожелании венгерского посланника по поручению г-на младшего статс-секретаря ставлю в известность центральное бюро «фольксдейче».

По поручению

Подп. ***ФОН СТЕХОВ.***

№ 19

ПИСЬМО ПОМОЩНИКА ГИММЛЕРА БЕСТА В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ[1]

Берлин, SW 11, 19 сентября 1938 г.
Принц-Альбрехт-штр., 8.

РЕЙХСФЮРЕР СС И НАЧАЛЬНИК
ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИЦИИ
В ИМПЕРСКОМ МИНИСТЕРСТВЕ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

S—V 7. № 250/38—509—34.

В министерство иностранных дел,
лично г-ну легационному советнику
барону фон Гейден-Риншу.

Берлин, W 8.
Вильгельмштрассе, 74/76.

Срочное письмо.
Секретно.

В дополнение к моему письму от 15 сентября 1938 г.
S—V 7—241/38—509—34.

Содержание: Репрессивные мероприятия против Чехословакии.

Я был бы благодарен за немедленное сообщение о том, доведено ли до сведения Чехословацкого правительства указание фюрера.

---

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

Согласно Вашему желанию препровождаю список 140 арестованных чехословацких подданных.

Донесения об аресте ещё десяти чехословацких подданных в районе полицейского округа города Лигниц ещё не поступало.

По поручению
Подп. *д-р* **БЕСТ**[1].

---

[1] Кроме того, на документе имеется заверительная подпись и печать рейхсфюрера СС. — *Прим. ред.*

№ 20

ПИСЬМО МЛАДШЕГО СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ГЕРМАНСКОГО МИД ВЕРМАНА ГИММЛЕРУ[1]

Берлин, 19 сентября 1938 г.

Секретно.
Срочное письмо!

Рейхсфюреру СС и начальнику германской полиции в имперском министерстве внутренних дел.

На письмо от 15 с. м.
S. V 7. 241/38—509—34.

Референт: легационный советник Альтенбург

Содержание: Репрессивные мероприятия против Чехословакии.

Чехословацкому правительству через немецкого поверенного в делах в Праге 17 числа с. м. в 19 ч. 20 мин. сделано уведомление в смысле указания фюрера.

---

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

Одновременно миссия сообщила, что до сего времени, судя по некоторым сообщениям прессы, расстрелы судетских немцев на основе приговоров военных судов в Чехословакии не производились.

Возможные расстрелы чехословацких заложников в Германии я прошу производить только после предварительного согласования с министерством иностранных дел. Как мне известно, в остальном фюрер оставил решение этого вопроса лично за собой.

В[ЕРМАН][1].

---

[1] На оригинале имеется собственноручная виза Вермана и печать германского министерства иностранных дел. — *Прим. ред.*

№ 21

ТЕЛЕГРАММА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КРОФТА ПОСЛАННИКУ ЧЕХОСЛОВАКИИ В ПАРИЖЕ ОСУСКОМУ[1]

Заявите правительству и Гамелену, что в связи с Вашими последними тремя сообщениями, содержание которых подтверждается нашей информацией, посланной сегодня в Париж генералом Фоше, мы считаем, что подготовляемое нападение, вероятно, произойдёт немедленно после 20-го сентября. Мы испытываем серьёзное опасение, что неожиданное нападение могло бы сделать невозможным проведение нашей мобилизации. Однако мы отложили

[1] Опубл. *Z. Fierlinger,* Ve Službach ČSR, Praha 1947, st. 154—155 *(З. Фирлингер,* На службе Чехословацкой республики, Прага 1947, стр. 154—155). Дата документа не указана. — *Прим. ред.*

мобилизацию, так как считаем, что не нужно нарушать ход переговоров между Парижем и Лондоном, и мы не хотим сделать ничего такого, что в Париже и Лондоне считали бы препятствием их усилиям сохранить мир. Но мы настоятельно просим как французское правительство, так и французский генеральный штаб, чтобы они учли крайнюю опасность положения и осознали, какую ответственность они берут на себя за нашу и свою судьбу, сообщили нам как можно скорее свою точку зрения на создавшееся положение и оказали нам помощь как союзники и друзья.

Для пояснения сообщаю: наряду со сведениями, которые точно указывают на наличие подготовленного и датированного определённым числом плана, мы имеем сведения и о том, что организуются 4 полицейских полка, подобно тому как это было в Австрии, которые после оккупации должны установить порядок на захваченной территории. По нашим более ранним сведениям, они подготовлялись к 1-му октября. Только что мы перехватили депешу от 13-го сентября, в которой им отдаётся приказ немедленно быть готовыми. Одновременно на границах с помощью формирований СС создаётся судето-немецкий корпус подобно австрийским легионам. Генлейн только что обратился к нему с призывом быть завтра готовым вблизи наших границ. Всё это говорит за то, что нападение подготовляется на ближайшие дни. По нашим расчётам, нападения следует ожидать около 23-го, причём подчёркиваем, что

немцами в непосредственной близости от наших границ сконцентрировано больше десяти дивизий в полной боевой готовности и производится большое сосредоточение авиации; немцы вывозят своих граждан, в то время как мы, рассчитывая на Париж и Лондон, не смеем проводить основные подготовительные мероприятия для проведения мобилизации. Одновременно сообщаем то же самое Масарику, но просим, чтобы Вы сами передали эти сведения Даладье. Информируем также французского и английского посланников.

№ 22

ПРЕДЛОЖЕНИЯ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ЧЕХОСЛОВАКИИ[1]

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ЧЕХОСЛОВАКИИ 19 СЕНТЯБРЯ 1938 г.

1. Представители французского и британского правительств консультировались сегодня по вопросу об общем положении и рассмотрели доклад британского премьер-министра о его переговорах с г-ном Гитлером. Британские министры равным образом представили своим французским коллегам свои заключения, к которым они пришли на основе представленного им лордом Ренсименом отчёта о работе

[1] Опубл. «Correspondence respecting Czechoslovakia, September 1938», London 1938, № 7, Cmd. 5847, p. 8—9 («Переписка, относящаяся к Чехословакии, сентябрь 1938 г.», Лондон 1938, № 7, Cmd. 5847, стр. 8—9). — *Прим. ред.*

его миссии. Представители обеих сторон убеждены, что в результате недавних событий создалось такое положение, когда дальнейшее сохранение в границах чехословацкого государства районов, населённых главным образом судетскими немцами, фактически не может более продолжаться без того, чтобы не поставить под угрозу интересы самой Чехословакии и интересы европейского мира. В свете этих соображений оба правительства вынуждены притти к заключению, что поддержание мира и безопасности и жизненных интересов Чехословакии не может быть эффективно обеспечено, если эти районы сейчас же не передать Германской империи.

2. Это могло бы быть осуществлено либо путём прямой передачи, либо в результате плебисцита. Мы понимаем связанные с плебисцитом трудности, и нам известны уже изложенные вами возражения против этого пути, в частности возможность далеко идущих последствий в случае, если к этому вопросу подходить с точки зрения столь широкого принципа. По этой причине, и поскольку не поступит противоположных сообщений, мы предусматриваем, что вы, вероятно, предпочтёте разрешить проблему судетских немцев путём прямой передачи Германии и в качестве обособленного вопроса.

3. Подлежащая передаче территория должна, вероятно, включать районы, немецкое население которых составляет свыше 50%, однако мы должны надеяться путём переговоров договориться об условиях исправления границ в тех случаях,

когда это необходимо, посредством того или иного международного органа, включающего чешского представителя. Мы убеждены, что передача меньших районов на основе более высокого процентного соотношения явится нецелесообразной.

4. Указанному международному органу равным образом можно было бы передать вопросы о возможном обмене населения на основе права оптации в течение некоторого определённого срока времени.

5. Мы признаём, что в случае согласия правительства Чехословакии с предложенными мероприятиями, связанными с существенными изменениями в положении государства, оно будет вправе просить некоторую гарантию своей будущей безопасности.

6. В соответствии с этим правительство его величества в Соединённом Королевстве было бы согласно, в качестве вклада в дело умиротворения Европы, присоединиться к международной гарантии новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии. Одним из основных условий такой гарантии явилось бы ограждение независимости Чехословакии путём замены существующих договоров, связанных с взаимными обязательствами военного характера, общей гарантией против неспровоцированной агрессии.

7. Как французское, так и британское правительства понимают, сколь велика жертва, требуемая от чехословацкого правительства делу [обеспечения] мира. Но поскольку это дело является общим для всей Европы и в частности и для Чехословакии, то

они считают своим общим долгом изложить откровенно условия, необходимые для обеспечения этого дела.

8. Премьер-министр должен возобновить переговоры с г-ном Гитлером не позднее среды, а если представится возможным, даже раньше. Поэтому мы полагаем, что нам надлежит просить вас дать ответ как можно раньше.

№ 23

ДОНЕСЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ПОСЛА В БЕРЛИНЕ ЛИПСКОГО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ БЕКУ [1]

№ 1/165/38 *20 сентября 1938 года.*

Совершенно секретно.

Г-ну министру Беку.

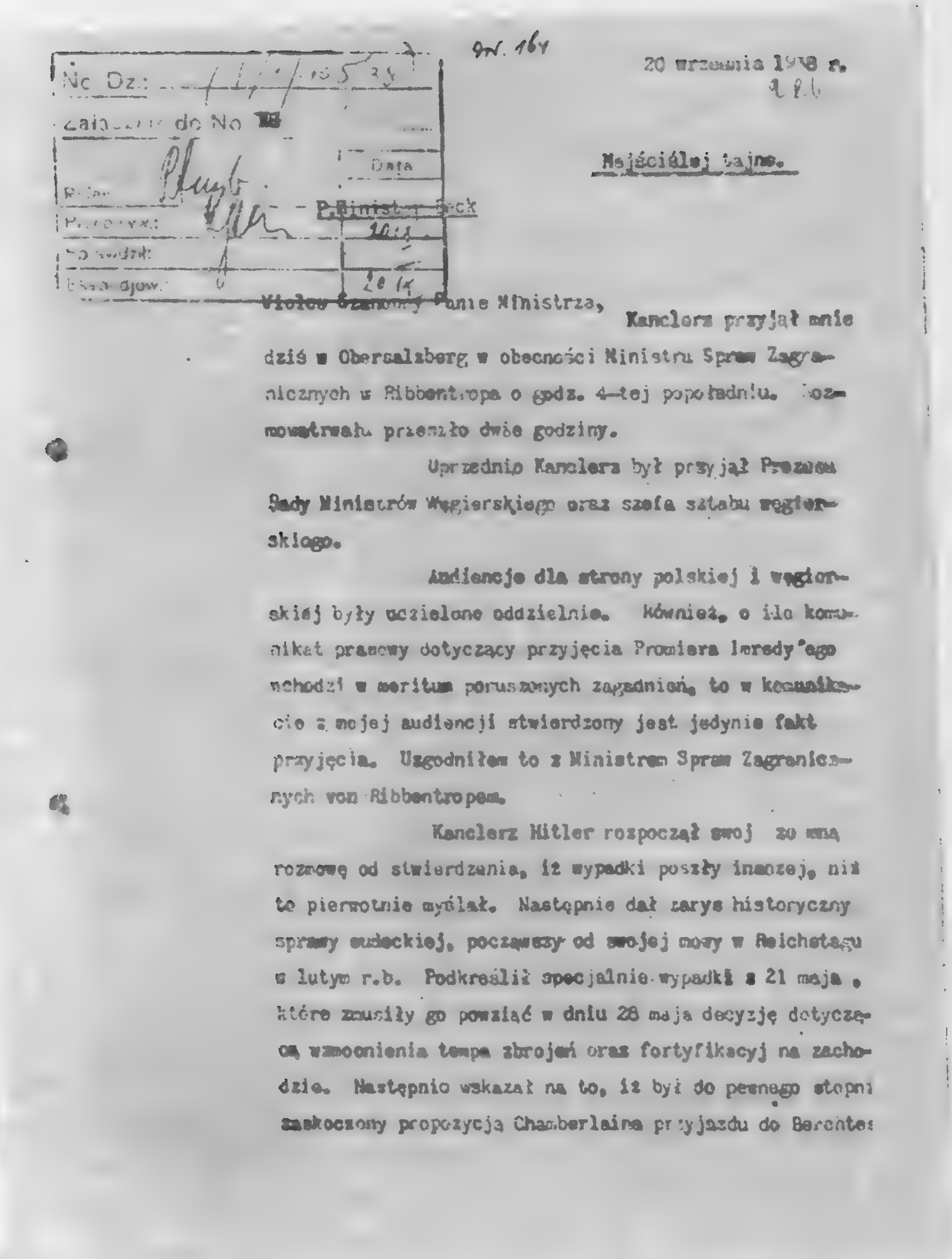
Многоуважаемый г-н министр,

канцлер принял меня сегодня в Оберзальцберге в присутствии министра иностранных дел Риббентропа в 4 часа дня. Беседа продолжалась свыше двух часов.

Перед этим канцлер принял премьер-министра Венгрии и начальника венгерского генштаба.

Аудиенции польской и венгерской стороне были даны отдельно. В коммюнике, опубликованном относительно приёма премьера Имреди, сообщается,

[1] Перевод с польского.



Nr. 164

20 września 1938 r.

Najściślej tajne.

No Dz: ...

Załącznik do No ...

Data

Referat

Przedstawić

Do wiadomości

Do akt

P. Minister Beck

Wielce Szanowny Panie Ministrze,

Kanclerz przyjął mnie dziś w Obersalzberg w obecności Ministra Spraw Zagranicznych v. Ribbentropa o godz. 4-tej popołudniu. Rozmowa trwała przeszło dwie godziny.

Uprzednio Kanclerz był przyjął Prezesa Rady Ministrów Węgierskiego oraz szefa sztabu węgierskiego.

Audiencje dla strony polskiej i węgierskiej były udzielone oddzielnie. Również, o ile komunikat prasowy dotyczący przyjęcia Premiera Imredy'ego wchodzi w meritum poruszanych zagadnień, to w komunikacie z mojej audiencji stwierdzony jest jedynie fakt przyjęcia. Uzgodniłem to z Ministrem Spraw Zagranicznych von Ribbentropem.

Kanclerz Hitler rozpoczął swoją ze mną rozmowę od stwierdzenia, iż wypadki poszły inaczej, niż to pierwotnie myślał. Następnie dał zarys historyczny sprawy sudeckiej, począwszy od swojej mowy w Reichstagu w lutym r.b. Podkreślił specjalnie wypadki z 21 maja, które zmusiły go powziąć w dniu 28 maja decyzję dotyczącą wzmocnienia tempa zbrojeń oraz fortyfikacyj na zachodzie. Następnie wskazał na to, iż był do pewnego stopnia zaskoczony propozycją Chamberlaina przyjazdu do Berchtes

Фотокопия первой страницы документа № 23.

какие были затронуты проблемы, а в коммюнике о моей аудиенции указывается лишь на факт приёма. Я это согласовал с министром иностранных дел фон Риббентропом.

Канцлер Гитлер начал свою беседу со мной с констатации факта, что события пошли иначе, чем он первоначально думал. Затем он дал исторический обзор судетского вопроса, начиная со своей речи в рейхстаге в феврале текущего года. Он особо подчеркнул события 21 мая, которые вынудили его 28 мая принять решения, касающиеся усиления темпа вооружений и военного строительства на западе. Затем он указал на то, что был до некоторой степени захвачен врасплох предложением Чемберлена приехать в Берхтесгаден. Естественно, ему было невозможно не принять британского премьера. Он полагал, что Чемберлен прибывает для того, чтобы заявить ему торжественно о том, что Великобритания готова на вооружённое выступление. Конечно, он тогда ответил бы ему, что Германия имела в виду такую возможность. Канцлер заявил Чемберлену, что судетский вопрос должен быть решён мирно или путём войны, таким образом, чтобы Судеты были возвращены Германии. Чемберлен вернулся в Лондон, убеждённый в результате этой беседы в необходимости отторжения Судетов. Канцлер ещё до сих пор не имеет никаких определённых сведений о лондонских решениях. Он также ещё не имеет окончательных сведений о часе встречи, которая якобы должна состояться завтра. Тем не менее, поступающие

известия указывают на то, что требования канцлера будут удовлетворены. Правда, передаётся версия, что урегулирование вопроса о Судетах должно произойти не путём самоопределения, а при помощи нового пересмотра границ. Будто бы там, где немецкое большинство составляет 80%, территория должна отойти к Германии без плебисцита. При другом проценте должна быть принята во внимание возможность плебисцита. Канцлер утверждает, что он предпочитает плебисцит, и высказывается за него. Он будет, конечно, настаивать, чтобы во время плебисцита к голосованию были допущены лица, которые выехали с данной территории после 1918 г. Положение 1918 г. должно быть восстановлено. В противном случае это было бы признанием чехизации, которая имела место с 1918 г.

Занятие Судетов силой было бы, по словам канцлера, более полным и определённым решением. Тем не менее, канцлер утверждает, что если его условия будут приняты, то перед общественностью своей страны он не сможет их уже не принять, даже если часть чехословацкой проблемы осталась бы неурегулированной. Поэтому канцлер находится в раздумье, как в таком случае разрешить оставшуюся часть проблемы, касающуюся Венгрии и Польши. В связи с этим он и пригласил для переговоров премьера Венгрии и меня.

В своём ответе я заявил, что хотел бы представить точку зрения как можно шире. Я сделал это

согласно указаниям в 1—7 пунктах Вашей инструкции от 19 сентября 1938 г.

За неимением времени перед отправкой настоящего письма желаю лишь отметить, что в вопросе о Тешине я два раза подчёркивал, что речь идёт о территории, только немного выходящей за пределы уездов Тешин-Фриштат, и *о продлении железнодорожного сообщения к станции Богумин-Одерберг*[1]. В отношении венгерских требований я специально выделил вопрос о Закарпатской Руси, делая упор на стратегический момент по отношению к России, на коммунистическую пропаганду, проводимую на этой территории, и т. д. У меня сложилось впечатление, что канцлер очень заинтересовался этой проблемой, особенно когда я ему сказал, что протяжённость польско-румынской границы относительно невелика и что посредством общей польско-венгерской границы через Закарпатскую Русь мы создали бы более крепкий барьер против России. Кроме того, я указал относительно Закарпатской Руси, что территория эта, на которую Словакия не претендует, была дана Чехословакии только как мандат, что население её находится на очень низком уровне и сильно смешано и что наибольшую заинтересованность в ней имеет Венгрия.

Уточняя нашу точку зрения относительно непосредственного района, который интересует Польшу (Тешин), я отметил:

---

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

a) что мы выступили перед Лондоном, Парижем, Римом и Берлином, категорически требуя плебисцита, как это было предложено для Судетов,

b) что мы вчера выступили перед этими же самыми государствами, в связи с сообщением о существующем якобы проекте пересмотра границ (наше заявление в письменной форме я сделал г-ну фон Риббентропу),

c) что позиция Польши очень сильна вследствие полученного из Праги и, в своё время, подтверждённого Лондоном и Парижем заверения, что наше меньшинство в Чехословакии будет рассматриваться наравне с другим наиболее привилегированным меньшинством.

В заключение на вопрос канцлера я ответил, что в этом пункте мы не отступили бы перед применением силы, если бы наши интересы не были приняты во внимание.

При дальнейшем анализе тактики, какую следовало бы применять для решения всего чехословацкого вопроса, канцлер заявил:

1. Если его предложения не будут приняты Чемберленом, то положение станет ясным, и, согласно его предупреждению, он готов на вооружённое выступление для присоединения Судетов к рейху.

2. В случае, если будут приняты предложения о Судетах и от него затребуют гарантий для оставшейся части Чехословакии, он займёт позицию, заключающуюся в том, что он сможет дать гарантию

при условии, если то же самое будет сделано Польшей, Венгрией и Италией (включение Италии он считает важным противовесом французской и английской гарантии). Он понимает, что Польша и Венгрия не дадут этих гарантий без решения вопроса об их меньшинствах. Я сделал заверение об этом от имени польского правительства.

3. Канцлер совершенно конфиденциально, подчёркивая, что я могу сделать из этого надлежащие выводы, довёл до моего сведения, что уже сегодня, в случае если между Польшей и Чехословакией дело дойдёт до конфликта на почве наших интересов в Тешине, рейх станет на нашу сторону (думаю, что подобное заявление канцлер должен был также дать венгерскому премьеру, хотя мне об этом не было сказано). Канцлер советует, чтобы при таких обстоятельствах начало наших действий последовало бы только лишь после занятия немцами Судетских гор, так как тогда вся операция была бы более короткой.

В дальнейшем во время беседы канцлер настойчиво подчёркивал, что Польша является первостепенным фактором, защищающим Европу от России.

Из других пространных высказываний следовало:

а) что он не собирается выходить за территорию Судетов. Конечно, в случае военных действий он пошёл бы дальше, так как, по моему мнению, должен был бы поддаться влиянию военных элементов,

которые, по стратегическим соображениям, толкают его на то, чтобы поставить всю Чехию в зависимость от Германии,

b) что за линией известных германских интересов мы имеем совершенно свободные руки,

c) что он видит большие трудности в достижении венгерско-румынского соглашения (я думаю, что, может быть, канцлер находился здесь под влиянием высказываний Хорти, о которых я сообщил Вам устно),

d) что стоимость судетской операции, включая фортификации и вооружение, достигает цифры 18 миллиардов марок,

e) что после решения судетского вопроса он поставит вопрос о колониях,

f) что его осенила мысль о решении еврейской проблемы путём эмиграции в колонии в согласии с Польшей, Венгрией, а может быть и Румынией (тут я ответил, что если это найдёт своё разрешение, мы поставим ему прекрасный памятник в Варшаве).

В соответствии с инструкцией, в вышеприведённой беседе я затронул ещё вопрос о польско-германских отношениях. Должен отметить, что момент был не очень подходящим, так как канцлер целиком был занят предстоящей беседой с Чемберленом.

Я затронул вопрос о Данциге, внушая ему возможность заключения прямого польско-германского договора, стабилизирующего положение Вольного города.

Я привёл здесь целый ряд исторических и экономических аргументов. Канцлер в ответе сослался на то, что мы имеем договор от 1934 г. Он считал бы также желательным сделать дальнейший шаг и не только исключить возможность применения силы в наших взаимоотношениях, но произвести окончательное установление границ. Тут он выдвинул уже известный Вам проект автострады, соединяющейся с железнодорожной линией. Ширина такой полосы составляла бы, как он сказал, около 30 метров. Это было бы известным нововведением, где техника служила бы политике. Он сказал, что пока не выдвигает этого проекта, что он является только идеей, которую можно реализовать позднее. При таких условиях я этого вопроса далее не углублял.

В конце беседы я коснулся возможности скорейшей Вашей встречи с канцлером, в случае необходимости. Канцлер принял это с удовольствием, отметив, что встреча может быть очень полезной, особенно после разговора с Чемберленом.

Риббентроп со своей стороны просил, чтобы я узнал у Вас, не пожелали ли бы Вы сделать заявление по вопросу о польских требованиях относительно Чехословакии, по примеру того, как это сделал премьер Венгрии, чтобы это могло быть использовано при переговорах с Чемберленом. Кроме того, Риббентроп заверил, что германская пресса будет как можно шире освещать наши действия в отношении нашего меньшинства в Чехословакии.

Вышеизложенный отчёт я диктую перед отъездом курьера после моего возвращения самолётом из Берхтесгадена, поэтому прошу Вас принять во внимание возможные неточности.

Прошу принять и пр.

ЮЗЕФ ЛИПСКИЙ.

sie niemieckiej akcja nasza co do mniejszości w Czechosłowacji będzie jak najszerszej uwzględniana.

Powyższe sprawozdanie dyktuję przed wyjazdem kuriera po moim powrocie samolotem z Borchtesgaden. Dlatego zechce Pan Minister uwzględnić wszelkie usterki.

Raczy Wielce zacnowny Pan Minister przyjąć wyrazy mego wysokiego poważania i szacunku

/-/ Józef Lipski

Фотокопия последней страницы документа № 23.

№ 24

ОТВЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЧЕХОСЛОВАКИИ НА АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ[1]

ТЕКСТ ОТВЕТА ЧЕХОСЛОВАКИИ НА АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПЕРЕДАННЫЙ 20 сентября 1938 г.

Чехословацкое правительство благодарит британское и французское правительства за сообщение, которое они сделали и в котором они формулируют свою точку зрения на решение нынешних международных затруднений, касающихся Чехословакии. Сознавая ответственность, которую они несут как в интересах Чехословакии, её друзей и союзников, так и в интересах всеобщего мира, оно высказывает

[1] Архив МИД СССР. После сообщения настоящего ответа правительствам Англии и Франции министерство иностранных дел Чехословакии 20 сентября 1938 г. передало настоящий документ полпреду СССР в Чехословакии. Опубл. *Dr. Hubert Ripka*, Munich: Before and After, London 1939, p. 74—77 (*Д-р Губерт Рипка,* До и после Мюнхена, Лондон 1939, стр. 74—77). — *Прим. ред.*

убеждение, что предложения, заключающиеся в сообщении, не пригодны для достижения цели, которую преследуют британское и французское правительства в своих усилиях в пользу сохранения мира.

Эти предложения были выработаны без выяснения мнения представителей Чехословакии. Они направлены против Чехословакии, которая не была даже выслушана, хотя чехословацкое правительство обращало внимание на то, что оно не может принять ответственность за заявления, сделанные без её согласия. Отсюда понятно, что упомянутые предложения не могут быть приемлемыми для Чехословакии.

Согласно конституции чехословацкое правительство не может принять решения, касающегося вопроса о границах. Принятие такого решения было бы невозможно без нарушения демократического режима и правового порядка чехословацкого государства. Во всяком случае было бы необходимо запросить парламент.

По мнению правительства, принятие предложений такого характера равнялось бы добровольному и полному искалечению государства во всех направлениях. Были бы полностью подорваны экономика и транспорт Чехословакии, а в стратегическом отношении она попала бы в исключительно тяжёлое положение. Рано или поздно Германия подчинила бы её себе полностью.

Но если бы Чехословакия и решилась пойти на предлагаемые ей жертвы, всё же вопрос об обеспечении мира ни в коей мере не был бы разрешён:

a) Многие судетские немцы по хорошо известным причинам предпочли бы эмигрировать из рейха и жить в демократической атмосфере чехословацкого государства. В результате появились бы новые затруднения и новые национальные споры.

b) Паралич Чехословакии имел бы в результате глубокие политические перемены во всей средней и юго-восточной Европе. Равновесие сил в средней Европе и Европе вообще было бы уничтожено; это повлекло бы за собой далеко идущие последствия для всех остальных государств, а особенно для Франции.

c) Чехословацкое правительство искренне благодарно великим державам за их намерение гарантировать целостность Чехословакии, которое оно понимает и весьма высоко ценит. Такая гарантия действительно открыла бы путь к соглашению между всеми заинтересованными сторонами при условии, если нынешние национальные споры были бы дружески урегулированы и притом таким образом, чтобы не обрекать Чехословакию на неприемлемые жертвы.

За последние годы Чехословакия дала многочисленные доказательства своей непоколебимой преданности делу мира. Под давлением своих друзей в переговорах по судето-немецкому вопросу Чехословакия шла так далеко, что это было с благодарностью признано всеми странами. В одном из заявлений британское правительство также отмечало, что нужно не выходить за рамки чехословац-

кой конституции, и, наконец, сама партия судетских немцев, когда ей были переданы последние предложения правительства, не отклонила их, а публично признала, что намерения правительства были серьёзны и искренни. Несмотря на то, что среди части судето-немецкого населения только что вспыхнуло восстание, которое было подготовлено извне, правительство торжественно заявило, что оно всё ещё придерживается тех предложений, которые отвечали пожеланиям судето-немецкого населения. Оно ещё и сегодня считает эти предложения осуществимыми, поскольку они касаются национального вопроса в республике.

Чехословакия всегда оставалась верной заключённым договорам и выполняла свои обязательства, вытекающие из них, как в интересах своих друзей, так и Лиги наций и её членов или остальных народов. Она была и до сих пор остаётся готовой сохранять эту верность при всех условиях. Если она теперь сопротивляется возможности насилия, то делает это на основании ещё недавних обязательств и заявлений своего соседа, а также на основании договора об арбитраже от 16 октября 1926 г., который нынешнее германское правительство в нескольких своих заявлениях признало действительным. Чехословацкое правительство заявляет, что этот договор может быть применён, и просит об этом. Уважая свою подпись, оно готово принять любое арбитражное решение, которое было бы вынесено. Этим мог бы быть прекращён всякий спор. Это сделало

бы возможным принятие быстрого, почётного и достойного для всех участвующих государств решения.

Отношения Чехословакии к Франции всегда покоились на уважении и преданнейшей дружбе и союзе, которые никогда ни одно чехословацкое правительство и ни один чехословак [1] не нарушит. Она жила и живёт верой в великий французский народ, правительство которого так часто давало ей заверения в прочности своей дружбы. С Великобританией её связывают чувства преданности, традиционной дружбы и уважения, которыми Чехословакия всегда будет полна в неразрывном сотрудничестве между обеими странами, а также в общих усилиях, направленных к сохранению мира, каким бы ни было положение в Европе.

Чехословацкое правительство сознаёт, что прилагаемые британским и французским правительствами усилия являются результатом их искренней симпатии, и искренне благодарит за это. Тем не менее, исходя из приведённых доводов, оно вновь обращается к ним с последним призывом и просит, чтобы они пересмотрели свою точку зрения. Оно делает это, веря, что защищает не только свои собственные интересы, но также и интересы своих друзей, дело мира и дело здорового развития Европы. В этот решительный момент речь идёт не только о судьбе Чехословакии, но также и о судьбе других стран и особенно Франции.

Прага, 20 сентября 1938 года.

---

[1] Так в оригинале. — *Прим. ред.*

№ 25

ОТВЕТНАЯ НОТА БРИТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ЧЕХОСЛОВАЦКУЮ НОТУ[1]

21 сентября 1938 г.

По мнению правительства его величества, ответ чехословацкого правительства никак не соответствует тому критическому положению, которое стремились предотвратить англо-французские предложения. Если бы этот ответ был принят, то опубликование его привело бы, по мнению правительства его величества, к немедленному германскому вторжению. Поэтому правительство его величества предлагает чехословацкому правительству взять этот ответ

[1] Опубл. *Dr. Hubert Ripka,* Munich: Before and After, London 1939, p. 78—79. — *Прим. ред.*

обратно и безотлагательно найти иное решение, исходя из реальной обстановки. На основе полученного ответа у правительства его величества не могло бы быть надежды на положительный результат предполагаемого второго визита к г-ну Гитлеру, и премьер-министр был бы вынужден отменить соответствующую для того подготовку. Правительство его величества просит поэтому чехословацкое правительство спешно и серьёзно взвесить все последствия, прежде чем оно создаст ситуацию, за которую правительство его величества не могло бы принять на себя ответственность.

Правительство его величества было бы, конечно, готово предложить германскому правительству чехословацкий проект арбитража, если бы полагало, что при данном положении могла быть какая-либо надежда на то, что он вызовет благоприятное отношение. Но правительство его величества не может ни на минуту поверить, что это предложение окажется ныне приемлемым, а также не может полагать, чтобы германское правительство считало ситуацию такой, какая могла бы быть разрешена арбитражем, как это предлагает чехословацкое правительство.

Если бы чехословацкое правительство, рассмотрев снова вопрос, сочло себя вынужденным отклонить этот совет, то оно, конечно, должно иметь свободу каких угодно действий, которые оно сочтёт соответствующими ситуации, какая могла бы создаться позднее.

№ 26

ПИСЬМО РЕНСИМЕНА ЧЕМБЕРЛЕНУ[1]

Вестминстер, S. W. I.
21 сентября 1938 г.

Дорогой премьер-министр!

Когда я взял на себя задачу посредничества в споре между чехословацким правительством и судето-немецкой партией, я был, конечно, вполне свободен в отношении получения информации и вынесения заключений. Я не был обязан представить какого-либо рода доклад. При настоящих обстоятельствах, однако, вам может оказаться полезным рассмотрение тех окончательных взглядов, к которым я пришёл в результате моей миссии, и некоторых

[1] Опубл. «Correspondence respecting Czechoslovakia, September 1938», № 7, p. 1—8. — *Прим. ред.*

предложений, которые, как я считаю, должны быть приняты во внимание, если требуется найти что-либо похожее на длительное решение.

Проблема политических, социальных и экономических отношений между тевтонской и славянской расами в области, ныне называемой Чехословакией, является проблемой, существовавшей в течение многих столетий, причём были периоды обострённой борьбы и периоды относительно мирные. Это не новая проблема, и на её теперешнем этапе одновременно существуют как новые, так и старые факторы, которые должны быть учтены при тщательном рассмотрении.

Когда я прибыл в Прагу, в начале августа, передо мной непосредственно встали вопросы: 1) конституционные, 2) политические и 3) экономические. Конституционный вопрос был тем вопросом, которым я прямо и непосредственно занимался. В то время он ставился в форме предоставления некоторой степени самоуправления для судетских немцев в пределах Чехословацкой республики; вопрос о самоопределении ещё не стоял в острой форме. Моей задачей было ознакомиться с историей вопроса, с главными заинтересованными лицами и с предложениями о разрешении вопроса, выдвинутыми обеими сторонами, именно судето-немецкой партией в предварительном проекте, представленном чехословацкому правительству 7 июня (который включал 8 пунктов речи г-на Генлейна в Карлсбаде), и чехословацким правительством в его проекте статута

национальностей, законопроекте о языках и законопроекте об административной реформе.

Выяснилось, что ни одно из этих предложений не является достаточно приемлемым для другой стороны, чтобы позволить ведение дальнейших переговоров на этой основе, и переговоры были приостановлены 17 августа. После ряда частных разговоров между судетскими лидерами и представителями чешских властей чехословацким правительством была принята новая основа для переговоров, которая была сообщена мне 5 сентября, а судетским лидерам 6 сентября. Это был так называемый «четвёртый план». По моему мнению и, я полагаю, также по мнению наиболее ответственных судетских лидеров, этот план включал почти все требования карлсбадских восьми пунктов, и при некотором разъяснении и расширении мог бы охватить их во всей совокупности. Следовало бы немедленно возобновить переговоры на этой благоприятной и подающей надежды основе; но я мало сомневаюсь в том, что именно факт этой благоприятности препятствовал их принятию более крайними членами судето-немецкой партии.

Я считаю, что инцидент, возникший вследствие визита некоторых судето-немецких депутатов для обследования дела лиц, арестованных за контрабандный ввоз оружия в Моравскую Остраву, был использован, чтобы доставить повод для приостановки, если не для разрыва, переговоров. Чешское правительство, однако, немедленно уступило требо-

ваниям судето-немецкой партии в этом вопросе, и предварительные переговоры о «четвёртом плане» были возобновлены 10 сентября. Опять-таки я убеждён, что это не соответствовало политике судетских экстремистов и что были подготовлены и спровоцированы инциденты 11 сентября и, с ещё большим эффектом, после речи Гитлера 12 сентября. В результате вызванных таким образом беспорядков и кровопролития судетская делегация отказалась от встречи с чешскими властями, назначенной на 13 сентября. Г-н Генлейн и г-н Франк представили новый ряд требований — удаление государственной полиции, ограничение функций войск выполнением их военного назначения и т. д., которые чехословацкое правительство опять-таки было готово признать при том единственном условии, чтобы представитель партии [1] прибыл в Прагу для обсуждения того, каким образом должен быть восстановлен порядок. В ночь на 13 сентября это условие было отклонено г-ном Генлейном, и все переговоры были полностью прерваны.

Совершенно ясно, что мы не можем вернуться к исходной точке, где мы находились две недели тому назад, и мы должны рассмотреть ныне сложившееся положение.

С отклонением предложения чехословацкого правительства 13 сентября и с разрывом переговоров

---

[1] Судето-немецкой. — *Прим. ред.*

г-ном Генлейном мои функции в качестве посредника фактически прекратились. Прямо или косвенно связь между главными судетскими лидерами и германским правительством сделалась решающим фактором во всей ситуации; спор больше не являлся внутренним спором. В мою функцию не входило посредничество между Чехословакией и Германией.

Ответственность за окончательный разрыв должна, по моему мнению, лежать на г-не Генлейне и г-не Франке и на тех из их сторонников внутри страны и вне её, которые побуждали их к крайним и неконституционным действиям.

Я весьма симпатизирую, однако, делу судетских немцев. Тяжело быть управляемыми чуждой расой, и у меня осталось впечатление, что чехословацкое правление в Судетской области за последние 20 лет, хотя и не означавшее активного притеснения и, конечно, не «террористическое», было отмечено всё же бестактностью, недостатком понимания, мелкой нетерпимостью и дискриминацией в такой степени, что недовольство немецкого населения неизбежно развивалось в направлении возмущения. Судетские немцы считали также, что в прошлом им было дано много обещаний чехословацким правительством, но что за этими обещаниями следовало мало действий или не следовало никаких. Этот опыт вызвал нескрываемое недоверие в отношении руководящих чешских государственных деятелей. Я не могу сказать, насколько это недоверие является обоснованным или необоснованным. Но оно несомненно суще-

ствует, и в результате этого, — сколь бы ни были примирительными их заявления, они не внушают доверия судетскому населению. Сверх того при последних выборах 1935 г. судето-немецкая партия получила больше голосов, чем какая бы то ни было другая партия, и она фактически образовала вторую по величине партию в государственном парламенте. Она тогда располагала 44 парламентскими мандатами из общего числа 300. Вместе с последующими присоединениями она ныне является крупнейшей партией. Но она всегда может при голосовании остаться в меньшинстве, и вследствие этого некоторые из её членов считают, что конституционная деятельность бесполезна для них.

Эти основные претензии были осложнены местными поводами для возбуждения. Чешские должностные лица и чешская полиция, мало говорящие или совершенно не говорящие по-немецки, назначались в большом количестве в чисто немецкие районы. Чешские сельскохозяйственные колонисты поощрялись селиться среди немецкого населения, на землях, передаваемых им в соответствии с земельной реформой. Для детей этих чешских пришельцев строились здесь в большом количестве чешские школы. По общему убеждению, чешские фирмы находились в более благоприятном положении по сравнению с немецкими фирмами при предоставлении государственных контрактов, и государство предоставляло чехам работу и помощь при безработице охотнее, чем немцам. Я считаю эти жалобы в основном спра-

ведливыми. Даже во время моей миссии я не нашёл готовности со стороны чехословацкого правительства пойти навстречу в сколько-нибудь достаточной мере.

Все эти и другие претензии усилились вследствие влияния экономического кризиса на судетскую промышленность, составляющую столь важную часть народнохозяйственной жизни. Естественно, вина за последовавшее разорение возлагалась на правительство.

Поэтому по многим причинам, включая вышеизложенные, среди судетских немцев три-четыре года назад преобладало чувство безнадёжности. Но возникновение нацистской Германии дало им новую надежду. Я считаю их обращение к помощи единоплеменников и их эвентуальное желание присоединиться к Германии естественными при данных обстоятельствах.

В момент моего прибытия более умеренные судетские лидеры ещё желали урегулирования вопроса в границах чехословацкого государства. Они понимали, что означала бы война в Судетской области, которая сама явилась бы главным полем сражения. Как с национальной, так и с международной точки зрения такое урегулирование было бы более лёгким решением, чем передача территории. Я сделал всё от меня зависящее, чтобы содействовать этому, и до некоторой степени не без успеха, но даже и тогда я питал сомнения относительно того, может ли это соглашение, если оно и будет достигнуто, быть вы-

полненным, не вызывая новых подозрений, контраверс, обвинений и встречных обвинений. Я считал, что всякое такое урегулирование было бы лишь временным, а не длительным.

Это урегулирование в форме того, что известно под названием «четвёртого плана», сорвалось при обстоятельствах, указанных выше. Вся ситуация, как внутренняя, так и внешняя, изменилась, и я счёл, что вместе с этим изменением моя миссия пришла к концу.

Когда я покинул Прагу 16 сентября, бунты и беспорядки в Судетской области, которые всегда были только спорадическими, замерли. Значительное число округов было подчинено режиму осадного положения. Судетские лидеры, по крайней мере более крайние среди них, бежали в Германию и выпускали прокламации против чехословацкого правительства. Я был осведомлён из заслуживающего доверия источника, что в момент моего отъезда число убитых с обеих сторон не превышало 70.

Поэтому, если добровольческий корпус г-на Генлейна не будет нарочито поощряем к переходу границы, я не имею оснований ожидать возобновления сколько-нибудь значительных инцидентов и беспорядков. При этих обстоятельствах нет необходимости в присутствии государственной полиции в этих округах. Так как государственная полиция чрезвычайно непопулярна среди немецких жителей и являлась предметом одной из их главных претензий за последние три года, я считаю, что она должна быть

удалена возможно скорее. Я считаю, что её удаление сократит поводы к ссорам и бунтам.

Далее для меня стало самоочевидным, что эти пограничные между Чехословакией и Германией районы, где судетское[1] население составляет значительное большинство, должны получить немедленно полное право самоопределения. Если неизбежна некоторая передача территории, — как я это считаю, — желательно, чтобы она была сделана быстро и без промедлений. Существует реальная опасность, даже опасность гражданской войны, в случае продолжения неопределённого положения. Вследствие этого имеются весьма реальные основания для политики немедленных и радикальных действий. Всякого рода плебисцит или референдум были бы, как я считаю, чистейшей формальностью в отношении этих, по преимуществу немецких, областей. Весьма значительное большинство их жителей желает слияния с Германией. Неизбежная отсрочка, требуемая при проведении плебисцита, только способствовала бы возбуждению народных чувств, вероятно, с самыми опасными результатами. Я считаю поэтому, что эти пограничные округа должны быть немедленно переданы Чехословакией Германии, и далее, что мероприятия по их мирной передаче, включая обеспечение гарантий для населения в переходный период, должны быть немедленно установлены соглашением между обоими правительствами.

---

[1] Так в оригинале. — *Прим. ред.*

Передача этих пограничных округов не разрешает, однако, окончательно вопроса о том, как немцы и чехи должны мирно сожительствовать в будущем. Даже если бы все районы, в которых немцы составляют большинство, были переданы Германии, в Чехословакии оставалось бы значительное количество немцев, а в районах, переданных Германии, было бы некоторое количество чехов. Экономические связи являются столь тесными, что абсолютное отделение является не только нежелательным, но и немыслимым, и я вновь высказываю моё убеждение, что история доказала возможность в мирное время дружественного сожительства двух народов. Я считаю, что в интересах как всех чехов, так и всех немцев надо, чтобы было поощряемо восстановление этих дружественных отношений, и я убеждён, что это является действительным желанием среднего чеха и немца. Они одинаково честны, миролюбивы, трудолюбивы и воздержаны. Когда политические трения будут устранены с обеих сторон, я считаю, что они смогут спокойно ужиться.

Поэтому для тех частей территории, где немецкое большинство не является столь значительным, я рекомендую постараться найти базис для местной автономии в границах Чехословацкой республики на основе «четвёртого плана», изменённого соответственно новым обстоятельствам, созданным передачей преимущественно немецких районов. Как я уже сказал, всегда есть опасность, что соглашение, достигнутое в принципе, может повести к дальней-

шим расхождениям на практике. Но я думаю, что в более мирном будущем этот риск может быть сведён к минимуму.

Это приводит меня к политической стороне проблемы, касающейся вопроса о неприкосновенности и безопасности Чехословацкой республики, в особенности в отношении её непосредственных соседей. Я считаю, что здесь проблема заключается в устранении центра острых политических трений из средины Европы. В этих целях необходимо прочно обеспечить, чтобы Чехословацкое государство жило в мире со всеми его соседями и чтобы его политика, внутренняя и внешняя, направлялась к этой цели. Точно так же, как является необходимым для международного положения Швейцарии, чтобы её политика была вполне нейтральной, аналогичная политика является необходимой для Чехословакии и не только для её собственного будущего существования, но и для европейского мира.

Для достижения этого я рекомендую:

1. Чтобы тем партиям и лицам в Чехословакии, которые нарочито поощряли политику, враждебную в отношении соседей Чехословакии, было воспрещено чехословацким правительством продолжать их агитацию и чтобы, если это необходимо, были предприняты законные мероприятия, чтобы положить конец такой агитации.

2. Чтобы чехословацкое правительство так изменило свои внешние сношения, чтобы дать гарантии своим соседям в том, что оно ни при каких обстоя-

тельствах не нападёт на них и не приступит к каким-либо агрессивным действиям против них, проистекающим из обязательств по отношению к другим государствам.

3. Чтобы главные державы, действующие в интересах европейского мира, предоставили Чехословакии гарантии помощи в случае неспровоцированной агрессии против неё.

4. Чтобы между Германией и Чехословакией был заключён торговый договор на основе преференций, если это только окажется выгодным для экономических интересов обеих стран.

Это приводит меня к третьему вопросу, входящему в рамки моего исследования, — именно к экономической проблеме. Эта проблема возникает в связи с бедствиями и безработицей в Судето-немецкой области, постоянно существовавшими с 1930 г. и вызванными различными причинами. Она представляет подходящую почву для политического недовольства. Это — проблема, которая существует, но было бы неверным сказать, что судето-немецкий вопрос является целиком или хотя бы в основном экономическим. Если будет иметь место передача территории, эта проблема в основном будет подлежать решению германского правительства.

Если политика, изложенная мною выше, является приемлемой для тех, кто непосредственно заинтересован в теперешней ситуации, то я рекомендовал бы далее: а) чтобы представитель судето-немецкого населения имел постоянное место в чехословацком

кабинете; b) чтобы комиссия с нейтральным председателем была назначена для разрешения вопроса о разграничении области, уступаемой Германии, а также спорных вопросов, непосредственно возникающих из выполнения всякого соглашения, которое может быть достигнуто; c) чтобы были организованы международные силы для поддержания порядка в округах, которые должны быть переданы Германии, вплоть до их фактической передачи, с тем чтобы чехословацкая государственная полиция, как я сказал выше, а также и чехословацкие войска могли быть удалены из этой области.

Я желаю заключить это письмо, засвидетельствовав мою оценку личной вежливости, гостеприимства и помощи, которые я и мои сотрудники получали со стороны правительства, в особенности д-ра Бенеша и д-ра Годжи, со стороны представителей судето-немецкой партии, с которыми мы были в контакте, и в особенности со стороны очень большого количества других людей, занимающих различное положение в обществе, и которых мы встречали в продолжение нашего пребывания в Чехословакии.

Преданный вам

РЕНСИМЕН ОФ ДОКСФОРД[1].

---

[1] Письмо тождественного содержания было в тот же день направлено Ренсименом через чехословацкого посланника в Лондоне Масарика на имя Бенеша. — *Прим. ред.*

№ 27

МЕМОРАНДУМ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ МИССИИ В МОСКВЕ НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР[1]

Вчера, 21 сентября, в 17 часов посланникам Франции и Англии в Праге был сообщён следующий ответ чехословацкого правительства:

1. Вынужденное обстоятельствами и под чрезвычайным давлением французского и английского правительств правительство Чехословацкой республики с горечью принимает франко-английские предложения, предполагая, что оба правительства сделают всё, чтобы при осуществлении названных

[1] Копия меморандума, представленного чехословацким посланником в Москве Фирлингером Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел В. П. Потёмкину 22 сентября 1938 г. (документ из архива МИД СССР). — *Прим. ред.*

предложений были обеспечены жизненные интересы Чехословацкой республики [1].

2. Правительство Чехословацкой республики с прискорбием констатирует, что при выработке этих предложений оно не было даже предварительно запрошено.

Правительство сожалеет, что не было принято его предложение об арбитраже.

Правительство принимает франко-английские предложения как нераздельное целое и подчёркивает особое значение для него обещанного принципа гарантий.

---

[1] Позиция СССР в данном вопросе видна из телеграммы Народного Комиссара Иностранных Дел от 20 сентября 1938 г. на имя полпреда СССР в Чехословакии, в которой для передачи президенту Чехословацкой республики сообщалось следующее:

«1) На вопрос Бенеша, окажет ли СССР, согласно договору, немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени Правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2) Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша, — поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги наций, на основании ст. ст. 16 и 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей.

3) Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство». — *Прим. ред.*

№ 28

ТЕЛЕГРАММА МЛАДШЕГО СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ГЕРМАНСКОГО МИД ВЕРМАНА ГЕРМАНСКИМ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВАМ В РИМЕ, ВАРШАВЕ, БУДАПЕШТЕ, ПРАГЕ И ЛОНДОНЕ[1]

Берлин, 23 сентября 1938 г.

Германским дипломатическим представительствам
в Риме, № 318
в Варшаве, № 167
в Будапеште, № 162
в Праге, № 256
Германскому посольству в Лондоне, № 299

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА[2]

Срочно![3]

Главе миссии для личной информации:

Переговоры в Годесберге на сегодняшний день находятся в следующем состоянии:

---

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

[2] Штамп: «доложено г-ну статс-секретарю». — *Прим. ред.*

[3] От руки карандашом. — *Прим. ред.*

Англичане признали право судетских немцев на самоопределение; по вопросу об условиях отделения Судето-немецкой области имеются разногласия. Англичане по этому поводу передали сегодня утром ноту, на которую будет отвечено в письменной форме.

Равным образом обсуждались венгерский и польский вопросы, однако, повидимому, ещё не детально. Мы стоим на той точке зрения, что мы не даём никакой гарантии остальной части государства, если в этом не примут участия все заинтересованные государства, включая Италию, и что мы не возьмём на себя гарантий, которые могли бы предопределить судьбу других меньшинств на чехословацкой территории.

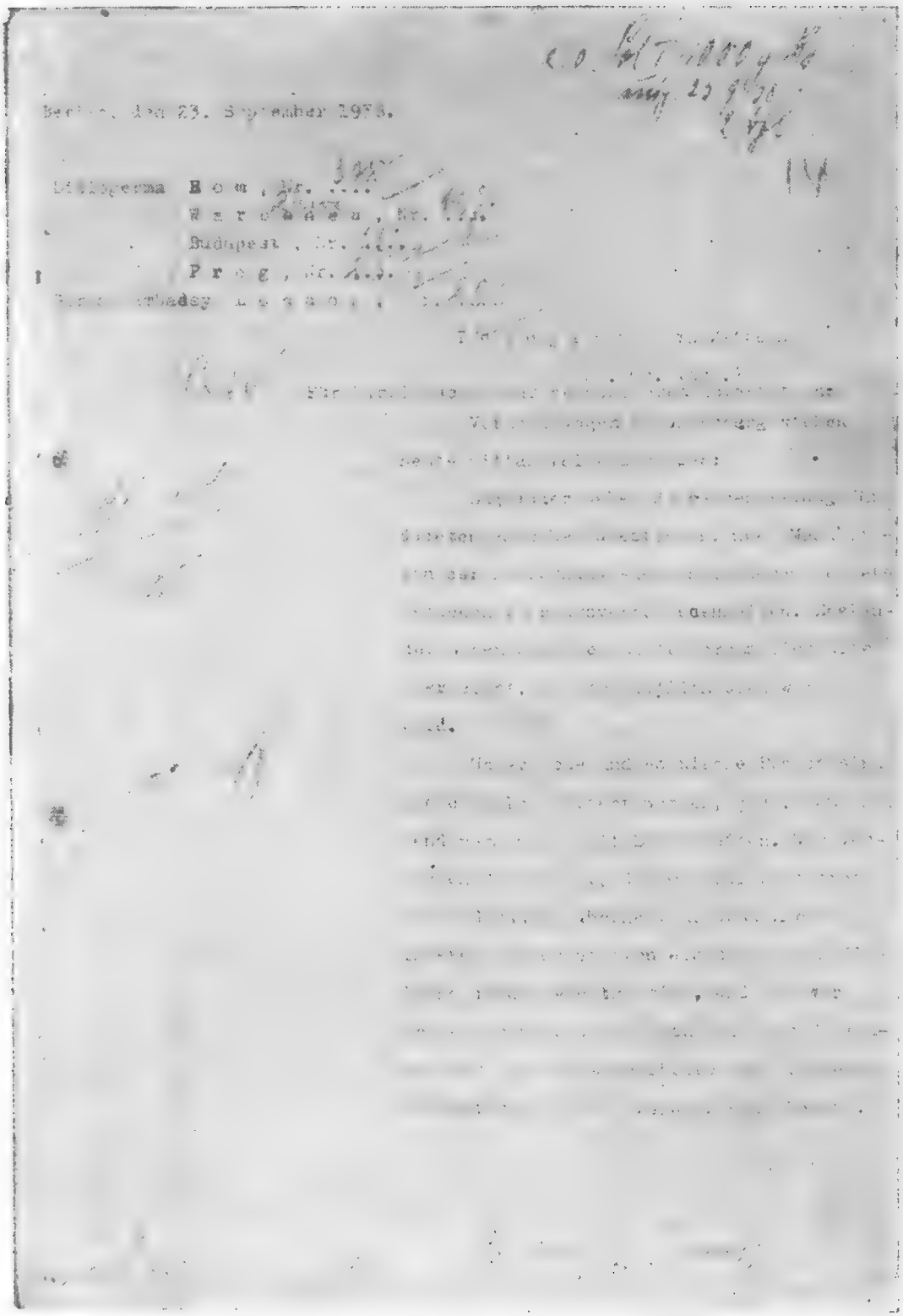
Дополнение для Рима, Будапешта, Варшавы:

Итальянский и польский послы и венгерский посланник соответственно проинформированы рейхсминистром по телефону из Годесберга.

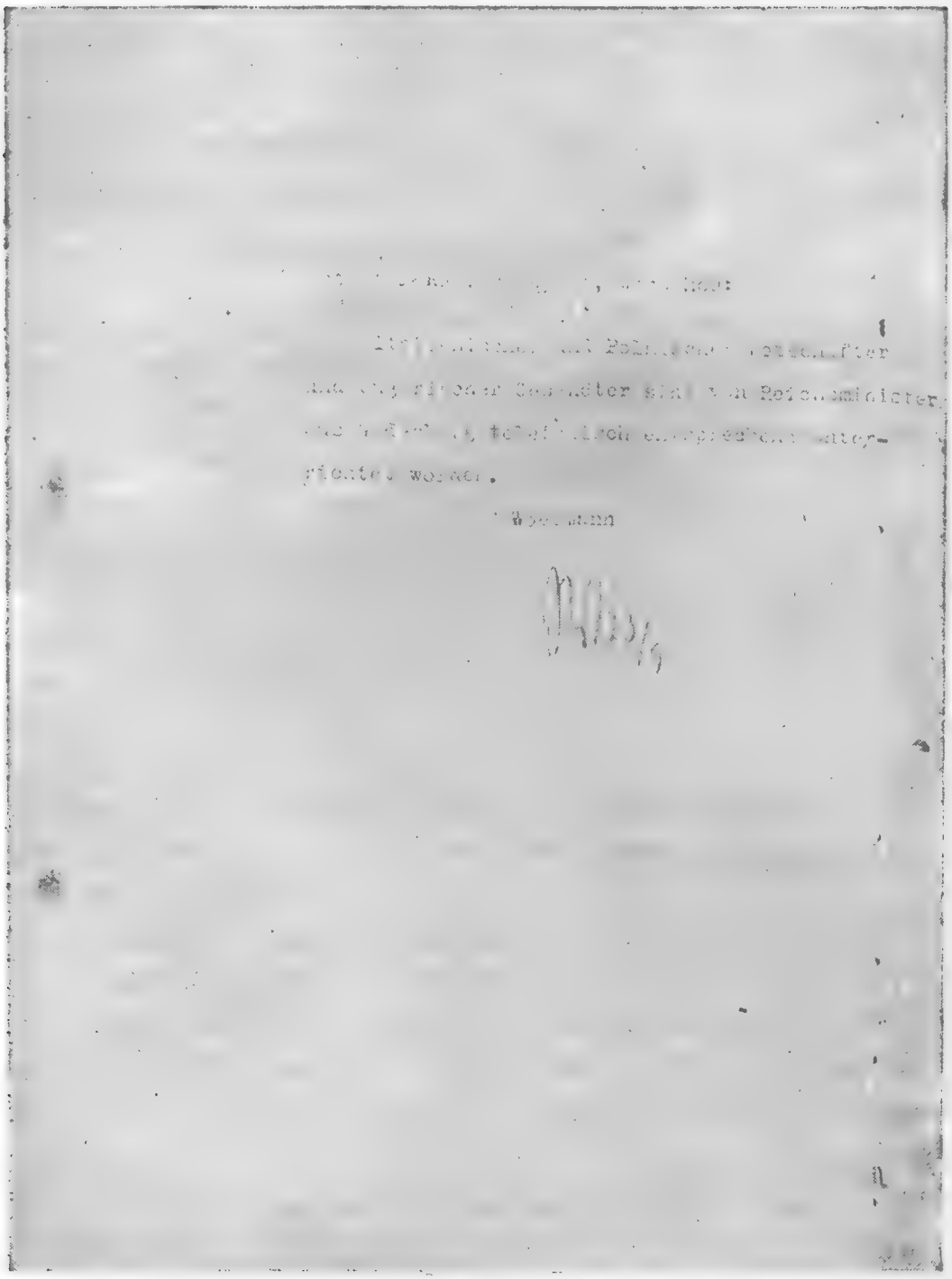
ВЕРМАН[1].

---

[1] Немецкий оригинал имеет пометку: «Отправлено 23.9.38/16[15]» и собственноручную визу Верман. — *Прим. ред.*



Фотокопия первой страницы дскумента № 28.



Фотокопия второй страницы документа № 28 (окончание).

№ 29

ПЕРЕДАЧА АНГЛИЙСКИМ ПОСЛАННИКОМ В ПРАГЕ НЬЮТОНОМ ТРЕБОВАНИЙ ГИТЛЕРА К ЧЕХОСЛОВАКИИ

(Беседа Ньютона со Смутны)[1]

Британский посланник г-н Ньютон просил меня сегодня, 23 сентября, вечером в половине девятого повидаться с ним, так как у него есть важное сообщение из Годесберга.

В первом письме, копию которого г-н Ньютон дал мне, г-н Гитлер высказывает мнение, что Чехословакия вызывает смуту и что единственно возможным средством сохранения мира является оккупация судето-немецкой территории германской

[1] Опубл. *Dr. Hubert Ripka,* Munich: Before and After, London 1939, p. 130—132. — *Прим. ред.*

армией. Это своё предложение г-н Гитлер называет миролюбивым решением. Если его предложение не будет принято, то, как он даёт понять, дело дойдёт до решения вопроса посредством военных действий, однако в этом случае речь уже будет итти не об этнографической границе, а о военной и стратегической.

При первой встрече г-н Гитлер показал карту Чехословакии, на которой были указаны новые границы. Г-н Чемберлен возразил, что эти новые границы отдают Германии слишком большую территорию, на что г-н Гитлер ответил, что в тех частях территории, которые не были бы признаны как несомненно немецкие, он готов согласиться на плебисцит. Этот плебисцит будет проведён через два или три месяца под международным контролем по образцу плебисцита в Сааре. Всякую территорию, население которой высказалось бы за Германию, он немедленно займёт германскими войсками.

Г-н Чемберлен хотел высказать некоторые возражения г-ну Гитлеру по поводу его второго плана при втором свидании, но кажется, что это второе свидание не состоялось, ибо г-н Чемберлен высказал свои возражения г-ну Гитлеру в письменной форме. В письме он говорит, что готов передать чехословацкому правительству предложение г-на Гитлера относительно тех областей, в которых плебисцит необходим, и тех, в которых он не нужен; однако трудность осуществления того, что предлагает г-н Гитлер, заключается в том, что все территории должны быть заняты немедленно.

При таких условиях было трудно вести дальнейшие переговоры, и г-н Чемберлен сомневается, чтобы план, предложенный г-ном Гитлером, ослабил напряжение, даже если бы он и был принят. Г-н Гитлер не вполне понимает, что г-н Чемберлен не в состоянии предложить план, который не одобрило бы общественное мнение в Англии и во Франции. Он уверен, что предлагаемая оккупация немецкими войсками этих территорий, — вследствие чего последние стали бы практически частью рейха, — была бы воспринята как символизирующая именно это [1]. Г-н Чемберлен полагает, что чехословацкое правительство отклонит подобный план. В предложениях г-на Гитлера должны содержаться такие альтернативы, которые не могли бы вызвать возражений.

По желанию [г-на Гитлера] г-н Чемберлен мог бы запросить чехословацкое правительство, было ли бы для него приемлемым решение о том, чтобы передать судетским немцам ответственность за поддержание порядка на тех территориях, относительно которых не существует сомнений [2]. Вместо германских войск судетские немцы создали бы на этих территориях свои собственные организации или воспользовались бы уже существующими организациями, которые действовали бы под надзором германских наблюдателей. Г-н Чемберлен мог бы запро-

[1] В оригинале: «would be considered as symbolic». — *Прим. ред.*

[2] Очевидно, имеется в виду несомненность передачи этой территории Германии. — *Прим. ред.*

сить чехословацкое правительство о его мнении, и если бы такое предложение оказалось приемлемым для Праги, то Чемберлен обратился бы к пражскому правительству с просьбой, чтобы оно отозвало войска и полицию из тех округов, в которых порядок мог бы поддерживаться судетскими немцами. В своём ответе на письмо г-на Чемберлена г-н Гитлер настаивает на своих вчерашних условиях. Он делает единственное исключение, а именно, он не стал бы занимать германскими войсками те области, в которых должен быть произведён плебисцит.

Требования Гитлера могут быть резюмированы следующим образом:

1) Он требует немедленного отозвания военных и иных властей, а также полиции из тех частей судетской территории, которые он считает немецкими.

2) Он требует военной оккупации этих территорий.

Со своей стороны г-н Чемберлен требует, чтобы г-н Гитлер вручил ему письменный меморандум с изложением этих требований. Если г-н Чемберлен получит этот меморандум, он пошлёт его Ньютону, британскому посланнику в Праге, завтра самолётом. Г-н Чемберлен заявил также Гитлеру, что он не видит теперь никакого иного дальнейшего способа действий, как только переслать этот меморандум, а самому вернуться в Лондон.

Одновременно с этим г-н Чемберлен просит г-на Гитлера дать заверения, что он не предпримет никаких военных действий на чехословацкой территории,

пока не получит ответа из Праги, ибо такие действия нанесли бы вред дальнейшим переговорам, если бы до них дошло дело.

Г-н Ньютон получил сначала информацию относительно мобилизации (что нет возражений против чехословацкой мобилизации), а позднее вышеизложенное сообщение из Годесберга. Предполагалось, что он обратит внимание чехословацкого правительства на то, что объявление мобилизации может иметь своим последствием немедленный приказ германским войскам вторгнуться в Чехословакию.

(подписано) ***СМУТНЫ.***

№ 30

ПЕРЕДАЧА АНГЛИЙСКИМ ПОСЛАННИКОМ В ПРАГЕ НЬЮТОНОМ ТРЕБОВАНИЙ ГИТЛЕРА К ЧЕХОСЛОВАКИИ[1]

СООБЩЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ПОСЛАННИКА ОТ 24 СЕНТЯБРЯ 1938 г. О МЕМОРАНДУМЕ ГИТЛЕРА

Посланник Ньютон 24.IX. 1938 г. в 10 час. 30 мин. по телефону сообщает:

1. Он получил ночью информацию о том, что меморандум, который Гитлер передал Чемберлену, будет ему послан по телеграфу. До настоящего времени меморандум им ещё не получен.

[1] Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР получил в 1938 г. через полпредство СССР в Чехословакии в русском переводе комплект документов, предположенных МИД Чехословакии к изданию в качестве «Белой книги». В дальнейшем это издание не осуществилось. Ниже воспроизводится один из этих документов. — *Прим. ред.*

2. Он обращает внимание на то, что к тексту письма, которое он передал мне вчера, есть какие-то дополнения, но он не может мне сообщить их, так как не имеет на то полномочий.

3. В качестве добавления личного характера он сообщает мне, что считал бы весьма необходимым, чтобы в данный момент у нас не произошло никаких инцидентов, враждебных немцам, т. е. чтобы наше население не мстило немецким согражданам. Я уверил Ньютона, что в этом смысле были даны весьма строгие приказания и что как раз то обстоятельство, что армия мобилизована, является наибольшей гарантией, что спокойствие будет сохранено при всех обстоятельствах. Из всех сообщений, полученных министерством от генерального штаба и министерства внутренних дел, вытекает, что ни до каких инцидентов дело не дошло, и в этом смысле он может информировать Лондон.

И. СМУТНЫ.

№ 31

ПИСЬМО ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПОСЛАННИКА В ЛОНДОНЕ МАСАРИКА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ГАЛИФАКСУ[1]

ПИСЬМО ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПОСЛАННИКА В ЛОНДОНЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Лондон, 26 сентября 1938 г.

Сэр,

Я передал моему правительству вопрос, который поставил мне премьер-министр вчера вечером и на который он желал получить ответ. Вопрос премьер-министра, как я его понял, я передал в Прагу следующим образом:

«Хотя г-н Гитлер сказал, что меморандум, переданный чехословацкому правительству правитель-

[1] Опубл. «Correspondence respecting Czechoslovakia, September 1938», London 1938, № 7, p. 18—19 («Переписка, относящаяся к Чехословакии, сентябрь 1938 г.», Лондон 1938, № 7, стр. 18—19). — *Прим. ред.*

ством его величества, был его последним словом и хотя г-н Чемберлен очень сомневается в том, что он мог бы в этот поздний час побудить г-на Гитлера к изменению его мнения, премьер-министр всё же мог бы в зависимости от обстоятельств предпринять последнее усилие для того, чтобы убедить г-на Гитлера принять иной метод мирного разрешения судето-немецкого вопроса, а именно посредством международной конференции с участием Германии, Чехословакии и других держав, которая приняла бы во внимание англо-французский план и наилучший метод его осуществления. Он спросил, было ли бы чехословацкое правительство готово принять участие в этом новом усилии сохранить мир».

На этот вопрос я получил теперь следующий ответ моего правительства:

«Чехословацкое правительство готово принять участие в международной конференции, на которой Германия и Чехословакия были бы представлены вместе с другими государствами для того, чтобы найти другой метод разрешения судето-немецкого вопроса, чем тот, который был изложен в предложениях Гитлера, причём следовало бы иметь целью возможность возврата к так называемому англо-французскому плану. В ноте, которую г-н Масарик передал вчера вечером Чемберлену, был упомянут тот факт, что чехословацкое правительство, приняв англо-французскую ноту под сильнейшим давлением и прямым принуждением, не имело времени для того, чтобы сделать какие-либо замечания в отно-

шении многочисленных неосуществимых её сторон. Чехословацкое правительство считает, что если бы конференция состоялась, то этот факт не остался бы незамеченным со стороны её участников».

Моё правительство после опыта последних недель считало бы вполне оправданной просьбу об определённой и обязательной гарантии относительно того, чтобы никакое неожиданное действие агрессивного характера не было произведено во время переговоров и чтобы чехословацкая оборонительная система осталась неприкосновенной в течение этого периода.

Примите и проч.

ЯН МАСАРИК.

№ 32

ДОНЕСЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ПОСЛА В БЕРЛИНЕ ЛИПСКОГО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ БЕКУ[1]

Копия.

№ 1/172/38. *26 сентября 1938 г.*

Совершенно секретно.

Г-ну министру иностранных дел,

Варшава.

Посланные сегодня две телеграммы по поводу утренних бесед со статс-секретарём Вейцзекером и министром иностранных дел фон Риббентропом честь имею дополнить следующими сведениями:

Как в действительности проходила конференция в Годесберге, сказать очень трудно, т. к. до сегодняшнего дня в Берлине отсутствовали министр фон Риббентроп и статс-секретарь Вейцзекер.

Кроме того, мировая пресса была заполнена неверными слухами, вводившими в заблуждение наблюдателей.

---

[1] Перевод с польского.

В этих условиях единственным авторитетным документом явился германский меморандум — результат годесбергской конференции, — доведённый до сведения здешних представителей Польши, Венгрии и Италии. Я имел честь переслать его г-ну министру при письме от 24 текущего месяца за № 1/171/38.

Напоминаю только, что на второй день конференции в Годесберге г-н фон Риббентроп около часу дня сообщил мне, что канцлер отклонил проект пакта о ненападении и гарантиях для Чехословакии, о чём я сразу же сообщил по телеграфу.

Среди представителей польской прессы, находившихся в Годесберге (директор Дембинский от ПАТ), распространялись слухи, инспирированные англичанами, о том, что кризис в Годесберге возник вследствие требования канцлера одновременно решить всю совокупность чехословацкой проблемы, включая польские и венгерские требования.

Разряжение будто бы наступило ночью, в решающей беседе между Чемберленом и канцлером, когда последний отказался от своего требования.

Венгерский посланник, посетивший меня сегодня с утра, также утверждал, что в последней беседе с Чемберленом канцлер уступил под английским давлением, которое, между прочим, выразилось в заявлении английского премьера, что он завтра вынужден будет покинуть Годесберг.

26 września 1 38 r.

Najściślej tajne.

Do

Pana Ministra Spraw Zagranicznych

w Warszawie

17* Фотокопия первой страницы документа № 32.

Венгерский посланник полагает, что на решение канцлера повлияли также нажим германских военных кругов, опасающихся международного столкновения, и мнение высших чиновников министерства иностранных дел, которые, как это я мог проверить, постоянно предостерегают о возможности выступления Англии и Франции. Ввиду полученной информации венгерский посланник выразил также опасение, что чешское правительство, принимая сейчас германский меморандум, вернётся в дальнейшем к пакту о ненападении, но не для всей территории Чехословакии, а лишь для участка нового чешско-германского разграничения, и что канцлер под английским давлением может согласиться на это. Я сказал венгерскому посланнику, что считаю это исключённым, так как Гитлер в беседе со мной в Берхтесгадене ясно определил свою позицию в этом вопросе.

После встречи с венгерским посланником я имел в министерстве иностранных дел беседы, сначала с г-ном Вейцзекером, а затем с г-ном фон Риббентропом.

Из сделанных мне пояснений следует, что во время переговоров в Годесберге канцлер ограничился обсуждением только судетского вопроса. Он исходил из предпосылки, что, затрагивая всю совокупность проблемы, в данное время можно лишь осложнить всё дело. Наш и венгерский вопросы были косвенно выдвинуты лишь тогда, когда канцлер отклонил проект пакта о ненападении и гаран-

тии. Риббентроп сказал мне, что канцлер отклонил заключение пакта о ненападении, мотивируя это тем, что такой пакт был бы в чешских руках инструментом, направленным против требований польского и венгерского меньшинств. Гарантию же канцлер отклонил, мотивируя тем, что он должен был бы поставить её в зависимость от гарантий Польши, Венгрии и Италии. Риббентроп добавил, что английское правительство не очень настаивает на гарантии, видимо, потому, что, с точки зрения традиционной английской политики, гарантия является нежелательной.

Интересное замечание в отношении гарантий сделал Вейцзекер, заметив, что он бы нисколько не удивился, если бы Бенеш, отказываясь от гарантии других стран, потребовал бы её лишь от Франции и Англии, ставя в зависимость от этого принятие германского меморандума.

На мой вопрос, что, собственно, явилось причиной напряжения обстановки в Годесберге, Риббентроп ответил, что после беседы в Берхтесгадене Чемберлен стремился придать проблеме передачи Судетов форму, более приемлемую для общественного мнения Запада. Это подтверждает информацию, которая была Вам послана после разговора с Верманом и в которой сообщалось, что наибольшие возражения со стороны Чемберлена вызвало требование Германии относительно занятия войсками передаваемых территорий к 1-му октября. Тем не менее Риббентроп, с просьбой не разгла-

шать, уполномочил меня информировать Вас, что Чемберлен лично обязался перед канцлером приложить все усилия к тому, чтобы меморандум был принят. Для внешнего мира, это, конечно, не могло быть объявлено, поэтому в коммюнике и появилось сообщение о том, что британский премьер передаст меморандум чешскому правительству.

В приёмной Риббентропа я встретил послов Англии и Италии. Английский посол успел только сказать мне, что он считает ситуацию критической. Итальянский посол, основываясь на информации, полученной из Рима, выразил опасение относительно того, что положение Чемберлена становится затруднительным. Из этого я мог понять, что Муссолини опасается колебаний английского премьера. Итальянский посол сказал мне, что он по поручению Муссолини идёт к Риббентропу с целью повлиять на последнего в том смысле, чтобы Гитлер сегодняшней речью не обострил положения. Он предложит, чтобы Гитлер сказал, что он готов предоставить гарантии, ставя их в зависимость от соседей Чехословакии (Польша, Венгрия) и от Италии.

На мой вопрос, затронет ли канцлер в сегодняшней речи всю чехословацкую проблему, министр фон Риббентроп ответил, что он ещё не знает содержания речи и что он сегодня намеревается говорить с канцлером.

Из более отчётливых высказываний Вейцзекера и менее ясных — Риббентропа следует, что до тех

пор, пока не решён судетский вопрос, Гитлер вынужден всё своё внимание сосредоточивать на этой проблеме. Тем не менее Риббентроп заверил, что Гитлер определённо стоит за удовлетворение польских и венгерских требований.

Затем Риббентроп в довольно общей форме заявил, что он видит во всём этом деле две возможности:

1. Чешское правительство примет меморандум, после чего тотчас же наступит мирное занятие территории. На этот случай он предложил, не следует ли тогда встретиться с нами и договориться о дальнейшем поведении в польском и венгерском вопросах. Я ответил уклончиво, что, как мы уже говорили в Берхтесгадене, Ваша встреча с канцлером возможна.

2. Другой выход г-н фон Риббентроп видит в эвентуальной необходимости вторжения со стороны Германии. Здесь он спросил, вторгнемся ли и мы при таких обстоятельствах. Я ответил, что, естественно, я не могу высказаться по этому вопросу, так как это компетенция правительства.

Исключительно от своего имени я сказал, что в случае невыполнения наших требований не исключено применение силы как при вторжении, так и при мирном занятии территории Германией.

Уже под конец беседы г-н фон Риббентроп сказал, что в целях оперативности хорошо было бы в случае необходимости поддерживать контакт, на что я ничего не ответил.

Г-н Риббентроп заметил, что он в любой момент находится к моим услугам и считает непосредственный контакт очень желательным и что если бы из бесед с Вильсоном выяснилось что-либо особо важное, то он сейчас же меня информирует.

Посол Польской республики
ЮЗЕФ ЛИПСКИЙ.

№ 33

ДОНЕСЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ПОСЛА В БЕРЛИНЕ ЛИПСКОГО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ БЕКУ[1]

Копия.

ПОСОЛЬСТВО ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В БЕРЛИНЕ
№ 1/182/38.

Совершенно секретно.
27 сентября 1938 года.

Г-ну министру иностранных дел,
Варшава.

I. Сегодня в 7 часов меня пригласил на беседу в министерство иностранных дел статс-секретарь г-н Вейцзекер. Затем, по приглашению г-на фон Риббентропа, состоялась беседа с ним.

Г-н фон Вейцзекер информировал меня о результатах сегодняшней беседы сэра Горация Вильсона с канцлером. При этом он зачитал стенограмму.

В этой беседе канцлер занял ту позицию, что чешское правительство должно принять меморандум, и заявил, что он с этой позиции не сойдёт.

Во время беседы сэр Гораций Вильсон следующим образом определил возможность выступления

[1] Перевод с польского.

Ambasada R.P. Berlin

KG

N/1/180/39.

27 września 1938 r.

Najściślej tajne.

W dniu dzisiejszym zaprosił mnie na rozmowę do Auswärtiges Amt sekretarz stanu p. Weizsäcker o godz. 7-ej, następnie na zaproszenie p. von Ribbentropa odbyłem z nim rozmowę.

P. von Weizsäcker poinformował mnie o rezultacie dzisiajszej rozmowy Sir Horace Wilsona z Kanclerzem, przy czym odczytał stenogram. Kanclerz w rozmowie tej stanął na stanowisku, iż memorandum musi być przyjęte przez Rząd Czeski i że on z tego stanowiska się nie cofnie. W trakcie rozmowy Sir Horace Wilson w ten sposób – cytuje stenogram dosłownie – określił możliwe wystąpienie Anglii przeciwko Niemcom: "Wenn die Tschechoslowakei das Memorandum ablehnt, wisse man nicht, wo die Sache ende. Wenn Deutschland die Tschechoslowakei angreift, so würde Frankreich der Tschechoslowakei gegenüber ihre vertraglichen Verpflichtungen erfüllen. Wenn dieser Fall eintrete und dabei die französischen Streitkräfte in Feindseligkeiten mit Deutschland verwickelt werden – ob dies eintreten würde, wisse er nicht – dann wird sich England verpflichtet fühlen, Frankreich Hilfe zu leisten." P. von Weizsäcker wyjaśni że Wilson precyzował te słowa, zaznaczając, iż oddaje wiernie myśl Chamberlaina.

Do
Pana Ministra Spraw Zagranicznych
Warszawa

Фотокопия первой страницы документа № 33.

Англии против Германии (цитирую стенограмму дословно):

«Если Чехословакия отклонит меморандум, то неизвестно, чем окончится дело. Если Германия нападёт на Чехословакию, то Франция выполнит свои договорные обязательства по отношению к Чехословакии, и если это случится и при этом французские вооружённые силы ввяжутся в войну с Германией, — случится ли это, он этого не знает, — то Англия будет считать себя обязанной оказать помощь Франции» [1].

Г-н фон Вейцзекер пояснил, что Вильсон, подчёркивая эти слова, заявил, что они верно передают мысль Чемберлена.

Я сказал Вейцзекеру, что эта формула является типичной для английской политики. Г-н Вейцзекер далее отметил, что Вильсон в ходе беседы указал на возможность англо-германского соглашения по ряду вопросов. Одновременно он усиленно подчеркнул необходимость избежать катастрофы. В конце беседы он якобы отметил, что будет действовать в этом направлении.

Г-н фон Риббентроп, с которым я имел беседу после этого, считает, что английское правительство ещё сделает весьма сильный нажим на Прагу, чтобы последняя приняла меморандум. На мой вопрос, остаётся ли в силе завтрашняя дата и срок — 2 часа

---

[1] Цитата из стенограммы, взятая в кавычки, приведена в оригинале на немецком языке. — *Прим. ред.*

пополудни, статс-секретарь ответил мне, что потому, собственно, он и просил меня сохранить всё это в абсолютной тайне, чтобы этот срок нигде не стал известен. Таким образом, он является условным.

II. Затем, в соответствии с сегодняшней Вашей телеграммой, я информировал как министра иностранных дел, так и статс-секретаря о ходе наших переговоров с Прагой, подчеркнув, что мы не позволим поймать себя в ловушку и будем требовать конкретных решений.

III. Г-н фон Вейцзекер, имевший перед собой карту генерального штаба, отметил, что он хотел бы, чтобы завтра наш военный атташе, с соответствующим компетентным лицом из штаба, нанёс на карте демаркационную линию с тем, чтобы на случай возможных операций не произошло столкновения между нашими вооружёнными силами.

Я ответил г-ну фон Вейцзекеру, что прежде всего я считаю необходимым установить с ним территорию наших политических интересов в Чехословакии. Поскольку г-н Вейцзекер не имел при себе такой карты, я условился с ним, что завтра, пораньше, мы обсудим этот вопрос. Вопрос о разграничении, в случае необходимости, сфер военными экспертами временно был отложен.

IV. Когда беседа со статс-секретарём перешла на общие темы, мы коснулись позиции Франции и Англии.

Г-н Вейцзекер сказал, что его служебный аппарат информирован о позиции Франции, к сожалению, слабо, так как французский посол Франсуа-Понсэ вот уже почти две недели не показывается в министерстве иностранных дел и получает информацию из другого источника, а посла Вельчека нет в Париже. Статс-секретарь констатирует вместе с тем значительное охлаждение французского общественного мнения.

V. При общем обмене мнений с г-ном фон Риббентропом он подчеркнул своё предположение, о котором я упомянул выше, что английская сторона произведёт ещё весьма сильный нажим на Прагу. Он полагает, что английское правительство сделает всё возможное, чтобы мирно урегулировать вопрос и не допустить вооружённого конфликта. Он считается с возможностью локализованного конфликта, однако, не исключает, как он сказал, и всеобщего конфликта, к которому он подготовлен. Ссылаясь на предыдущие с ним беседы, я констатировал важность локализации конфликта.

Что касается России, г-н Риббентроп настроен скорее оптимистично.

На вопрос г-на фон Риббентропа, выступит ли Польша в случае, если меморандум будет принят мирным путём, я ответил, что не могу предрешить позиции своего правительства.

Затем г-н фон Риббентроп высказал предположение, что чехи не примут меморандума, и тогда, как он выразился, Чехия будет уничтожена. Он,

между прочим, поставил вопрос, выступим ли мы в этом случае активно и в какой момент. Причём, из его слов я мог заключить, что г-н Риббентроп понимает, что, поскольку главным бременем для польского правительства является восточная граница, оно приняло бы участие в конфликте лишь тогда, когда стало бы ясным, носит ли конфликт местный характер или это мировая война. На случай занятия Германией всей Чехословакии г-н фон Риббентроп считает полезным ещё более уточнить взаимные политические и военные интересы. Он просил, чтобы я обратил на это Ваше особое внимание и получил инструкции.

VI. 1) В заключение имею честь констатировать, что дальнейшие переговоры о германском меморандуме уже беспредметны, так как канцлер окончательно определил свою позицию в беседе с Вильсоном.

2) Ввиду конкретного предложения статс-секретаря о создании демаркационной линии на территории наших интересов в Тешинском районе, я просил бы, по согласовании с генштабом, выслать мне инструкции.

3) Прошу также выслать инструкции на случай военных действий и выхода Германии за линию её непосредственных интересов в Чехословакии, на что намекал г-н Риббентроп.

Посол Польской республики
ЮЗЕФ ЛИПСКИЙ.

№ 34

ИНФОРМАЦИЯ О ХОДЕ МЮНХЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ ОТ ГЕРМАНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В МЮНХЕНЕ[1]

Секретно.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.
19 ч. 00 м.

Младшему статс-секретарю министерства иностранных дел
Берлин.
Передать с нарочным!

Срочно! *Срочно!*
С последующим подтверждением получения младшим статс-секретарём.
Строго секретно!

В 12 ч. 45 м. фюрер открыл совещание и выразил прибывшим главам правительств свою благодарность за то, что они приняли его приглашение прибыть в Мюнхен. Он добавил, что хочет прежде всего дать краткий очерк чешского вопроса, как он представляется в данный момент. Существование Чехословакии в её настоящем виде угрожает миру

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

в Европе. Немецкое, венгерское, словацкое, польское и карпато-русское меньшинства, которые против их воли были втиснуты в это государство, восстают против его дальнейшего существования. Он, фюрер, может выступить здесь только от имени немецкого меньшинства.

В интересах европейского мира эта проблема должна быть разрешена в кратчайший срок, а именно путём выполнения чешским правительством данных им обещаний о передаче [территории]. Германия не может больше смотреть на несчастье и нищету судетских немцев. Растёт количество сообщений об уничтожении собственности. Население подвергается варварскому преследованию. С того времени, как он, фюрер, в последний раз беседовал с г-ном Чемберленом, количество беженцев увеличилось до 240 000 и потоку их не видно конца. Кроме того, необходимо положить конец политическому, военному и экономическому напряжению, ставшему невыносимым. Это напряжённое положение требует решения проблемы в течение нескольких дней, так как неделями ждать уже больше нельзя. Идя навстречу желанию главы итальянского правительства Муссолини, он, фюрер, изъявил готовность отложить на 24 часа мобилизацию в Германии. Дальнейшее промедление было бы преступлением. Для решения этой проблемы здесь собрались ответственные государственные деятели Европы, и он констатирует, что расхождения между ними минимальны, так как, во-первых, все согласны в том, что территория должна

Ausfertigung

München, den 29. September 1938
19 00 Uhr.

Für Unterstaatssekretär Auswärtiges Amt, Berlin

Durch besonderen Boten abtragen!

S o f o r t ! S o f o r t !

Empfangsbestätigung des Unterstaatssekretärs hierher.

S t r e n g g e h e i m !

Der Führer eröffnete um 12.45 Uhr die Besprechungen und sprach den erschienenen Regierungschefs seinen Dank dafür aus, daß sie seiner Einladung nach München gefolgt seien. Er fügte hinzu, er wolle zunächst einen kurzen Abriß der tschechischen Frage, wie sie sich augenblicklich darstelle, geben. Die Existenz der Tschechoslowakei bedrohe in ihrer gegenwärtigen Gestalt den europäischen Frieden. Die deutschen, ungarischen, slowakischen, polnischen und karpathorussischen Minderheiten, die gegen ihren Willen in diesen Staat hineingepreßt worden seien, revoltierten gegen das Fortbestehen dieses Staates. Er, der Führer, könne nur als Sprecher für die deutschen Minderheiten auftreten.

Im Interesse des europäischen Friedens müsse das Problem in der kürzesten Frist gelöst werden, und zwar gelte die Einlösung des von der Tschechischen Regierung abgegebenen Versprechens der Übergabe. Deutschland könne das Jammer und Elend der sudetendeutschen Bevölkerung nicht länger zusehen. In zunehmendem Maße liefen Nachrichten über Zerstörung von Eigentum ein

die

18* Фотокопия первой страницы документа № 34.

быть уступлена Германии, и, во-вторых, что Германия не имеет других притязаний, кроме как на эту территорию. Точное определение того, о какой именно территории идёт речь, нельзя предоставить решению комиссии. Для этого скорее требуется плебисцит, тем более, что вот уже двадцать лет как в Чехословакии не было свободных выборов. В своей речи в Спортпаласе он заявил, что 1-го октября он во всяком случае вступит [1] (einmarschieren würde). На это ему тогда ответили, что эта акция будет носить насильственный характер. Таким образом, задача заключается в том, чтобы лишить эту акцию подобного характера. Нужно, однако, действовать немедленно, прежде всего по той причине, что нельзя больше смотреть на преследования, а также и потому, что ввиду колебаний в Праге нельзя больше терпеть промедления. С военной точки зрения оккупация никакой проблемы не представляет, так как продвигаться во всех направлениях пришлось бы на небольшую глубину. Таким образом, при желании можно очистить территорию в течение десяти дней, он убеждён, даже в 6—7 дней. Идя навстречу общественному мнению Англии и Франции, он оставляет открытым вопрос о вводе германских войск в те районы, в которых будет проведён плебисцит. Но в этом случае чехи со своей стороны должны сделать то же самое, чтобы для обеих сторон были созданы одинаковые условия. О формах передачи можно ещё

---

[1] В пределы Чехословакии. — *Прим. ред.*

поговорить, но действовать нужно быстро. Нельзя долго терпеть такого положения, когда в Европе, как это имеет место в данный момент, вооружённые государства противостоят друг другу.

Премьер-министр Чемберлен поблагодарил сначала фюрера за приглашение на совещание. Он поблагодарил также и дуче, по инициативе которого, если он правильно понял, состоялось сегодняшнее совещание. Это совещание даёт Европе новую передышку, в то время как ещё вчера катастрофа казалась в непосредственной близости. Он вполне согласен с тем, что нужно действовать быстро, и он особо приветствует заявление фюрера о том, что он не хочет применять насилие, а желает создать порядок. Если к проблеме подойти в таком духе, то он уверен, что будут достигнуты результаты.

Глава итальянского правительства заявил, что в принципе все уже договорились и что сейчас речь идёт только о том, чтобы претворить теорию в практику. Особую важность приобретает при этом вопрос о сроке. Каждое промедление является источником опасностей. Он особенно настаивает на ускорении действий, потому что ускорение в данном случае полностью совпадает со справедливостью. Лучше всего ещё сегодня притти к соглашению, так как промедление даже на 24 часа вызвало бы новое беспокойство и новые подозрения. В целях практического решения проблемы, он вносит следующее предложение (см. приложение 1) [1].

[1] Приложение в деле отсутствует. — *Прим. ред.*

Французский премьер-министр Даладье также поблагодарил фюрера за его инициативу. Он рад, что ему представилась возможность лично встретиться с фюрером. План такой встречи существовал и раньше, но, к сожалению, обстоятельства до сих пор мешали его осуществлению, но французская поговорка гласит: «Лучше поздно, чем никогда».

Премьер-министр Даладье высказал затем также дуче своё особое восхищение его шагом, который, надо надеяться, поведёт к разрешению настоящего вопроса. Он, как и г-н Чемберлен, придерживается мнения, что действовать надо с величайшей быстротой. Он особо приветствует проникнутое духом объективности и реализма предложение дуче, которое он принимает в качестве основы для дискуссии. Это, конечно, не означает, что он согласен со всеми пунктами, так как следует принять во внимание и вопросы экономики, дабы не создать почву для будущих войн. И, наконец, остаётся нерешённым вопрос об организации плебисцита и разграничении данной зоны. Он упоминает об этих пунктах лишь потому, что не изучил ещё только что оглашённого предложения. Но уже теперь он может принять его за основу для дискуссии.

Премьер-министр Чемберлен также приветствовал предложение дуче и заявил, что и он мыслил себе решение вопроса в духе этого предложения. Что касается требующихся от Англии гарантий, то он приветствовал бы, если бы здесь присутствовал

представитель чешского правительства, так как Англия, естественно, не может дать гарантий в том, что территория будет эвакуирована к 10 октября и что не будут иметь место никакие разрушения, если на этот предмет не будет дано заверения чешским правительством.

Фюрер ответил на это, что он вовсе не заинтересован в заверении чешского правительства, так как именно это правительство как раз и производит разрушения. Вопрос заключается именно в том, как заставить чешское правительство принять это предложение. Существует единое мнение в отношении того, что Германии будет уступлена эта территория. Однако чехи утверждают, что не могут очистить территорию до того, как будут возведены новые укрепления и приняты решения экономического характера.

Премьер-министр Даладье ответил, что французское правительство ни в коем случае не потерпит проволочек в этом деле со стороны чешского правительства. Чешское правительство дало своё слово и должно его сдержать. Не может быть и речи о том, чтобы откладывать эвакуацию области до той поры, когда будут возведены новые укрепления. Этот пункт он просит полностью исключить из дискуссии, ибо чешское правительство получит гарантию за свои уступки. Вообще же он, как и г-н Чемберлен, считает, что присутствие чешского представителя, с которым можно было бы в нужном случае проконсультироваться, было бы полезным. Это кажется ему полезным в первую очередь для того,

чтобы избежать беспорядков, которые могут легко возникнуть в таком деликатном деле, как уступка территории. Нужно сделать всё, чтобы предотвратить хаос.

Фюрер ответил на это, что если запрашивать согласия чешского правительства по каждой детали, то нельзя ожидать решения раньше чем через 14 дней. Предложение дуче предусматривает создание комиссии, в которой будет заседать также и представитель чешского правительства. Он заинтересован прежде всего в гарантиях великих держав, которые должны использовать свой авторитет для того, чтобы чешское правительство прекратило преследования и разрушения.

Премьер-министр Чемберлен ответил на это, что и он не считает нужным больше ждать. Но прежде чем он возьмёт на себя гарантию, он должен знать, сможет ли он её выполнить; по этой причине он и приветствовал бы, если бы в соседней комнате находился представитель Праги, от которого можно было бы получить заверения.

Фюрер ответил, что в настоящее время такого чешского представителя, который мог бы авторитетно говорить от имени своего правительства, здесь не имеется. Его интересует вопрос, что произойдёт, если чешское правительство не примет предложений великих держав. В настоящий момент разрушено 247 мостов и ещё большее количество домов.

Итальянский премьер-министр заявил, что и ему кажется невозможным ожидать чешского пред-

ставителя. Великие державы должны взять на себя моральную гарантию за эвакуацию и недопущение разрушений. Они должны указать в Праге на то, что чешское правительство должно принять эти требования, в противном же случае оно должно будет нести последствия военного характера. Речь идёт о своего рода просьбе великих держав, которые будут нести моральные обязательства за то, чтобы эта территория не была передана совершенно опустошённой.

Премьер-министр Чемберлен ответил, что он охотно имел бы здесь чешского представителя, а, впрочем, сроки, которые предложил дуче, он считает весьма разумными. Он готов поставить под этим свою подпись и сообщить чешскому правительству, что ему следует их принять. Он не может, однако, брать на себя никакой гарантии, пока он не знает, как он сможет её выполнить. Кроме того, следует разрешить несколько отдельных вопросов: какие полномочия будет иметь международная комиссия и какой режим будет господствовать на территории, когда эта последняя будет эвакуирована? Он не сомневается в том, что фюрер поддержит порядок и позаботится о том, чтобы не подвергались преследованиям те жители, которые настроены против аншлюсса. Однако некоторые пункты германского меморандума вызвали в Англии недоразумения. Так, например, там задавали себе вопрос, что должен обозначать тот пункт, по которому с этой территории нельзя угонять скот. Означает ли это, что крестьяне будут высланы, а их скот останется?

Фюрер ответил, что на территории, которая должна отойти к Германии, будут, само собой разумеется, действовать германские законы. Впрочем, сейчас имеет место как раз обратное. В настоящее время чехи угоняют скот, принадлежащий немецким крестьянам, а не наоборот. Решающим представляется то, будет ли этот вопрос рассматриваться как германо-чешский конфликт, который будет разрешён в течение 14 дней, или же как проблема европейского значения. Если речь идёт о европейской проблеме, тогда великие державы должны бросить на чашу весов свой авторитет и взять на себя ответственность за то, чтобы передача произошла в надлежащей форме. В том же случае, если чешское правительство не пожелает принять эти предложения, будет ясно, что величайший авторитет морального характера, который вообще должен был бы существовать, а именно, авторитет, воплощённый в подписях собравшихся здесь четырёх государственных деятелей, окажется недостаточным. В этом случае вопрос сможет быть решён только применением силы.

Премьер-министр Чемберлен ответил, что не имеет никаких возражений против предложенных сроков. Чешский вопрос является европейским вопросом, и его решение является для великих держав не только правом, но и долгом. Они должны также позаботиться о том, чтобы чешское правительство по безрассудству и упрямству не отказалось от очищения территории. Он хотел бы правиль-

но применить авторитет великих держав и поэтому предлагает сначала раздать план дуче и на короткое время прервать заседание, чтобы можно было изучить этот план. Такая процедура не означает промедления.

Премьер-министр Даладье сказал, что он принял на себя ответственность уже в Лондоне, когда он, не запросив чешское правительство, в принципе дал своё согласие на передачу немецких областей. Он встал на эту точку зрения, несмотря на то, что между Францией и Чехословакией имеется союзный договор. В том случае, если привлечение к работам совещания представителя Праги наталкивается на трудности, он готов отказаться от этого, так как всё дело в том, чтобы вопрос был решён быстро.

Фюрер ответил на это, что если документ с подписями четырёх государственных деятелей всё-таки будет отвергнут пражским правительством, то значит Прага, в конечном счёте, уважает только силу.

Принял: ***ГЕЙНИШ.***

2-13.37

Die tschechische Frage sei eine europäische Frage, und die Großmächte hätten sie zu lösen nicht nur das Recht, sonder auch die Pflicht. Sie hätten auch dafür zu sorgen, daß die Tschechische Regierung nicht aus Unvernunft und Hartnäckigkeit die Räumung ablehne. Er habe den Wunsch, die Autorität der Großmächte in der richtigen Weise anzuwenden, und darum habe er vor, den Plan des Duce zunächst zu verteilen und die Sitzung auf kurze Zeit zu unterbrechen, damit dieser Plan studiert werden könne. Ein solches Verfahren bedeute keine Verzögerung.

Ministerpräsident Daladier führte aus, daß er bereits seine Verantwortung in London übernommen habe, als er, ohne die Tschechische Regierung zu fragen, aus Prinzip die Abtretung des deutschen Gebiets angenommen habe. Er habe diesen Standpunkt eingenommen, obwohl Frankreich einen Bündnisvertrag mit der Tschechoslowakei habe. Falls die Zuziehung eines Prager Vertreters Schwierigkeiten mache, sei er bereit, darauf zu verzichten, denn es komme darauf an, daß die Frage schnell gelöst werde.

Der F ü h r e r erwiderte hierauf, daß, wenn ein Dokument mit den Unterschriften der vier Staatsmänner trotzdem von der Prager Regierung abgelehnt werde, letzten Endes Prag nur die Gewalt respektiere.

Angenommen: Heinisch

Фотокопия последней страницы документа № 34.

№ 35

ТЕКСТ СОГЛАШЕНИЯ, ЗАКЛЮЧЁННОГО В МЮНХЕНЕ[1]

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ, СОЕДИНЁННЫМ КОРОЛЕВСТВОМ, ФРАНЦИЕЙ И ИТАЛИЕЙ, ЗАКЛЮЧЁННОЕ В МЮНХЕНЕ 29 сентября 1938 года

Германия, Соединённое королевство, Франция и Италия, согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области, договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая в отдельности за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения.

[1] Печатается по фотокопии, имеющейся в делах бывш. МИД Германии, находящихся в распоряжении Архивного управления МИД СССР. Опубл. «Further documents respecting Czechoslovakia», Miscellaneous № 8, 1938 Cmd. 5848. («Последующие документы, относящиеся к Чехословакии», № 8, 1938 г.). — *Прим. ред.*

1) Эвакуация начинается с 1 октября.

2) Соединённое королевство, Франция и Италия согласились о том, что эвакуация территории будет закончена к 10 октября, причём не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений [1], и что чехословацкое правительство несёт ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений.

3) Формы эвакуации будут установлены в деталях международной комиссией, состоящей из представителей Германии, Соединённого королевства, Франции, Италии и Чехословакии.

4) Происходящее по этапам занятие германскими войсками районов с преобладающим немецким населением начинается с 1 октября. Четыре зоны, обозначенные на прилагаемой карте [2], будут заняты германскими войсками в следующем порядке:

Зона, обозначенная цифрой I, — 1 и 2 октября, зона, обозначенная цифрой II, — 2 и 3 октября, зона, обозначенная цифрой III, — 3, 4 и 5 октября, зона, обозначенная цифрой IV, — 6, 7 октября.

Остальная область, имеющая преимущественно немецкий характер, будет незамедлительно определена вышеупомянутой международной комиссией, и она будет занята германскими войсками до 10 октября.

5) Упомянутая в параграфе 3 международная комиссия определит районы, в которых должен

[1] В немецком оригинале: «Einrichtungen». — *Прим. ред.*

[2] Не воспроизводится. — *Прим. ред.*

Abkommen

zwischen Deutschland, dem Vereinigten Königreich, Frankreich und Italien, getroffen in München, am 29. September 1938.

Deutschland, das Vereinigte Königreich, Frankreich und Italien sind unter Berücksichtigung des Abkommens, das hinsichtlich der Abtretung des sudetendeutschen Gebiets bereits grundsätzlich erzielt wurde, über folgende Bedingungen und Modalitäten dieser Abtretung und über die danach zu ergreifenden Massnahmen übereingekommen und erklären sich durch dieses Abkommen einzeln verantwortlich für die zur Sicherung seiner Erfüllung notwendigen Schritte.

1.) Die Räumung beginnt am 1.Oktober.

2.) Das Vereinigte Königreich, Frankreich und Italien vereinbaren, dass die Räumung des Gebiets bis zum 10.Oktober vollzogen wird, und zwar ohne Zerstörung irgendwelcher bestehender Einrichtungen, und dass die Tschechoslowakische Regierung die Verantwortung dafür trägt, dass die Räumung ohne Beschädigung der bezeichneten Einrichtungen durchgeführt wird.

1713

Фотокопия первой страницы немецкого текста мюнхенского соглашения от 29 сентября 1938 г.

7.) Es wird ein Optionsrecht für den Übertritt in die abgetretenen Gebiete und für den Austritt aus ihnen vorgesehen. Die Option muss innerhalb von sechs Monaten vom Zeitpunkt des Abschlusses dieses Abkommens an ausgeübt werden. Ein deutsch-tschechoslowakischer Ausschuss wird die Einzelheiten der Option bestimmen, Verfahren zur Erleichterung des Austausches der Bevölkerung erwägen und grundsätzliche Fragen klären, die sich aus diesem Austausch ergeben.

.) Die Tschechoslowakische Regierung wird innerhalb einer Frist von vier Wochen vom Tage des Abschlusses dieses Abkommens an alle Sudetendeutschen aus ihren militärischen und polizeilichen Verbänden entlassen, die diese Entlassung wünschen. Innerhalb derselben Frist wird die Tschechoslowakische Regierung sudetendeutsche Gefangene entlassen, die wegen politischer Delikte Freiheitsstrafen verbüssen.

München, den 29. September 1938.

Фотокопия последней страницы немецкого текста мюнхенского соглашения от 29 сентября 1938 г.

состояться плебисцит. Эти районы до окончания плебисцита будут заняты международными воинскими частями. Эта же международная комиссия должна определить порядок проведения плебисцита, причём за основу следует принять порядок проведения плебисцита в Саарской области. Международная комиссия назначит также день проведения плебисцита; однако этот день не должен быть назначен позже конца ноября.

6) Окончательное определение границ поручается международной комиссии. Этой международной комиссии предоставляется право, в известных исключительных случаях, рекомендовать четырём державам — Германии, Соединённому королевству, Франции и Италии незначительные отклонения от строго этнографического принципа в определении зон, подлежащих передаче без проведения плебисцита.

7) Предусматривается право оптации для желающих переселиться в уступаемые районы, а также для желающих покинуть эти районы. Оптация должна быть произведена в течение шести месяцев с момента заключения настоящего соглашения. Германо-чехословацкая комиссия определит детали оптации, изыщет меры облегчения обмена населением и выяснит принципиальные вопросы, вытекающие из этого обмена.

8) Чехословацкое правительство в течение четырёх недель со дня заключения настоящего соглашения освободит от несения военной и полицейской службы всех судетских немцев, которые этого

пожелают. В течение этого же срока чехословацкое правительство освободит судетских немцев, отбывающих заключение за политические преступления.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

ГИТЛЕР
ЭД. ДАЛАДЬЕ
МУССОЛИНИ
НЕВИЛЬ ЧЕМБЕРЛЕН

Дополнение к соглашению

Правительство его величества в Соединённом королевстве и французское правительство присоединились к настоящему соглашению, памятуя, что они поддерживают предложения, содержащиеся в параграфе 6-м англо-французских предложений от 19 сентября о международных гарантиях новых границ Чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии [1].

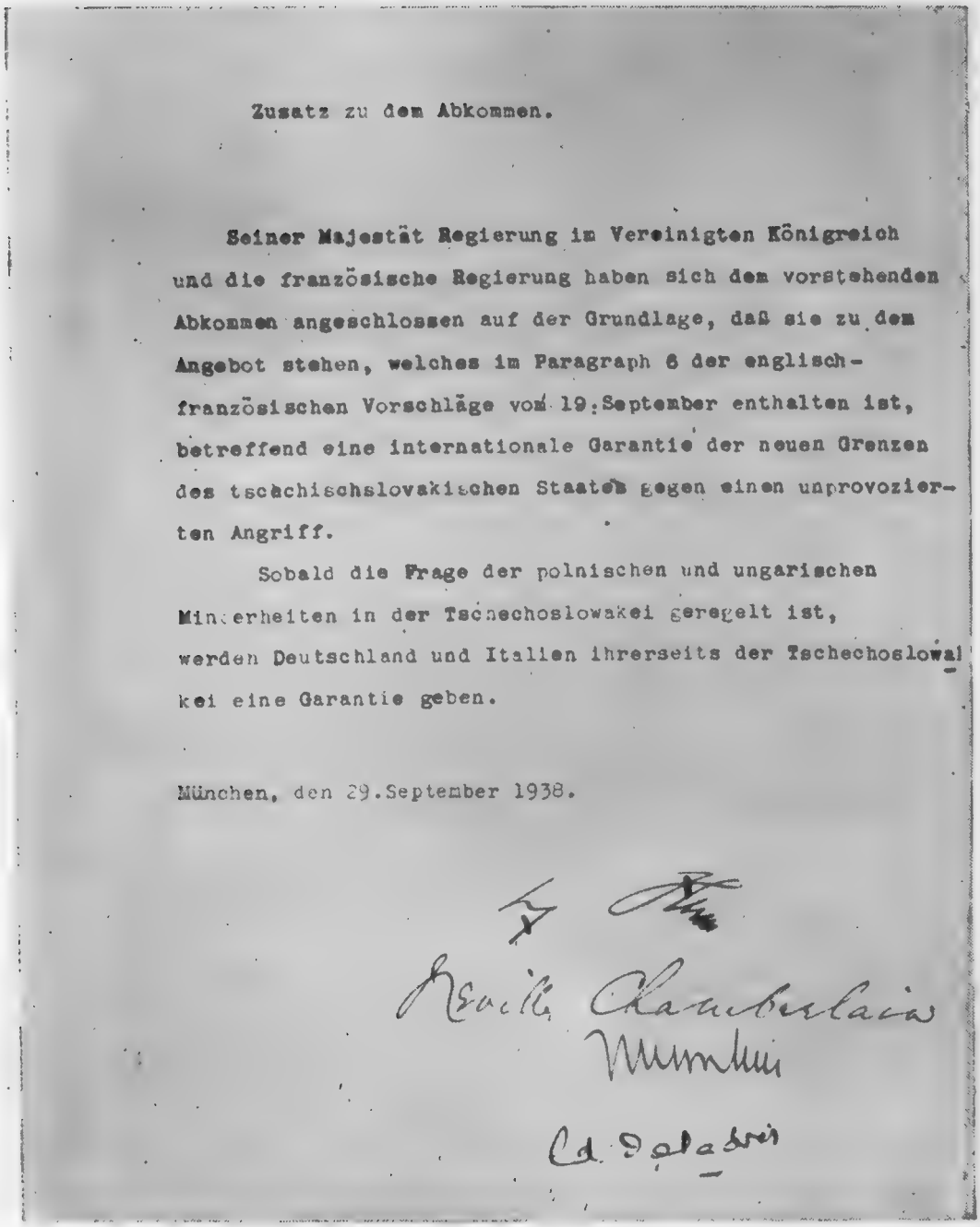
Как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

(Следуют те же подписи)

---

[1] См. выше, документ № 22.



Zusatz zu dem Abkommen.

Seiner Majestät Regierung im Vereinigten Königreich und die französische Regierung haben sich dem vorstehenden Abkommen angeschlossen auf der Grundlage, daß sie zu dem Angebot stehen, welches im Paragraph 6 der englisch-französischen Vorschläge vom 19.September enthalten ist, betreffend eine internationale Garantie der neuen Grenzen des tschechischslovakischen Staates gegen einen unprovozierten Angriff.

Sobald die Frage der polnischen und ungarischen Minderheiten in der Tschechoslowakei geregelt ist, werden Deutschland und Italien ihrerseits der Tschechoslowakei eine Garantie geben.

München, den 29.September 1938.

Фотокопия немецкого текста дополнения к мюнхенскому соглашению от 29 сентября 1938 г.

Zusätzliche Erklärung.

Die Regierungschefs der vier Mächte erklären, daß das Problem der polnischen und ungarischen Minderheiten in der Tschechoslowakei, sofern es nicht innerhalb von drei Monaten durch eine Vereinbarung unter den betreffenden Regierungen geregelt wird, den Gegenstand einer weiteren Zusammenkunft der hier anwesenden Regierungschefs der vier Mächte bilden wird.

München, 29. September 1938.

Фотокопия немецкого текста дополнительной декларации к мюнхенскому соглашению от 29 сентября 1938 г.

Дополнительная декларация

Главы правительств четырёх держав согласны в том, что предусмотренная настоящим соглашением международная комиссия будет состоять из статс-секретаря германского министерства иностранных дел, аккредитованных в Берлине английского, французского и итальянского послов и из одного представителя, который будет назначен чехословацким правительством.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

(Следуют те же подписи)

Дополнительная декларация

Все вопросы, вытекающие из передачи территории, подлежат компетенции международной комиссии.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

(Следуют те же подписи)

Дополнительная декларация

Главы правительств четырёх держав заявляют, что если в течение ближайших трёх месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путём соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырёх держав, присутствующих здесь.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

(Следуют те же подписи)

№ 36

ЗАПИСКА КОРДТА О МЮНХЕНСКОМ СОВЕЩАНИИ[1]

Копия.

Секретно.

ЗАПИСКА
О МЮНХЕНСКОМ СОВЕЩАНИИ
29 сентября 1938 г. 4 часа 30 минут.

По предложению дуче было прежде всего решено обсудить пункт за пунктом итальянское предложение, представленное делегациям утром. В первую очередь был единогласно принят пункт 1 (начало эвакуации 1. X).

По пункту 2 фюрер заявил, что если и по нему будет достигнуто согласие, вопрос о формах не вызовет больших затруднений. Его предложение сводится к тому, чтобы прежде всего установить по карте определённые этапы германской оккупации, формы которой потом могли бы быть установлены

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

Abschrift.

238

A u f z e i c h n u n g

über die Münchener Besprechung um 4 Uhr 30

am 29. September 1938.

Auf Vorschlag des Duce wurde zunächst beschlossen, den am Vormittag den Delegationen unterbreiteten italienischen Vorschlag Punkt für Punkt zu besprechen. Zunächst wurde Punkt 1) (Beginn der Räumung am 1.10) einstimmig angenommen.

Zu Punkt 2) führte der Führer aus daß, falls auch über diesen Punkt Einverständnis erzielt werden könne, die Frage der Modalitäten keine großen Schwierigkeiten mehr bereiten würde. Sein Vorschlag gehe dahin, zunächst auf der Karte gewisse Etappen der deutschen Besetzung festzulegen, deren Modalitäten alsdann in einer Kommission, in der auch ein tschechischer Vertreter sitzen werde, festgelegt werden könnten.

Min.Präs. Chamberlain erklärte sich mit dem in Punkt 2) festgelegten Datum der Beendigung der Räumung des deutschen Gebiets, dem 10.Oktober, einverstanden. Er äußerte jedoch Zweifel über die Möglichkeit, eine Garantie an Deutschland zu geben, solange er nicht wisse, wie die Tschechoslowakei sich zur Räumungsfrage verhalte.

Zu der Frage, ob sich die Gewährung der im italienischen Vorschlag vorgesehenen Garantie die vorherige Zustimmung der Tschechoslowakei empfehlen würde, antwortete der Führer Mr.Chamberlain anzuregen schien. Außerte sich Daladier dahingehend,daß ihm eine derartige Zustimmung nicht notwendig erschiene.

Hr

Фотокопия первой страницы документа № 36.

в комиссии, в которой будет участвовать и чешский представитель.

Премьер-министр Чемберлен заявил о своём согласии с установленной в пункте 2 датой окончания эвакуации немецкой области, а именно 10 октября. Он высказал, однако, сомнение в возможности дать Германии гарантии до тех пор, пока он не знает, как отнесётся Чехословакия к вопросу об эвакуации.

По вопросу о том, необходимо ли для предоставления предусмотренной в итальянском предложении гарантии запросить предварительно Чехословакию о её согласии, как, повидимому, желал бы мистер Чемберлен, Даладье сказал, что ему такого рода согласие не кажется необходимым. В своё время в Англии [1] он тоже согласился в принципе с уступкой чехословацкой территории без предварительного запроса чехословацкого правительства, несмотря на существование франко-чешского пакта; он и в настоящее время стоит на той точке зрения, что раз обещанное должно быть выполнено. Упоминавшееся во время дискуссии возражение Чехословакии о том, что эвакуация может последовать только после того, как будут закончены новые укрепления на чешской территории, Даладье также отклонил, сославшись на англо-французскую гарантию. Эвакуация чисто немецкой области может быть поэтому закончена быстро; трудности возникнут лишь там, где имеются отдельные языковые островки. В таких

[1] В тексте, очевидно, опечатка: вместо «in England» стоит: «an England». — *Прим. ред.*

районах он считает целесообразной международную оккупацию английскими, итальянскими и французскими войсками. Кроме того, по его мнению, необходимо в дополнение к вильсоновскому принципу самоопределения учитывать географические, экономические и политические реальные факторы. К тому же в отношении языковых островков можно также применить принцип обмена населением, применяющийся в Греции, Турции, Болгарии и Польше.

Фюрер заявил о своём согласии, чтобы районы со спорным национальным большинством не были оккупированы германскими войсками, а сначала были бы оккупированы международными воинскими соединениями. Он готов проявить великодушие в вопросе об установлении границ территории в том случае, если будет принят пункт 2. Выдвинутый г-ном Даладье тезис о необходимости учитывать при проведении границы также и географические, экономические и политические моменты представляется ему опасным, так как это тот же самый тезис, которому чехословацкое государство обязано своим возникновением в 1918 году. Тогда была создана формация в экономическом отношении жизнеспособная, а в национальном отношении нежизнеспособная. Кроме того, трудности экономического характера легче устранимы, чем национальные, тем более, что Чехословакия, не являющаяся нацией старой культуры, не может ассимилировать немецкое население.

После длительного обсуждения различного значения слова «гарантия» в Англии и на континенте

редакционной комиссии было поручено заново сформулировать этот пункт. После длительного обсуждения эта комиссия выработала преамбулу, имеющуюся в тексте договора, а также заново сформулировала пункт 2.

С этого момента переговоры приняли форму обсуждения отдельных вопросов, причём с картой в руках были определены зоны, подлежащие эвакуации, и районы, где должен быть проведён плебисцит. В процессе переговоров Даладье предложил произвести обмен значительной зоны с преобладающим немецким населением на силезской границе, в которой имеются чешские укрепления, на соответствующие чешские территории в Богемском лесу, заметив при этом, что наличие чешских укреплений не является единственным основанием для этого предложения. Он вносит его также с учётом политических отношений и психологических моментов.

Фюрер отклонил это предложение, сославшись на немецкий характер данной области, однако после длительных переговоров согласился принять внесённую в текст договора формулировку об исправлении границ (см. пункт 6 мюнхенского соглашения).

Даладье выразил фюреру за это горячую благодарность и заявил, что принятие этой формулировки значительно облегчит ему его позиции во Франции. Возвратившись во Францию, он скажет, что фюрер сделал этот жест из личного внимания к нему (Даладье).

В результате отдельных бесед между главами правительств было достигнуто соглашение по ряду пунктов, которые были потом окончательно сформулированы редакционной комиссией четырёх держав при участии юрисконсультов делегаций и были заслушаны в первом чтении около 10 часов вечера. Окончательный текст договора был готов к 11 часам, и с 11 до 12 часов состоялось его подписание на четырёх языках. Одновременно были приняты: дополнительная декларация о разрешении проблемы польских и мадьярских меньшинств на основе предложения Муссолини; далее дополнительное соглашение о гарантии новых границ чешского государства; дополнительная декларация, согласно которой все вопросы, возникающие в связи с передачей территории, подлежат компетенции международной комиссии, которая должна быть создана, а также ещё одна дополнительная декларация о составе международной комиссии в Берлине.

В заключение фюрер выразил благодарность иностранным государственным деятелям за принятие ими его приглашения на совещание четырёх в Мюнхене, а также за их старания в деле достижения счастливого результата переговоров. Как германский народ, так и другие заинтересованные народы будут приветствовать этот результат с величайшей радостью, и если в данный момент благодарность выражает он, то он делает это одновременно и от имени германского народа.

0

ausgesprochen habe, so tue er dies auch gleichzeitig im Namen des deutschen Volkes.

Chamberlain erwiderte im Namen der ausländischen Staatsmänner und schloß sich den Ausführungen des Führers über die Zufriedenheit der betroffenen Völker mit dem Münchener Ergebnis an. Er unterstrich im übrigen die Bedeutung des Abkommens für die Weiterentwicklung der europäischen Politik.

gez. Erich Kordt.

Фотокопия последней страницы документа № 36.

Чемберлен выступил с ответом от имени иностранных государственных деятелей и присоединился к выводам фюрера о том, что мюнхенское решение будет воспринято с удовлетворением заинтересованными народами. Он подчеркнул, кроме того, значение соглашения для дальнейшего развития европейской политики.

Подписал: ***ЭРИХ КОРДТ.***

№ 37

ЗАПИСКА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ О ПРЕБЫВАНИИ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В МЮНХЕНЕ[1]

ЗАПИСЬ ГУБЕРТА МАСАРЖИКА О КОНФЕРЕНЦИИ 4-х ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В МЮНХЕНЕ 29-го СЕНТЯБРЯ 1938 г.

Наш самолёт вылетел из Рузине в 3 часа дня 29 сентября 1938 г. Через 1 час 20 мин. мы были в Мюнхене. На аэродроме нам был оказан приём, предназначающийся для лиц, подозрительных с точки зрения полиции. В полицейском автомобиле в сопровождении сотрудников гестапо нас отвезли в

[1] Опубл. *Dr. Hubert Ripka,* Munich: Before and After, London 1939, p. 224—227. — *Прим. ред.*

отель «Регина», где помещалась также английская делегация. Поскольку конференция была уже в полном ходу, нам было трудно связаться с руководящими членами французской или английской делегаций; всё же мы вызвали по телефону сначала г-на Роша, а потом г-на Эштон-Гуэткина. Последний сказал мне, что хочет немедленно поговорить со мной в отеле.

Первая встреча у меня произошла с ним в 7 час. вечера. Г-н Гуэткин очень нервничал и был весьма скуп на слова. Из его осторожных замечаний я понял, что какой-то план, содержание которого г-н Гуэткин пока не мог мне сообщить, уже почти готов и что план этот намного хуже, чем англо-французские предложения. По нашей красной карте я разъяснил ему все наши действительно жизненные интересы, и он проявил известное понимание в вопросе о Моравском коридоре, хотя он совершенно игнорировал другие стороны проблемы.

По его словам, конференция должна закончиться самое позднее завтра, в субботу. До сих пор ни о чём другом, кроме как о Чехословакии, не было речи. Я обратил его внимание на последствия подобного плана с точки зрения внутренней политики, экономики и финансов. Он ответил, что я не представляю, как тяжела ситуация для западных держав и как тяжело вести переговоры с Гитлером. Затем г-н Гуэткин уехал на конференцию, обещав, что мы будем вызваны в первый же перерыв.

В 10 час. вечера г-н Гуэткин вызвал д-ра Мастны и меня к сэру Горацию Вильсону, где последний в присутствии г-на Гуэткина и по ясно выраженному желанию г-на Чемберлена разъяснил нам в главных чертах новый план и передал нам карту с обозначением областей, которые будут немедленно оккупированы. На мои возражения он дважды ответил совершенно определённо, что ничего не может прибавить к своим заявлениям. Он оставил без внимания наши указания о величайшем значении для нас определённых мест и территорий. Когда он ушёл на конференцию, мы остались одни с г-ном Гуэткином. Мы оба снова подробно объяснили ему необходимость пересмотра плана. Самым важным был его ответ г-ну Мастны, в том смысле, что британская делегация одобряет новый немецкий план.

Когда он снова заговорил о трудностях переговоров с Гитлером, я сказал ему, что всё зависит, в действительности, от твёрдости двух западных великих держав, на что Гуэткин заявил весьма серьёзным тоном: «Если вы этого не примете, то вы будете улаживать ваши дела с Германией в полном одиночестве. Может быть, французы будут выражаться более любезным языком, но я заверяю вас, что они разделяют нашу точку зрения. Они в свою очередь отстранятся...»

В 1 ч. 30 м. нас повели в зал конференции, где собрались г-н Невиль Чемберлен, г-н Даладье, сэр Гораций Вильсон, г-н Леже, г-н Гуэткин,

г-н Мастны и я. Атмосфера была угнетающая: ожидали объявления приговора. Французы явно были смущены и, казалось, сознавали, какое значение имеет это событие для престижа Франции. Г-н Чемберлен в кратком вводном слове упомянул о только что заключённом соглашении и дал г-ну Мастны для прочтения текст соглашения. При чтении текста мы в нескольких случаях просили объяснений. Так, я просил г.г. Леже и Вильсона соблаговолить объяснить слова «preponderantly German character»[1] в ст. 4. Г-н Леже ничего не сказал о процентном отношении, а лишь сказал, что это — вопрос о большинствах, исчисляемых согласно с принятыми нами предложениями. Г-н Чемберлен тоже подтвердил, что дело идёт только об осуществлении уже принятого нами плана. Когда мы дошли до ст. 6, я спросил г-на Леже, должны ли мы видеть в ней клаузулу об охране наших жизненных интересов, как это было нам обещано в их первоначальных предложениях. Г-н Леже ответил: «Да», но что это может иметь место только в малых размерах и что этот вопрос будет входить в компетенцию международной комиссии. Д-р Мастны спросил г-на Чемберлена, будет ли чехословацкий член комиссии иметь такое же право голоса, как и другие члены, на что Чемберлен ответил утвердительно. На вопрос, будут ли в плебисцитной зоне расположены международные или британские вооружённые силы, мы получили ответ, что этот

[1] «преимущественно немецкий характер». — *Прим. ред.*

вопрос ещё обсуждается, но что возможно также участие итальянских и бельгийских войск.

Пока г-н Мастны говорил с Чемберленом о менее значительных вопросах (Чемберлен при этом непрерывно зевал и не обнаруживал никаких признаков смущения), я спросил г.г. Даладье и Леже, ожидают ли от нашего правительства какой-либо декларации или ответа на предложенное нам соглашение. Г-н Даладье, который явно находился в состоянии растерянности, ничего не отвечал, г-н Леже ответил, что четыре государственных мужа не располагают большим количеством времени, и определённо заявил, что никакого нашего ответа они не ждут, что считают план принятым и что наше правительство должно сегодня, не позже 5 час. утра, послать своего представителя в Берлин на заседание международной комиссии. А затем он сказал, что чехословацкий чиновник, которого мы пошлём, должен быть в Берлине в субботу для того, чтобы определить детали эвакуации первой зоны. Атмосфера становилась всё более угнетающей для всех присутствующих.

Нам было объяснено довольно грубым образом и притом — французом, что это приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления.

Г-н Чемберлен не скрывал своей усталости. После того как текст был прочтён, нам была передана другая, слегка исправленная карта. Мы простились и ушли. Чехословацкая республика в границах

1918 г. перестала существовать. В передней я ещё говорил с Роша, который меня спрашивал, какова будет реакция на нашей родине. Я коротко ответил, что не исключаю и самого худшего и что надо быть подготовленными к серьёзнейшим событиям [1].

---

[1] Запись сделана референтом МИД Чехословакии Масаржиком в Мюнхене 30 сентября в 4 часа утра. — *Прим. ред.*

№ 38

ВРУЧЕНИЕ МЮНХЕНСКИХ ТРЕБОВАНИЙ ГЕРМАНСКИМ ПОВЕРЕННЫМ В ДЕЛАХ В ПРАГЕ ГЕНКЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОМУ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КРОФТА[1]

ЗАПИСЬ О ПЕРЕДАЧЕ НЕМЕЦКОЙ НОТИФИКАЦИИ МЮНХЕНСКИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

30. IX. 1938 г. в 5 часов утра германская миссия передала по телефону просьбу поверенного в делах о том, чтобы он был принят до 6-ти часов г-ном министром Крофта, которому он сообщит решение мюнхенской конференции 4-х великих держав. Он приехал в 6 час. 15 мин., и г-н министр записал о его посещении следующее:

«Генке передал мне мюнхенское решение вместе с письмом, приглашающим нашего представителя в

[1] Перевод с чешского. Документ из архива министерства иностранных дел Чехословакии (см. выше, примечание к документу № 30). Запись сделана генеральным секретарём МИД Чехословакии посланником Ина. — *Прим. ред.*

Берлин сегодня в 17 часов. Он сказал, что карту доставит английская миссия. Ему не поручалось делать какие-либо дополнения к письму. Он только заметил, что, по его мнению, нет разницы между Берхтесгаденом и Годесбергом».

Тем временем в министерство явились посланник Крно с доктором Чермак и посланник Смутны. Министр Крофта говорил по телефону с премьер-министром генералом Сыровы, а г-на президента республики информировал посланник Смутны. Президент пригласил к половине десятого лидеров политических партий. Совет министров собрался в Коловратском дворце, а позже, — совместно с семью политическими деятелями, с представителями политических партий и с генералами, — у г-на президента республики.

Французский, английский и итальянский посланники обратились до полудня к посланнику Крно с просьбой, чтобы их принял министр Крофта для того, чтобы услышать от него решение правительства. Они хотели узнать решение до 12-ти часов. Однако, так как министр вернулся от президента только в 12 часов, посланники могли быть приняты только в 12 час. 30 мин. Они вошли к министру все вместе, и он сказал им:

«От имени президента республики и от имени правительства я заявляю, что мы подчиняемся решениям, принятым в Мюнхене без нас и против нас. Наша точка зрения будет вам изложена в письменном виде. В настоящее время мне нечего до-

бавить. Я хочу только обратить ваше внимание на необходимость убедить германское правительство в том, что кампания, которая проводится в прессе и по радио против нас уже в течение нескольких недель, должна быть сейчас прекращена, так как в противном случае станет невозможным мирное осуществление программы, принятой в Мюнхене» [1].

Посланник де Лакруа не скрывал, что согласен с заявлением министра о том, что решение было принято «против нас», и сообщил, что Даладье высказывает по этому поводу «ses vifs regrets» [2]. Ньютон заявил, что Чемберлен якобы сделал для нас всё, что мог. Франзони ничего не сказал. Министр закончил беседу так:

«Я не хочу критиковать, но для нас это катастрофа, которую мы не заслужили. Мы подчиняемся и будем стараться обеспечить своему народу спокойную жизнь. Не знаю, получат ли ваши страны пользу от этого решения, принятого в Мюнхене, но мы во всяком случае не последние. После нас та же участь постигнет других».

30 сентября 1938 г.

---

[1] В оригинале текст заявления воспроизведён по-французски. — *Прим. ред.*

[2] «своё глубокое сожаление». — *Прим. ред.*

№ 39

АНГЛО-ГЕРМАНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ[1]

СОВМЕСТНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА И НЕВИЛЯ ЧЕМБЕРЛЕНА

Мюнхен, 30.9.38.

Фюрер и рейхсканцлер и премьер-министр Великобритании после своей сегодняшней беседы опубликовали следующую совместную декларацию:

«Мы продолжили сегодня нашу беседу и единодушно пришли к убеждению, что вопрос германо-английских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы. Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и

---

[1] Опубл. «Archiv für Aussenpolitik und Länderkunde», September 1938, S. 483 («Архив внешней политики и страноведения», сентябрь 1938, стр. 483). — *Прим. ред.*

германо-английское морское соглашение как символ желания наших обоих народов никогда более не вести войну друг против друга. Мы полны решимости рассматривать и другие вопросы, касающиеся наших обеих стран, при помощи консультаций и стремиться в дальнейшем устранять какие бы то ни было поводы к разногласиям, чтобы таким образом содействовать обеспечению мира в Европе.

АДОЛЬФ ГИТЛЕР, НЕВИЛЬ ЧЕМБЕРЛЕН».

№ 40

ПИСЬМО КЕЙТЕЛЯ ВЕЙЦЗЕКЕРУ [1]

Копия.

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЁННЫХ СИЛ
№ 2576/38. *Секр. L. Ia.*

Берлин, W 35
10 октября 1938 г.
Секретно.

Министерству иностранных дел
Берлин.
Г-ну статс-секретарю д-ру Вейцзекеру
в собственные руки.

Содержание: Положение в Иглау.

Верховное командование вооружённых сил просит потребовать у чешского правительства и у международной комиссии немедленного обеспечения достаточной защиты немцев, проживающих в Брюнне и Иглау, о чём соответственно оповестить упомянутые города.

Фюрер согласен с тем, чтобы английский легион, в случае если он будет переведён в Чехословакию,

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии. Имеется пометка карандашом: «Оригинал получен 10.10 от г-на статс-секретаря с пометкой о направлении рейхсминистру». — *Прим. ред.*

был использован для защиты немцев, особенно в Брюнне и Иглау.

Если бы положение в Брюнне и Иглау приняло *угрожающий* [1] характер для проживающих там немцев, то следует считаться с тем, что фюрер отдаст приказ о немедленном вступлении немецких войск в эти районы.

Начальник штаба верховного командования
вооружённых сил
Подп.: **КЕЙТЕЛЬ.**

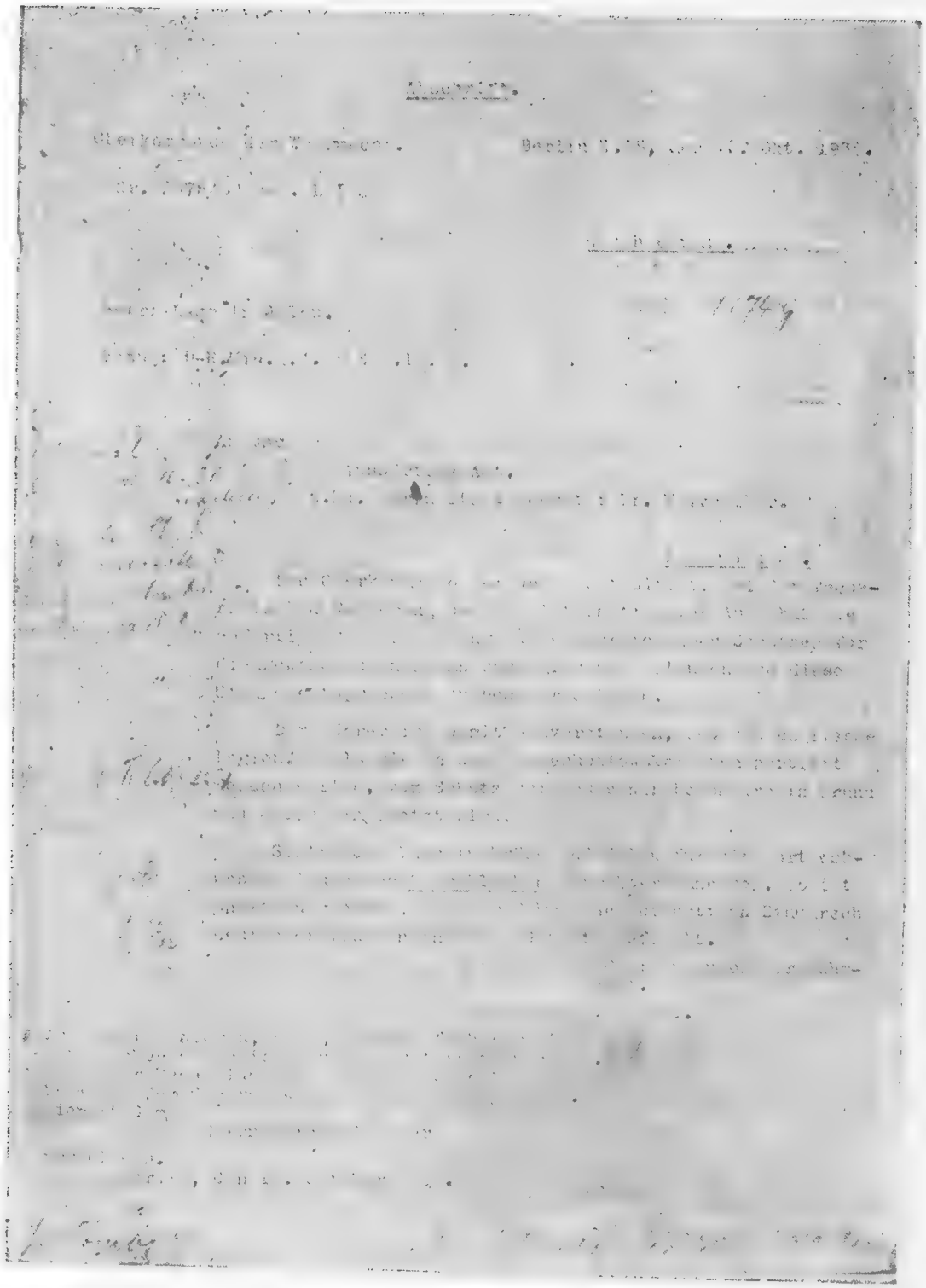
Я добавляю к этому, что нами сегодня утром в Праге уже предприняты соответствующие шаги. Чтобы обсудить это дело, я имею намерение вскоре говорить непосредственно с генералом Кейтелем.

Представить господину рейхсминистру.
Берлин, 10 октября 1938 г. [2]

---

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

[2] Ниже даты карандашом поставлена виза: «Альтенбург». — *Прим. ред.*



Фотокопия документа № 40.

№ 41

ТЕЛЕФОНОГРАММА СТАТС-СЕКРЕТАРЮ ВЕЙЦЗЕКЕРУ ИЗ ГОДЕСБЕРГА [1]

ТЕЛЕФОНОГРАММА ИЗ ГОДЕСБЕРГА
Принята в 16 ч. 45 м.

Полит., I № 1198.
Секретно [2].

ЗАПИСЬ ДЛЯ Г-НА СТАТС-СЕКРЕТАРЯ

Во время беседы с г-ном рейхсминистром иностранных дел в Годесберге 11 октября фюрер принял следующие решения:

I.

С германской стороны не будет выставлено требования о проведении плебисцита в каких-либо других районах Чехословакии.

---

[1] Документ из архива министерства иностранных дел Германии.

[2] Штамп.

II.

Основной тенденцией последующей установки в отношении международной комиссии должна быть борьба за то, чтобы эта международная комиссия поскорее сошла со сцены, уступив место, и как можно скорее, непосредственным двухсторонним переговорам с Чехословакией.

III.

Окончательное установление границ международной комиссией должно последовать как можно скорее. Установление фактических границ на месте должно быть затем передано исключительно германо-чешской пограничной комиссии.

IV.

Международная комиссия должна принять решение, что все вопросы, связанные с оптацией, подлежат непосредственному урегулированию между Германией и Чехословакией.

(Соответствующими инстанциями должен быть рассмотрен вопрос, возможна ли высылка из Вены 27.000 евреев — чешских подданных.)

V.

Нужно стремиться к тому, чтобы получить согласие чехов на строительство автострады [1], иду-

---

[1] В оригинале: «Reichsautobahn». — *Прим. ред.*

Telefonat aus Godesberg
aufgen. am [illegible] Uhr

1198

Aufzeichnung

[illegible] Herrn Staatssekretär.

Der Führer hat in seinem Gespräch mit dem Herrn Reichsaußenminister am 11. Oktober in Godesberg folgendes entschieden:

I.

Von deutscher Seite sollen keine weiteren Gebiete der Tschechoslowakei für eine Volksabstimmung gefordert werden.

II.

Als Grundtendenz für die weitere Einstellung gegenüber der Internationalen Kommission ist das Ziel zu verfechten, die Internationale Kommission so rasch wie möglich zum Verschwinden zu bringen und an ihre Stelle möglichst bald direkte zweiseitige Verhandlungen mit der Tschechoslowakei zu setzen.

III.

Die endgültige Festlegung der Grenzen in der Internationalen Kommission soll so rasch wie möglich erfolgen. Die Festlegung der tatsächlichen Grenzen an Ort und Stelle soll dann später ausschließlich einer deutsch-tschechischen Grenzkommission übertragen werden.

IV.

Die Internationale Kommission soll beschließen, daß alle mit einer Option zusammenhängenden Fragen der unmittelbaren Regelung Deutschlands mit der Tschechoslowakei übertragen werden.

(Von dem zuständigen Ressort soll geprüft werden, ob eine Ausweisung der 27 000 Juden tschechischer Staatsangehörigkeit aus Wien möglich ist.)

V.

Es ist das Ziel zu erstreben, von den Tschechen die Genehmigung zum Bau einer Reichsautobahn, die der Bahnlinie Breslau-Zwittau-Brünn-Wien folgen soll, unter gleichzeitiger Internationalisierung dieser Bahnlinie zu erhalten. Den Tschechen sollen hierfür dieselben Privilegien hinsichtlich der Internationalisierung der Bahnlinie, die die Zwittauer Halbinsel durchschneidet, unter gleichzeitiger

Attenberg

[illegible]

Фотокопия первой страницы документа № 41.

щей параллельно железной дороге Бреславль — Цвиттау — Брюнн — Вена, с одновременной интернационализацией этой железнодорожной линии. Чехам должна быть предложена за это аналогичная привилегия в отношении интернационализации железнодорожной линии, пересекающей полуостров [1] Цвиттау с одновременным предоставлением права на строительство автострады. Посол Риттер должен соответствующим образом позондировать почву в экономической комиссии.

VI.

Следует безусловно отстаивать точку зрения Германии относительно передачи материальной части государственных и общественных предприятий в областях, отошедших к Германии, а также о возврате вывезенных оттуда материалов.

VII.

Следует с самого начала самым энергичным образом заявить: не может быть никакого сомнения в том, что Германия никогда не возьмёт на себя какую-либо часть чешских государственных долгов, так как эти долги были сделаны Чехословакией в целях борьбы с Германией [2].

---

[1] Так в оригинале; имеется в виду выступ границы. — *Прим. ред.*

[2] В оригинале описка: «zwischen Deutschland». — *Прим. ред.*

VIII.

Что касается вопроса о Моравской Остраве и Витковицах, то г-н статс-секретарь должен пригласить к себе польского посла и заявить ему следующее:

Не будучи заинтересована в Одерберге, Германия заинтересована в Моравской Остраве и Витковицах. Вопрос об оставлении Моравской Остравы и Витковиц за Чехией зависит ещё от дальнейшего развития событий. Если будущее этих областей будет поставлено на обсуждение, то мы потребуем плебисцита под международным контролем.

IX.

Что касается вопроса о Прессбурге, то на ближайшее время в принципе необходимо проявлять полную сдержанность и самым тщательным образом исследовать все вопросы, связанные с этой проблемой. Если венгры обратятся к нам со своими претензиями на Прессбург, то надо бы заявить им следующее:

a) Германия в принципе относится с симпатией к венгерским требованиям, предъявляемым Чехословакии;

b) фюрер неоднократно заявлял, что Германия может обнажить меч только за германские интересы;

c) фюрер пригласил к себе в Оберзальцберг премьер-министра и министра иностранных дел

dort den Rat erteilt, etwas energischer ihre Sache zu vertreten. Die Ungarn haben aber in den darauffolgenden kritischen Tagen nichts getan, daraus erkläre sich ihre gegenwärtige schwierige diplomatische Lage.

d.) Was die gegenwärtigen tschechisch-ungarischen Verhandlungen betreffe, so ist der Standpunkt, daß einwandfreie national-ungarische Gebiete an Ungarn zu fallen haben; auch Deutschland habe keine strategischen Grenzen errichtet, sondern nur Volkstumsgrenzen.

e.) Wenn irgendwelche Differenzen bestehen bleiben, so müsse eine Abstimmung unter internationaler Kontrolle erfolgen.

X.

Zur persönlichen Informierung des Staatssekretärs.

Sollte Ungarn mobilisieren, so liege es nicht in unserer Absicht, den Ungarn in den Arm zu fallen und ihnen etwa einen Rat auf Mäßigung zu geben.

Godesberg, den 12. Oktober 1938.

- - - - -

Фотокопия последней страницы документа № 41.

Венгрии и посоветовал обоим действовать несколько энергичнее в защиту своего дела. Однако в последовавшие за этим критические дни венгры не сделали ничего. Этим и объясняется их затруднительное дипломатическое положение в настоящий момент;

d) что касается настоящих чешско-венгерских переговоров, то следует придерживаться той точки зрения, что к Венгрии должны отойти области с несомненным преобладанием венгерского населения, ведь и Германия устанавливала не стратегические, а только национальные границы;

e) при наличии каких-либо расхождений должен быть проведён плебисцит под международным контролем.

X.

Для личной информации статс-секретаря.

Если Венгрия объявит мобилизацию, то мы не намерены чинить венграм препятствий и давать им советы проявлять умеренность.

Годесберг, 12 октября 1938 г.

№ 42

ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ[1]

Г-н Жорж Боннэ, министр иностранных дел Французской республики, и г-н Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел германского рейха,

действуя от имени и по поручению своих правительств, при встрече в Париже 6 декабря 1938 г. согласились о нижеследующем:

1. Французское правительство и германское правительство полностью разделяют убеждение, что мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения

[1] Опубл. Ministère des Affaires Etrangères, Documents Diplomatiques 1938—1939, Paris MDCCCCXXXIX, Doc. N 28, p. 33 (Министерство иностранных дел. Дипломатические документы. 1938—1939 гг., Париж 1939 г. Док. № 28, стр. 33). — *Прим. ред.*

в Европе и поддержания всеобщего мира. Оба правительства приложат поэтому все свои усилия к тому, чтобы обеспечить развитие в этом направлении отношений между своими странами.

2. Оба правительства констатируют, что между их странами не имеется более никаких неразрешённых вопросов территориального характера, и торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время.

3. Оба правительства решили, поскольку это не затрагивает их особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе их страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям.

В удостоверение чего представители обоих правительств подписали настоящую Декларацию, которая немедленно вступает в силу.

Составлено в двух экземплярах, на немецком и французском языках, в Париже 6 декабря 1938 г.

Подписано: ***ЖОРЖ БОННЭ.***
ИОАХИМ ФОН РИББЕНТРОП.

№ 43

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ХВАЛКОВСКОГО С АНГЛИЙСКИМ ПОСЛАННИКОМ В ПРАГЕ НЬЮТОНОМ [1]

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ *Секретно.*
КАБИНЕТ [МИНИСТРА].
№ 4265/38 от 10.XII.1938 г.
Перевод.
10.XII.1938 г.

БЕСЕДА Г-НА МИНИСТРА ХВАЛКОВСКОГО С АНГЛИЙСКИМ ПОСЛАННИКОМ НЬЮТОНОМ

(По-чешски) [2]. Посланник пришёл к г-ну министру с нотой (депешей) [2], выражающей английскую точку зрения на нашу циркулярную депешу, в которой пражское правительство обращало внимание на то, что мы выполнили мюнхенский дополнительный протокол, что является предпосылкой гарантии границ. По указанию своего правительства

[1] Документ был захвачен немцами в архиве министерства иностранных дел Чехословакии и переведён ими на немецкий язык. В распоряжении Архивного управления МИД СССР имеется немецкий перевод, находящийся в делах бывш. МИД Германии. На документе имеется штамп политического архива германского МИД («Pol. Arch.»). — *Прим. ред.*

[2] Так в оригинале. — *Прим. ред.*

Ministerium für Auswärtige Angelegenheiten.
Kabinett No 4265/38 vom 10.XII.1938.

Geheim

Übersetzung.

10.XII.1938.

Unterredung des Herrn Ministers Chvalkovský mit dem englischen Gesandten Newton.

(tschechisch) Der Gesandte kam mit einer Note (Depesche) über den englischen Standpunkt zu unserer Zirkulardepesche, in der die Präger Regierung darauf aufmerksam machte, daß wir das Münchener Ergänzungsprotokoll als Voraussetzung einer Grenzgarantie erfüllt hätten, zu dem Herrn Minister. Auf Weisung seiner Regierung teilte der Gesandte mit, daß die englische Regierung es sehr begrüßen würde, wenn wir selbst zur Frage der Garantie Stellung nehmen würden und besonders wenn wir erklären würden, wie wir uns die Garantie vorstellen. Die englischen Staatsmänner sprachen in Paris von einer generellen Garantie, aber sie haben nichts vereinbart.

(englisch) England beabsichtigte eine Art von gemeinsamer Garantie der Münchner Mächte. Die Engländer sind nicht darauf vorbereitet, eine Garantie zu geben, die sie nicht in Anwendung bringen könnten und sie würden sehr dankbar sein, wenn sie die Art der Garantie, die Prag im Auge hat, kennen würden. Sie haben von Berlin erfahren, daß Deutschland und Italien daran denken, eine unabhängige Garantie zu geben. Das würde natürlich für die Engländer sehr schwer sein, die gern den Wunsch der Prager Regierung, die Zusammenarbeit unter den vier Großmächten zu fördern, unterstützen würden, denn England befürchtet, daß die Achsenmächte diese Zusammenarbeit zwischen den westlichen und den Zentralmächten aufspalten würden. Die Engländer könnten keine wirksame Garantie gegen die Zentralmächte geben, aber sie würden bereit sein eine Garantie zu geben, wenn wenigstens drei von den vieren zugunsten der Tschecho-Slowakei handeln würden. England wünscht keineswegs eine individuelle Garantie zu geben, d.h. nur eine gemeinsame mit zwei anderen Großmächten (dreien von vier), weil die Engländer sich nicht in die Lage Frankreichs vom vergangenen Oktober bringen würden.

Der tschecho-slowakische Minister antwortete:

1.) J e d e Art von Garantie würde willkommen sein und je weiter sie gehen würde, um so besser,

zu Pol. Arch. 4.2 94 g 4

Фотокопия первой страницы документа № 43.

посланник сообщил, что английское правительство всячески приветствовало бы, если бы мы сами высказали свои взгляды по вопросу о гарантии, и особенно, если бы мы разъяснили, как мы представляем себе эту гарантию. Английские государственные деятели беседовали в Париже по вопросу о всеобщей гарантии, но они не пришли ни к какой договорённости.

(По-английски) [1]. Англия имела в виду своего рода общую гарантию мюнхенских держав. Англичане не согласны предоставлять такую гарантию, какую они не могли бы осуществить, и они были бы весьма благодарны, если бы им стало известно, какой характер гарантии имеет в виду Прага. Из Берлина им стало известно, что Германия и Италия предполагают предоставить гарантию самостоятельно. Это было бы, конечно, крайне тяжело для англичан, которые охотно поддержали бы желание пражского правительства способствовать сотрудничеству четырёх великих держав, ибо Англия опасается, что державы оси подорвут сотрудничество стран Западной и Центральной Европы. Англичане не могли бы дать какой-либо действенной гарантии против центральных держав, но они были бы готовы дать гарантию, если бы, по крайней мере, три из четырёх держав выступили в пользу Чехословакии. Англия ни в коем случае не желает давать индивидуальной гарантии; она желает дать её лишь совместно с двумя другими великими державами (тремя из

[1] Так в оригинале. — *Прим. ред.*

четырёх), так как англичане не поставят себя в положение, в котором оказалась Франция в октябре этого года.

Чехословацкий министр ответил:

1) **Любая** форма гарантии была бы желательна; чем шире она будет, тем лучше.

2) Мы желали бы иметь эту гарантию как можно скорее.

3) Отвечая на вопрос Ньютона о возможной гарантии со стороны других государств, кроме тех, которые участвовали в Мюнхене, министр заявил, что чехословацкое правительство ещё не рассматривало этой возможности, но что этот вопрос немедленно будет подвергнут рассмотрению после того, как мюнхенские державы по взаимному соглашению урегулируют вопрос о гарантии.

(По-чешски) [1]. В ходе дальнейшей беседы английский посланник несколько раз настойчиво подчёркивал возможность того, что Чехословакия удовлетворится гарантией одной только Германии, являющейся, по его мнению, наиважнейшей, ибо в Праге, вероятно, хорошо известно, как неохотно даёт Англия гарантии в тех случаях, когда британские интересы не затрагиваются непосредственно, и ещё менее охотно в тех случаях, когда она, как это имеет место в данном случае, имеет основание питать сомнение в том, что её гарантия чем-нибудь будет нам полезна.

---

[1] Так в оригинале. — *Прим. ред.*

2.) daß wir wünschen würden, diese Garantie so bald als möglich zu haben.

3.) In Beantwortung von Newton s Frage über die eventuelle Garantie von anderen Mächten als denen von München, sagte der Minister, daß die tschecho-slowakische Regierung diese Eventualität noch nicht in Betracht gezogen hätte, daß aber die Frage sofort in Betracht gezogen werden würde, nachdem die Münchner Mächte in gegenseitiger Übereinstimmung die Garantie regeln würden.

(tschechisch) Im Verlauf der weiteren Unterhaltung legte der englische Gesandte einigemale Nachdruck auf die Möglichkeit, daß sich die Tschecho-Slowakei einzig und allein mit der Garantie Deutschlands zufrieden geben würde, die nach ihm die wichtigste ist, weil es angeblich Prag sicher bekannt sei, wie ungern England dort Garantien gebe, wo nicht direkt britische Interessen tangiert würden und noch weniger dort, wo - wie es gerade bei uns der Fall ist - sie berechtigte Zweifel hege, daß ihre Garantie uns etwas nützen würde.

P.t.R.

Фотокопия последней страницы документа № 43.

№ 44

ПИСЬМО ПОЛЬСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ РАЧИНСКОГО ПОЛЬСКОМУ ПОСЛУ В БЕРЛИНЕ ЛИПСКОМУ [1]

ПОСОЛ ПОЛЬСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ [2].

Лондон, 19 декабря 1938 г.

Послу Юзефу Липскому
Берлин.

Дорогой Юзеф,

Позволю себе переслать тебе в приложении копию моего письма, посланного г-ну министру иностранных дел 16 сего месяца.

Пользуюсь случаем передать свои наилучшие пожелания и массу сердечных поздравлений к новому году [3].

Твой
ЭДВАРД РАЧИНСКИЙ.

1 приложение.

[1] Перевод с польского.

[2] Бланк.

[3] Второй абзац приписан от руки. Имеется личная подпись Рачинского. — *Прим. ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПОСОЛЬСТВО
ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ЛОНДОНЕ

Лондон, 16 декабря 1938 г.

№ 1/WB/257/tj/

Секретно.

Г-ну министру иностранных дел,
Варшава.

Многоуважаемый г-н министр,

В связи с весьма резкими изменениями, происшедшими в международном положении, и реакцией на эти изменения отдельных государств, попытка сделать для себя общие выводы представляется в данное время рискованной и неблагодарной задачей. Несмотря на это, я считаю своей обязанностью сделать такую попытку, ставя себе целью представить вам, г-н министр, картину положения такою, какой она выглядит с местного наблюдательного пункта. Я рискую только тем, что картина, наблюдаемая под другим углом зрения, может показаться тенденциозной, либо односторонней, либо даже прямо предвзятой или банальной.

AMBASADOR RZECZYPOSPOLITEJ POLSKIEJ

Londyn, dnia 19 grudnia 1938r.

31.12 38

N.52/57

Kochany Józiu

Pozwalam sobie przesłać Ci w załączeniu odpis mojego listu wysłanego do Pana Ministra Spraw Zagranicznych w dniu 16 b.m.

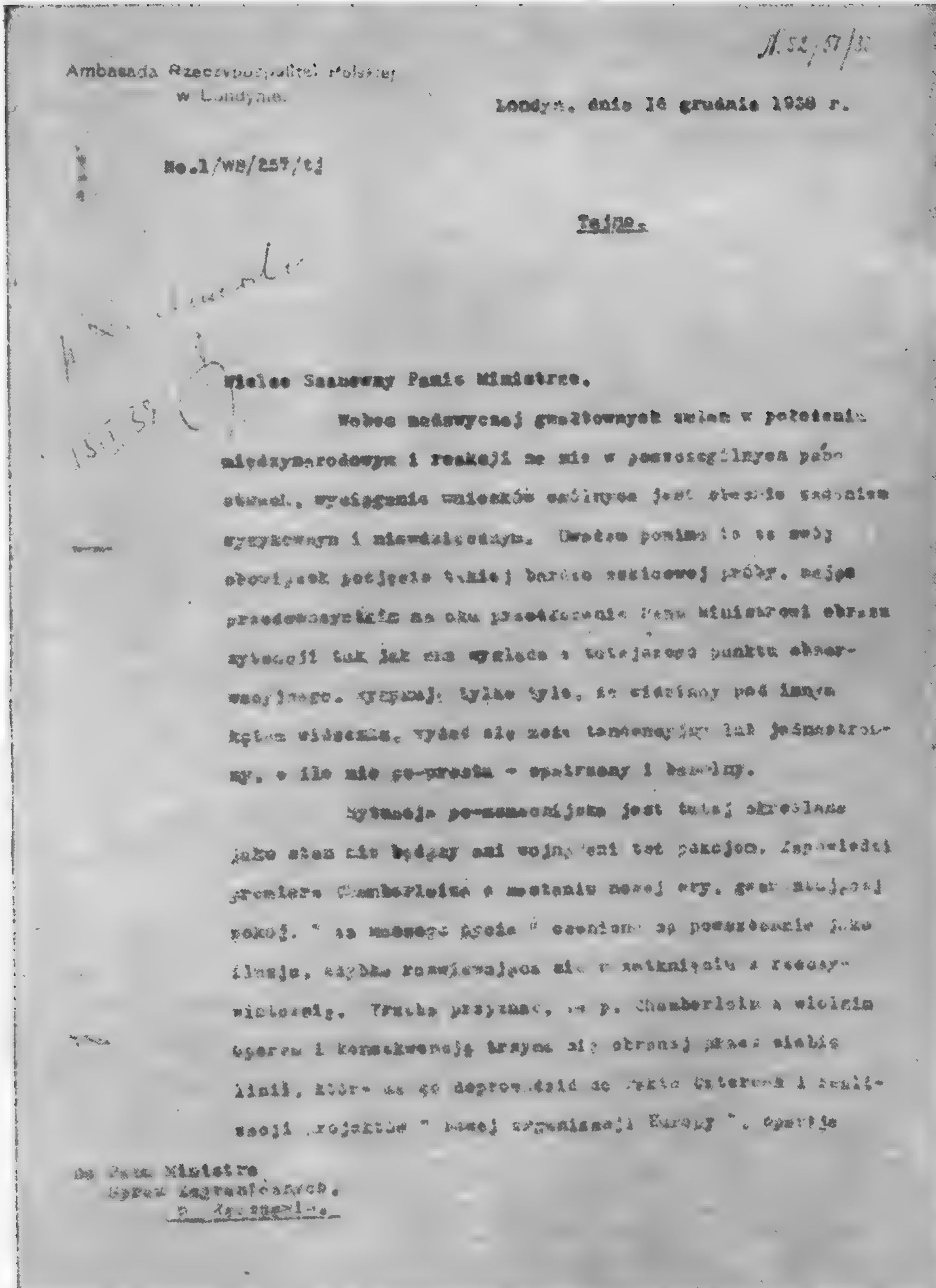
Przy tej sposobności łączę najlepsze życzenia na Rok Nowy oraz wiele serdecznych pozdrowień Twój

Edward Raczyński

JWielmożny Pan
Ambasador Józej Lipski,
w Berlinie.

1 zał.

Фотокопия сопроводительного письма к документу № 44.



Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej
w Londynie.

Londyn, dnia 16 grudnia 1938 r.

No.1/WB/257/tj

Tajne.

Wielce Szanowny Panie Ministrze,

Wobec niezwykłej gwałtownych zmian w położeniu międzynarodowym i reakcji na nie w poszczególnych państwach, wyciąganie wniosków ogólnych jest obecnie zadaniem ryzykownym i niewdzięcznym. Uważam ponimo to za mój obowiązek podjęcie takiej bardzo szkicowej próby, mając przedewszystkiem na oku przedstawienie Panu Ministrowi obrazu sytuacji tak jak ona wygląda z tutejszego punktu obserwacyjnego. Wyrażając tylko tyle, że widziany pod innym kątem widzenia, wydać się może tendencyjnym lub jednostronny, o ile nie po-prostu – spaczony i błędny.

Sytuacja pomonachijska jest tutaj określana jako stan nie będący ani wojną, ani też pokojem. Zapowiedzi premiera Chamberlaina o nastaniu nowej ery, ery trwałej pokoju, "za naszego życia" oceniono są powszechnie jako iluzje, szybko rozwiewające się w zetknięciu z rzeczywistością. Trzeba przyznać, że p. Chamberlain z wielkim uporem i konsekwencją trzyma się obranej przez siebie linii, które go doprowadziła do paktu Czterech i realizacji projektów "nowej organizacji Europy". Opartej

Do Pana Ministra
Spraw Zagranicznych,
p. Józefa Becka.

Фотокопия первой страницы документа № 44.

Послемюнхенская ситуация определяется здесь как ситуация, не являющаяся ни войной, ни миром. Заявление премьера Чемберлена о наступлении новой эры, гарантирующей мир «нашему поколению», оценено всеми как иллюзия, быстро рáссеивающаяся при соприкосновении с действительностью. Необходимо признать, что г-н Чемберлен с большим упорством и последовательностью придерживается избранной линии, которая должна привести его к пакту четырёх и к реализации проектов «нового порядка в Европе», опирающегося тем или иным образом на этот пакт. Он продолжает верить (как уверяют меня, честно верить) в успешность метода личного контакта между ответственными руководителями государств-партнёров в избранной им комбинации и с этой верой готовится к очередному визиту в Рим.

Однако более чем очевидно, что то, что является для англичанина наиболее привлекательным — «организация Европы», отнюдь не нравится в Берлине и что осуществление дальнейшей программы премьера идёт «как из-под палки». До сих пор ответом на его «активную мирную политику» были три резкие речи Гитлера, обострённый антиеврейский курс, равно как и новая программа итальянских притязаний, поддержанная Берлином.

Казалось бы, что вследствие столь многочисленных разочарований г-н Чемберлен должен был бы столкнуться с растущим недовольством и оппозицией не только в парламенте (где оппозиция благо-

даря партийной дисциплине не была бы столь эффективной), но прежде всего — в английском общественном мнении. Такая оппозиция существует, но, mirabile dictu [1], кажется, не растёт после Мюнхена. О возможном реванше лейбористской партии я слышу сейчас меньше, чем год тому назад. Правда, время от времени говорится о создании настоящего «национального правительства» с участием обеих оппозиций, однако, до сих пор в этом нет уверенности.

Для всего этого имеются различные причины, из которых особенно две кажутся мне наиболее важными.

Первая: *Общее мнение таково, что «Мюнхен» был наиболее правильным, если не единственным, выходом из отчаянного положения* [2].

Я слышал недавно характерные высказывания высшего чиновника Форейн Оффис'а, известного своим критическим отношением к политике премьера. Этот господин согласился с вышеуказанным мнением, сделав лишь ту оговорку, что премьер совершил большую ошибку, назвав мир, купленный такой ценой, «почётным миром» [3]. Впрочем, сам премьер, кажется, сожалел о своём выражении, которое он употребил под влиянием сильного волнения.

---

[1] Как ни странно. — *Прим. ред.*

[2] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

[3] В оригинале слова «почётный мир» написаны по-английски. — *Прим.. ред.*

(Кроме этого, мой информатор утверждал, что возможность «вывернуться из архитрудного положения без войны западные государства получили благодаря решению чехов капитулировать без борьбы... [1]).

Вторая причина: Убеждение в том, что премьер (если употребить не слишком точное сравнение из области спорта) защитил английские ворота и перенёс таким образом игру на восток Европы. Что бы ни случилось, остаётся факт выигрыша во времени. А отсрочка [2] пользуется здесь, на родине политического эмпиризма, популярностью не меньше, чем в Женеве.

Мне трудно узнать, о чём думает премьер и менее ли он наивен, или же менее искренен, чем о нём говорят. Зато я знаю, на основе длительного наблюдения, реакцию здешнего народа. Она является в одинаковой степени жизненной, непосредственной, солидарной, почти физиологической, как реакция муравьёв и пчёл, и независимой от той фразеологии, которой регулярно питают общественное мнение. Раздор на востоке Европы, грозящий Германии и России вовлечением в него, в той или иной форме, несмотря на все декларации со стороны активных элементов оппозиции, здесь *повсеместно и подсознательно считается «меньшим злом», могущим отодви-*

---

[1] В оригинале кавычки не закрыты. — *Прим. ред.*

[2] Слово «отсрочка» написано по-английски и взято в кавычки. — *Прим. ред.*

нуть на более длительный срок опасность от империи и её заморских составных частей [1].

Отношение Чемберлена к Советам продолжает оставаться холодным. Истиной является то, что он чересчур последователен и совершенно открыто избегает всего, что могло бы послужить для его политических партнёров поводом для уклонения от сотрудничества. Но истиной является и то, что премьер официально избегает выступать против устремлений Германии на восток.

Английская общественность с удовлетворением отдаёт себе, наконец, отчёт в том, что политика премьера совсем не означает отказа от довооружения — совсем напротив, благодаря выигрышу во времени, она делает это довооружение возможным [2].

Как вытекает из вышеизложенных замечаний, г-н Невиль Чемберлен, несмотря на разочарование и даже унизительные неприятности, которые он встречает, и в дальнейшем остаётся «силой» в британской политике.

Зато он подвергается весьма сильной критике не только со стороны оппозиции (которая обвиняет его в том, что он руководствуется не только национальными, но и классовыми интересами, например, в испанском вопросе), но также со стороны полити-

---

[1] Подчёркнуто в оригинале. — *Прим. ред.*

[2] Однако всё ещё одностороннее, о чём ниже. — *Прим. Рачинского.*

ческих «экспертов», и прежде всего со стороны собственных чиновников [1].

Там в данное время утверждают, что если даже общие основы его политики правильны (либо дают хотя бы хороший предлог для выигрыша во времени), то тактика его неудачна. Я могу вновь привести мнение двух высших чиновников, которые сказали мне, что они хорошо видят, как низко пал в Германии престиж премьера, который ещё недавно пользовался там большим уважением... Чиновники его аппарата добиваются сегодня не радикального изменения системы, но большей настойчивости на отдельных этапах — не уступать добровольно ни политических, ни экономических позиций в Европе, в ложной надежде снискать себе таким образом бо́льшую доброжелательность или же уступчивость в других местах.

Наконец, существует ещё одна важная область, где расходятся мнения. Это — вопрос национальной обороны. Премьер Чемберлен до сих пор не сошёл с платформы сохранения добровольческой службы, одновременно форсируя расширение флота и авиации, не заботясь, однако, о создании сухопутной армии, способной к наступательным действиям. Сдержанность премьера можно объяснить его известной соглашательской тенденцией по отношению к милитаристическим державам «оси». С другой

[1] Это является одновременно доказательством того, в какой значительной степени чиновники отстранены премьером от влияния на внешнюю политику. — *Прим. Рачинского.*

стороны, в связи с приближающимися выборами он должен считаться с непопулярностью, с которой была бы в Англии, особенно в рабочих кругах, встречена воинская повинность. Однако чиновники желают введения воинской повинности. Этого горячо желает также «патриотическая» оппозиция.

Введение воинской повинности, что возможно могло бы наступить только после выборов, было бы наиболее красноречивым доказательством, что Англия переходит от мягкой уступчивости к усиленной «твёрдости».

Возможно, что я ошибаюсь, но я уверен не только в том, что такой поворот должен будет произойти, но также и в том, что уже имеется начало этого поворота, которое даёт уже себя чувствовать. Это — пока незначительные изменения в содержании официальных выступлений. Кроме того, я имею в виду расширение системы, позволяющей государству гарантировать кредиты, предоставляемые промышленностью иностранным клиентам, а также первую попытку распространения такой гарантии на военные материалы (пока что они ограничены 10 миллионами фунтов стерлингов, утверждёнными на прошлой неделе палатой общин по предложению правительства).

Таков фон, на котором следует рассматривать отношение англичан к Польше. Что касается премьера, его друзей и его прессы, то не подлежит сомнению, что мы наталкиваемся здесь на большую сдержанность.

Послемюнхенские льды сломлены, предубеждения личного характера забываются, однако, продолжает господствовать нежелание связывать себя обязательствами, и в первую очередь такими, которые имели бы антигерманскую направленность. В Форейн Оффис'е до сих пор решились лишь на следующее признание, выраженное в дружеской беседе со мной: «Британское правительство отнюдь не желает, чтобы Польша отошла от проводимой до сих пор политики равновесия» (Стрэнг, 9 декабря).

Тем временем я должен констатировать, что с некоторых пор в общественном мнении и в местной прессе существует как бы организованная кампания, пользующаяся представленной в слишком ярком свете информацией и даже сплетнями и измышлениями, стремящаяся представить польско-германские отношения в невыгодном свете [1].

В результате такого положения вещей возникают тревога и пессимистические оценки политического положения Польши. Упомянутая «акция» — если в данном случае может итти речь об акции, на что нет ясных доказательств, — развивается прежде всего на почве проблемы Закарпатской Руси и украинских требований, но одновременно связана и с другими возможными причинами трений, как, например, в вопросе о Данциге, а в последнее время

[1] Для точности я должен подчеркнуть, что Румыния является предметом, пожалуй, ещё более тревожных комментариев. Кстати говоря, здешние румыны выражают по этому поводу сильное беспокойство. — *Прим. Рачинского.*

(«Дейли Экспресс» и даже «Таймс») и о Тешинской Силезии, откуда через Прагу либо через Моравскую Остраву пресса сообщала о якобы серьёзных волнениях [1]. Противодействовать прессе здесь в [Англии] трудно, поскольку не сталкиваешься с явным извращением фактов, которые можно бы опровергнуть (что мы, конечно, постоянно делаем). Более эффективным методом могло бы быть оперирование положительными фактами из самой Польши, опровергающими распространяемые сплетни. Незачем добавлять, что результаты этих махинаций вредны для нашего политического престижа и доверия к нам в Англии, особенно теперь, когда она только начала постепенно избавляться от пут пораженчества.

Примите и прочее.

ЭДВАРД РАЧИНСКИЙ.

---

[1] Эти последние сплетни, может быть, являются контрмерами со стороны Праги в отместку за Закарпатскую Русь. — *Прим. Рачинского.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН [1]

АЛЬТЕНБУРГ — германский дипломат; с 1939 г. посланник; возглавлял подотдел «IV b» (Чехословакия) в политическом отделе министерства иностранных дел в 1938—1939 гг.; руководитель отдела информации МИД с 21 августа 1939 г. — 107, 114, 197, 322.

БАЛЬБО И. — итальянский министр авиации в 1929—1933 гг. — 174, 180.

БАКСТЕР К. — английский дипломат; и. о. советника министерства иностранных дел. — 106.

БЕК Ю. — польский дипломат; министр иностранных дел в 1932—1939 гг. — 132, 170, 206, 257, 266.

БЕНЕШ Э. — министр иностранных дел в 1918—1935 гг.; президент Чехословацкой республики в 1935—1938 гг.; глава Национального Чехословацкого комитета в Париже в 1939—1940 гг.; вновь президент Чехословацкой республики с июля 1940 г. — 49, 109, 124, 173, 174, 179, 183, 187, 188, 238, 240, 262.

БЕРАНЖЕ А. — председатель внешнеполитического комитета сената в 1931—1938 гг.; французский делегат в Лиге наций в 1932—1938 гг. — 83—88.

БЕСТ В. — начальник «юридического» отдела гестапо в 1935 г.; один из ближайших сотрудников Гиммлера. — 192, 195, 196.

[1] Как правило, сведения даются на то время, к которому относятся документы, в которых упомянуто данное лицо. — *Прим. ред.*

БЛЮМ Л. — лидер французской социалистической партии, правый социалист; председатель совета министров в 1936—1937 гг.; заместитель председателя совета министров в 1937—1938 гг.; председатель совета министров и министр финансов в марте — апреле 1938 г. — 146.

БОННЭ Ж. — министр иностранных дел Франции в правительстве Даладье в 1938—1939 гг. — 123, 126, 129, 130, 131, 133—141, 169, 334, 335.

БРИАН А. — председатель совета министров и министр иностранных дел Франции с ноября 1925 г. по июль 1926 г. и снова в 1929 г.; министр иностранных дел в 1928—1932 гг. — 103, 105.

БУЛЛИТ В. — американский посол во Франции в 1936—1940 гг., известный своими связями с гитлеровцами.—141.

ВАНСИТТАРТ Р. — постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1930—1938 гг.; главный дипломатический советник министерства иностранных дел в 1938—1941 гг. — 67.

ВЕЙЦЗЕКЕР Э. — германский дипломат; руководитель политического отдела министерства иностранных дел Германии в 1936—1938 гг.; статс-секретарь министерства иностранных дел в 1938—1943 гг. — 99, 107, 114, 257, 261, 262, 266, 269—271, 321, 325.

ВЕЛЬЧЕК И. — граф; германский дипломат; посол в Испании в 1926—1936 гг.; посол во Франции в 1936—1939 гг. — 271.

ВЕРМАН Э. — германский дипломат; руководитель политического отдела и младший статс-секретарь министерства иностранных дел в 1938—1943 гг. — 164, 169, 197, 198, 241, 242, 262.

ВИЛЬСОН В. — президент США в 1912—1920 гг.; глава делегации США на Парижской мирной конференции в 1919 г. — 63, 65.

ВИЛЬСОН Г. — ближайший сотрудник Чемберлена; главный экономический советник английского правительства в 1930—1939 гг.; постоянный секретарь казначейства

и руководитель гражданской государственной службы в 1939—1942 гг.; Вильсон был в числе немногих советников Чемберлена во время переговоров последнего с Гитлером в сентябре 1938 г.; летом 1939 г. Вильсон от имени Чемберлена вёл секретные переговоры с немцами о заключении широкого англо-германского соглашения. — 265, 266, 269, 272, 312, 313.

ВИЛЬСОН Х. — американский дипломат; посол США в Германии с марта 1938 г. по декабрь 1941 г. — 173, 174.

ВОРОШИЛОВ К. Е. — 64.

ГАЛИФАКС Э. — лорд; военный министр Великобритании в 1935 г.; министр без портфеля («лорд хранитель печати») в 1935—1937 гг.; министр иностранных дел в 1938—1940 гг. — 9, 10, 16, 21, 28, 29, 32, 34, 43, 44, 47, 48, 54—56, 66, 94, 97, 98, 120, 145, 152, 154, 254.

ГАМЕЛЕН М. — французский генерал; начальник генерального штаба в 1931—1939 гг.; в 1939—1940 гг. верховный главнокомандующий французской армии. — 129, 135—137, 199.

ГАУСГОФЕР К. — профессор, президент «германской академии» в Мюнхене, издатель гитлеровского журнала «Геополитика», один из руководящих членов центрального бюро «фольксдейче». — 114.

ГЕНДЕРСОН Н. — английский дипломат; посол в Германии в 1937—1939 гг. — 54, 59, 69, 70, 120.

ГЕНЛЕЙН К. — главарь гитлеровской партии в Судетской области Чехословакии, существовавшей сначала под названием «судето-германский хайматфронт» и переименованной в 1935 г. в «судето-германскую партию»; после расчленения Чехословакии был назначен рейхскомиссаром Судетской области, а затем — рейхсштатгальтером имперской области «Судетенланд». — 99, 108—110, 114, 116, 124, 161, 183, 184, 187, 188, 200, 227, 229, 230, 233.

ГЕНКЕ А. — германский дипломат; поверенный в делах в Чехословакии в сентябре 1938 г. — 316.

ГЕРИНГ Г. — один из главных немецких военных преступников; главнокомандующий военно-воздушными силами и министр авиации; особо уполномоченный по 4-летнему плану; приговорён Международным Военным Трибуналом в 1946 г. к смертной казни. — 72, 92, 94—98, 175—178, 180.

ГЕЙДЕН-РИНШ — чиновник министерства иностранных дел Германии в ранге легационного советника; сотрудник I подотдела политического отдела (Лига наций, военные вопросы, разоружение и т. д.) в 1938—1939 гг.; чиновник для связи со штабом верховного командования вооружённых сил; советник германского посольства в Мадриде с 1941 г. — 195.

ГИММЛЕР Г. — один из главных немецких военных преступников; рейхсфюрер СС; начальник гитлеровской полиции.— 195, 197.

ГИТЛЕР А. — главарь германского фашизма; германский рейхсканцлер и «фюрер» в 1933—1945 гг. — 9, 54, 124, 135, 160, 162, 163, 179, 180, 191, 202, 205, 209, 225, 229, 247—250, 252, 254, 255, 261, 263, 264, 294, 311, 312, 319, 320, 349.

ГЛЕЙЗ-ХОРСТЕНАУ Э. — министр без портфеля в кабинете Шушнига с июля 1936 г.; с ноября 1936 г. по март 1938 г. австрийский министр внутренних дел. — 94.

ГОГЕНЛОЭ М. — князь; был близок к правящим кругам гитлеровской Германии; посредник в переговорах Ренсимена и Эштон-Гуэткина с Генлейном в августе 1938 г.— 183, 188.

ГОДЖА М. — премьер-министр чехословацкого правительства с ноября 1935 г. по сентябрь 1938 г. — 100, 109, 116, 238.

ДАЛАДЬЕ Э. — один из лидеров партии радикал-социалистов; министр национальной обороны и заместитель председателя совета министров Франции в 1936—1937 гг.; председатель совета министров, министр национальной обороны и министр иностранных дел в 1938—1940 гг. — 123, 124, 201, 279, 280, 284, 294, 303—305, 312, 314, 318.

ДЕЛЬБОС И. — один из руководителей партии радикал-социалистов; министр иностранных дел Франции в 1936—1937 гг. и в марте — апреле 1938 г. — 81—84, 87, 88.

ДЕМБИНСКИЙ — директор Польского Телеграфного Агентства (ПАТ). — 258.

ДИРКСЕН Г.—германский дипломат; крупный помещик; посол в Москве с ноября 1928 г. по август 1933 г.; посол в Японии с сентября 1933 г. по февраль 1938 г.; посол в Англии с 31 марта 1938 г. по 3 сентября 1939 г. — 142, 156.

ЗАНДЕР Ф. — профессор права немецкого университета в Праге. — 187.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ А. — австрийский гитлеровец; министр внутренних дел и общественной безопасности в кабинете Шушнига (февраль — март 1938 г.); после аншлюсса губернатор австрийского «гау» гитлеровского рейха. — 93—95.

ИДЕН А. — один из лидеров английских консерваторов; министр иностранных дел в 1935—1938 гг.; министр по делам доминионов в 1939 г.; позже в кабинете Черчилля — военный министр в 1940 г. и министр иностранных дел в 1940—1945 гг. — 43, 77, 148, 149.

ИМРЕДИ Б. — венгерский банкир; в 1935—1938 гг. управляющий национальным банком; в 1938—1939 гг. премьер-министр; в 1944 г. министр без портфеля; в 1940 г. создал фашистскую партию «Венгерское обновление» и являлся её руководителем до освобождения Венгрии войсками Советской Армии; казнён в 1946 г. как военный преступник. — 206.

КАЙО Ж. — председатель совета министров Франции в 1911—1912 гг.; сенатор; неоднократно занимал пост министра финансов; руководитель сенатского финансового комитета в 1932—1938 гг. —83.

КАДОГАН А. — английский дипломат; помощник заместителя министра иностранных дел в 1936—1937 гг.; постоянный заместитель министра иностранных дел в 1938—1946 гг. — 115, 116, 119, 120.

КЕЛЛОГ Ф. — государственный секретарь США в 1925—1929 гг. — 103, 105.

КЕЙТЕЛЬ В. — один из главных немецких военных преступников; генерал; сотрудник военного министерства в 1935—1938 гг.; с 1938 г. и до поражения гитлеровской Германии начальник штаба верховного командования вооружённых сил; с 1941 г. фельдмаршал; в 1946 г. казнён по приговору Международного Военного Трибунала. — 321, 322.

КОМНЕН — см. Петреску.

КОРДТ Э. — германский дипломат; советник в бюро рейхсминистра иностранных дел в 1939—1940 гг. — 114, 300, 309.

КРЕЙСЛЬ — один из руководителей гитлеровской «судетонемецкой партии» в Чехословакии. — 114.

КРНО — чиновник чехословацкого МИД в ранге посланника. — 317.

КРОФТА К. — министр иностранных дел Чехословацкой республики в 1936—1938 гг. — 49, 76, 115, 120, 169, 199, 316, 317.

КЮНЦЕЛЬ — один из руководителей гитлеровской «судетонемецкой партии», представитель Генлейна в Берлине в 1938 г. — 114.

ЛАВАЛЬ П. — министр иностранных дел Франции в 1934—1935 гг.; председатель совета министров и министр иностранных дел в 1935—1936 гг.; фактический агент Гитлера; казнён в 1946 г. по приговору французского суда. — 88.

ЛАММЕРС Г. — гитлеровский чиновник; с 1933 по 1937 г. статс-секретарь рейхсканцелярии; с 1937 г. и до краха гитлеровской Германии рейхсминистр и начальник рейхсканцелярии. — 191.

ДЕ ЛАКРУА В. — французский дипломат; посланник в Чехословакии в 1936—1939 гг. — 318.

ЛЕЖЕ А. — французский дипломат; генеральный секретарь министерства иностранных дел в 1933—1940 гг. — 81, 312—314.

ЛИПСКИЙ Ю. — польский дипломат; посол в Берлине в 1934—1939 гг. — 170, 180, 206, 216, 257, 265, 266, 272, 343.

ЛИТВИНОВ М. М. — Народный Комиссар Иностранных Дел СССР в 1930—1939 гг. — 102, 106.

ЛУКАСЕВИЧ Ю. — польский дипломат; посол в СССР в 1933—1936 гг.; посол во Франции в 1936—1939 гг. — 126.

МАКДОНАЛЬД Р. — лидер английских лейбористов; с 1931 г. национал-лейборист; премьер-министр и министр иностранных дел в 1924 г.; снова премьер-министр в 1929—1935 гг. — 33.

МАККЕНЗЕН Г. — германский дипломат; посланник в Венгрии в 1933—1937 гг.; статс-секретарь министерства иностранных дел в 1937—1938 гг.; посол в Италии в 1938—1943 гг. — 114.

МАСАРИК Я. — чехословацкий дипломат; посланник в Лондоне в 1925—1939 гг. — 115, 120, 161, 201, 238, 254, 255, 256.

МАСАРЖИК Г. — референт МИД Чехословакии в 1938 г. — 310, 315.

МАССИГЛИ Р. — французский дипломат; возглавлял в министерстве иностранных дел секцию по делам Лиги наций в 1928—1929 гг.; в 1933—1937 гг. — помощник директора политического отдела МИД; в 1937—1938 гг. — директор этого отдела. — 81.

МАСТНЫ А. — чехословацкий дипломат; посланник в Берлине в 1932—1939 гг. — 312—314.

МИЛЬЕРАН А. — военный министр Франции в 1914—1915 гг.; верховный комиссар Эльзас-Лотарингии в 1919 г.; в 1920 г. председатель совета министров, затем — президент республики в 1920—1924 гг. — 88.

МУССОЛИНИ Б. — главарь итальянского фашизма; с 1922 по 1943 г. премьер-министр и фактический диктатор Италии; казнён итальянскими патриотами в 1945 г. — 180, 263, 274, 294, 306.

НЕЙРАТ К. — один из главных немецких военных преступников; министр иностранных дел Германии в 1932—1938 гг.; «протектор Богемии и Моравии» в 1939—1943 гг.; приговорён Международным Военным Трибуналом к 15 годам тюремного заключения. — 9, 10, 42, 49, 53, 56.

НОЕ — переводчик Ферстера во время беседы последнего с У. Черчиллем в июле 1938 г. — 160.

НЬЮТОН — английский дипломат; посланник в Праге с декабря 1936 по 1939 г. — 116, 120, 247, 250, 251—253, 336, 340.

ОСУСКИЙ С. — чехословацкий дипломат, посланник в Париже в 1920—1939 гг. — 76, 91, 199.

ПАПЕН Ф. — один из главных немецких военных преступников; германский рейхсканцлер с 30 мая 1932 г. по 30 января 1933 г.; гитлеровский посланник в Австрии в 1934—1938 гг.; посол в Турции в 1939—1944 гг. — 70.

ПАРИАНИ А. — начальник итальянского генерального штаба в 1936—1939 гг. — 180.

ПЕТРЕСКУ-КОМНЕН — румынский дипломат; посланник в Берлине в 1932—1938 гг. — 169, 175.

ПОЛЬ БОНКУР Ж. — председатель совета министров и министр иностранных дел Франции с декабря 1932 г. по январь 1933 г.; министр иностранных дел с января 1933 г. по февраль 1934 г. — 119.

ПОТЕМКИН В. П. — заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в 1937—1940 гг. — 239.

РАЧИНСКИЙ Э. — польский дипломат; посол в Англии в 1934—1939 гг. — 343, 353, 355, 356.

РЕЙНО П. — французский промышленник и политический деятель; неоднократно занимал посты министра финансов и министра юстиции, а с ноября 1939 г. по март 1940 г. — министр финансов. — 78, 81.

РЕНСИМЕН В. — лорд; национал-либерал; министр торговли Великобритании в 1931—1937 гг.; председатель тайного королевского совета в 1938—1939 гг.; глава английской миссии, посланной в Чехословакию в 1938 г. — 170, 173, 174, 176, 178, 183, 184, 187, 188, 202, 226, 238.

РИББЕНТРОП И. — один из главных немецких военных преступников; посол в Лондоне в 1936—1938 гг.; с февраля 1938 г. и до краха гитлеровской Германии рейхсминистр иностранных дел; казнён по приговору Международного Военного Трибунала в 1946 г. — 54, 56, 67, 70, 72, 75, 92, 94—98, 107, 111, 112, 114, 206, 209, 212, 215, 257, 258, 261—266, 269, 271, 272, 334, 335.

РИПКА Г. — чехословацкий журналист. — 219, 224, 247, 310.

РИТТЕР К. — германский дипломат; в 1930—1935 гг. в качестве руководителя торгово-политического отдела министерства иностранных дел принимал участие в целом ряде политических и экономических переговоров с Бельгией, Польшей, Финляндией, Францией; в 1937—1938 гг. посол в Бразилии, после чего работал в аппарате министерства иностранных дел. — 329.

РОША — французский дипломат; начальник кабинета министра иностранных дел в 1935—1938 гг. — 81, 311, 315.

РЫДЗ СМИГЛЫ Э. — польский маршал; преемник Пилсудского; генеральный инспектор вооружённых сил Польши в 1938—1939 гг. — 136, 137.

САЙМОН Дж. — национал-либерал; министр иностранных дел Великобритании в 1931—1935 гг.; министр внутренних дел в 1935—1937 гг.; министр финансов в 1937—1940 гг. — 43.

САНДИС Д. — консерватор; член английского парламента. — 150, 153.

СМУТНЫ И. — главный секретарь президента Чехословацкой республики Бенеша в 1935—1938 гг. — 247, 251, 253, 317.

СТРЭНГ В. — английский дипломат; советник министерства иностранных дел; заведующий департаментом Центральной Европы в 1938—1939 гг. — 355.

СТЕХОВ — вице-консул; чиновник гитлеровского министерства иностранных дел в 1938—1939 гг. — 193, 194.

СТОЯИ Д. — венгерский офицер и дипломат; в 1925—1933 гг. военный атташе в Берлине; с 1935 по 1944 г. венгерский посланник в Берлине; с марта 1944 г. по август 1944 г. премьер-министр марионеточного венгерского правительства. — 177, 178.

СЫРОВЫ Я. — генерал; генеральный инспектор чехословацкой армии; премьер-министр Чехословацкой республики с 22 сентября по 1 декабря 1938 г. — 317.

СУИНТОН Ф. — министр колоний Великобритании в 1931—1935 гг.; министр авиации в 1935—1938 гг. — 150, 153.

ТВАРДОВСКИЙ Ф. — германский дипломат; советник посольства в Москве в 1929—1935 гг.; заместитель руководителя «культурно-политического» отдела министерства иностранных дел в 1936—1939 гг. — 114.

УИНТЕРТОН Эд. — лорд; министр без портфеля («канцлер герцогства Ланкастерского») в 1937—1939 гг.; заместитель министра авиации Великобритании в 1938 г.; заместитель министра внутренних дел в 1938 г. — 150, 153.

УЭЛЛЕС С. — заместитель государственного секретаря США с 1937 по 1943 г. — 141.

ФРАНК К. — заместитель Генлейна по руководству гитлеровской «судето-немецкой партией»; после оккупации Чехословакии германскими войсками и создания «протектората Богемия — Моравия» статс-секретарь при рейхспротекторе Нейрате; казнён как военный преступник по решению чехословацкого суда в 1946 г. — 99, 101, 114, 229, 230.

ФРАНСУА-ПОНСЭ А. — французский дипломат; посол в Берлине в 1931—1938 гг.; посол в Риме в 1938 г. — 271.

ФЕРСТЕР — один из главарей гитлеровской партии в Данциге. — 159, 160, 161, 163.

ФИРЛИНГЕР З. — директор политического департамента МИД Чехословакии в 1935—1937 гг.; посланник в Москве в 1937—1939 гг.; посол в Москве в 1941—1945 гг.; премьер-министр в 1945—1946 гг. — 199, 239.

ФЛАНДЕН Э. — председатель совета министров Франции с ноября 1934 г. по июнь 1935 г.; министр иностранных дел с января по июнь 1936 г. — 77, 78, 82, 83.

ХВАЛКОВСКИЙ Ф. — министр иностранных дел Чехословакии с 1 декабря 1938 г.; вместе с Гаха подписал 15 марта 1939 г. акт о ликвидации независимости Чехословакии. — 336.

ХОРТИ — адмирал; с 1920 по 1944 г. регент Венгрии; принимал активное участие в подавлении венгерской революции в 1919 г.; руководитель сегединского контрреволюционного движения; во время его регентства Венгрия в 1941 г. начала войну против СССР. — 176, 177, 214.

ХОР-БЕЛИША Л. — парламентский секретарь министерства торговли Великобритании в 1931—1932 гг.; финансовый секретарь казначейства в 1932—1934 гг.; министр транспорта в 1934—1937 гг.; военный министр в 1937—1940 гг. — 153.

ЧЕМБЕРЛЕН Н. — лидер английской консервативной партии; крупный капиталист; премьер-министр в 1937—1940 гг.— 43, 47, 56, 59, 64, 69, 94, 96, 97, 123, 124, 125, 145, 148—154, 170, 174, 193, 209, 214, 215, 226, 248—250, 252, 255, 258, 262, 263, 269, 274, 278—283, 294, 303, 309, 312—314, 318, 319, 320, 349, 352, 353.

ЧЕРЧИЛЛЬ У. — лидер английской консервативной партии; в 1937—1939 гг. — вне правительства; первый лорд адмиралтейства в 1939—1940 гг.; премьер-министр в 1940—1945 гг. — 149, 159.

ШАХТ Я. — один из главных немецких военных преступников; президент рейхсбанка в 1923—1930 гг. и в 1933—1939 гг. — 9, 10.

ШЕМБЕК Я. — вице-министр иностранных дел Польши в 1932—1939 гг. — 175.

ШМИДТ Г. — статс-секретарь министерства иностранных дел Австрии в 1936—1938 гг.; министр иностранных дел в правительстве Шушнига в 1938 г. — 70.

ШОТАН К. — с 1919 г. член палаты депутатов; председатель совета министров Франции в 1937—1938 гг.; с марта по июль 1940 г. заместитель председателя совета министров. — 83.

ШТИВЕ Ф. — германский дипломат; руководитель «культурно-политического» отдела министерства иностранных дел в 1933—1939 гг. — 114.

ШТРЕЗЕМАН Г. — рейхсканцлер и министр иностранных дел в 1923 г.; министр иностранных дел в 1923—1929 гг.—138.

ШУШНИГ К. — один из лидеров австрийской католической «христианско-социальной» партии; канцлер Австрийской республики в 1934—1938 гг. — 93, 94.

ЭШТОН-ГУЭТКИН Ф. — английский дипломат; советник министерства иностранных дел с 1934 г.; был прикомандирован к миссии Ренсимена (в Чехословакию) в 1938 г. — 183, 187, 188, 311, 312.

ЭЙЗЕНЛОР Э. — германский дипломат; посланник в Афинах в 1931—1936 гг.; посланник в Праге в 1936—1939 гг. — 49, 99, 101, 107, 114.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Подписано в печать 26 февраля 1948 г. Тираж 100 000 экз.
Объём 23 п. л. 10,75 уч. изд. л. А00622. Заказ № 7865. Цена 8 руб.

1-я Образцовая типография треста „Полиграфкнига" Огиза при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.

А 123